Уральский федеральный университет
Институт истории и археологии УрО РАН
Санкт-Петербургский институт истории РАН
Ассоциация исследователей истории торговли, купечества
и таможенного дела

ТОРГОВЛЯ, КУПЕЧЕСТВО И ТАМОЖЕННОЕ ДЕЛО В РОССИИ В XVI — СЕРЕДИНЕ XIX в.

Тезисы докладов VI Всероссийской
научной конференции
(Екатеринбург, 17–18 ноября 2026 г.)

Санкт-Петербург — Екатеринбург
2026

УДК 339.1
ББК 65.428

Составитель
А. И. Раздорский

Тексты опубликованы в авторской редакции

Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI — середине XIX в. : тезисы докладов VI Всероссийской научной конференции (Екатеринбург, 17–18 ноября 2026 г.) / Уральский федеральный университет, Институт истории и археологии УрО РАН, Санкт-Петербургский институт истории РАН, Ассоциация исследователей истории торговли, купечества и таможенного дела ; сост. А. И. Раздорский. — Санкт-Петербург ; Екатеринбург, 2026. — 132 с. — Электронное издание.

DOI 10.51255/2026_11_17-18_132

На титульном листе представлена репродукция миниатюры XVII в.
«Купец, считающий деньги»

© Раздорский А. И., составление, 2026

Содержание

К. А. Абдрахманов. Рыбный промысел оренбургских купцов И. Путолова и М. Деева в Аральском море в середине XIX в. 6

М. Д. Аксенова. Недвижимость московских купцов после пожара 1812 г. 8

А. С. Алмазов. Таможенное дело в Войске Запорожском в период гетманства И. Самойловича (1672–1687 гг.) 10

Т. А. Базарова. Донесения котлинского коменданта В. И. Порошина как источники по истории становления петербургского международного торгового порта 12

В. Г. Балковая. Развитие таможенного делопроизводства в первой половине XVIII в. 14

В. Н. Беляева. Беломестцы как особая группа торгово-ремесленного населения Нижнего Новгорода середины XVII в. 17

Е. В. Бородина. Функционал екатеринбургской таможни в конце 1730-х — начале 1740-х гг.....19

Н. Д. Васильева. Роль благотворительной деятельности купечества в социальной адаптации воинов и членов их семей по возвращении к мирной жизни (на примере Псковской губернии первой половины XIX в.) 21

И. В. Верещагина. Нерчинский Успенский монастырь в русско-китайской приграничной торговле середины XVIII в. 24

С. В. Голикова. Свой среди купцов: из дневника екатеринбургского протоиерея Ф. Л. Карпинского 26

Д. В. Гущина. Купечество и «начальство градское»: конфликты в выборном городском управлении русских городов XVIII в. 28

Л. А. Дашкевич. Благотворительность купечества как фактор развития образования в городах Урала первой половины XIX в. 30

Х. Демироглу. Османско-российский торговый договор 1783 года 32

К. В. Дубровина. Семейный состав екатеринбургского купечества по материалам V ревизии 36

А. А. Ефимов. «Не дозволять заводить ресторацию…»: спор трактирщика и ресторатора в Царском Селе на рубеже 1820-х — 1830-х гг. 39

Т. В. Жиброва. Книга таможенных сборов за купленных и обмененных лошадей с конной площадки Воронежского уезда начала XVIII в. 42

В. Н. Захаров. Участие русских купцов во внешней торговле России во второй половине XVIII в. 44

М. А. Киселев. К вопросу о причинах и последствиях введения в России в 1704 г. казенной монополии на торговлю табаком 46

С. С. *Колегов.* Проблема организации посылки на обучение в Италию и Испанию детей из купеческих семей в 1720-е годы 49

Е. В. Комлева. Опыт подготовки справочника о региональном купечестве на примере издания «Кяхта торговая. Материалы для биографического словаря» (Улан-Удэ, 2025) 52

С. Н. Копырина. После пожара: гостиный двор Екатеринбурга и городская торговля (1742 г.) 54

Н. А. Кореева. Верющие письма как исторический источник по изучению торговых операций купечества (конец XVIII — первая половина XIX в.) 58

А. Ю. Корнилов. Городское общество и строительство гостиных дворов в конце XVIII — XIX вв. по материалам Владимирской, Ярославской и Костромской губерний 61

Н. В. Коршунова. Формирование таможенной политики в России в первой четверти XIX в.: проекты и решения 64

А. А. Космовская. Печорский волок на оброке в XVII–XVIII вв. 66

Я. А. Лазарев. Русско-украинская торговля пенькой в первой половине XVIII в.: к вопросу о механизмах экономической интеграции Малороссии 68

Д. В. Лисейцев. Формирование социальной группы «торговые люди» по материалам делопроизводства Печатного приказа первой половины XVII в. 71

П. Е. Ломако. Трактирные заведения как показатель значимости провинциального города конца XVIII века (на примере Московской губернии) 73

Д. О. Манин. Подготовка русско-французского торгового проекта в начале 1680-х гг. 76

И. Л. Манькова. Таможенные заставы в Нижнем Приобье в XVII в.: поиски оптимального механизма функционирования 79

А. К. Махадов. Экономические отношения народов южного Дагестана и северного Азербайджана в первой половине XIX в. 82

Т. С. Минаева. Сохранение исторической памяти о К. А. Анфилатове 84

Е. Г. Молчанова. Иностранная торговля в Николаевске-на-Амуре в середине XIX в.: предприниматели и границы интеграции 86

А. Р. Мустафин. Торговля солью в России в XVIII в.: последствия введения казенной монополии 88

М. Т. Накишова. Полицеймейстерская канцелярия, социальное дисциплинирование и регулирование торговой деятельности в петровском Санкт-Петербурге 90

Я. В. Осипова. Контрабандный провоз товаров на Троицкой пограничной таможне конца 50-х — начала 60-х гг. XIX в. 92

Т. В. Павлина. На рубеже веков, в преддверии отмены: Собская застава в 1701 г. 95

А. И. Раздорский. Торговые связи Екатеринбурга по данным таможенных выписей екатеринбургской таможни 1740–1741 гг. 98
Д. А. Редин. Русский экспорт металла глазами уральских заводовладельцев. 1763 г. 101
М. И. Роднов. Смена хлеботорговых путей на Южном Урале во второй четверти XIX в. 104
Т. Е. Санжиева. Купечество Западного Забайкалья во второй половине XVIII — первой половине XIX в. 106
А. М. Сафронова. К истории поступления первых партий лекарств на казенные заводы Урала (1720–1734 гг.) 109
А. В. Сиренов. Суздальские купцы XVIII в. и их представления об истории Суздаля 111
И. В. Торопицын. Предпринимательская деятельность астраханских юртовских татар в XVII–XVIII вв. 113
А. Н. Торопов. Зимовка «железного каравана» Верх-Исетского горнозаводского округа в письмах заводовладельца 1812 г. 115
К. А. Уланов. Проблемы сбыта продукции казенных заводов Урала в Москве и Санкт-Петербурге в первой половине XVIII в. 118
Д. З. Фельдман. К вопросу о положении курляндского еврейского купечества в России в конце XVIII в. 121
С. И. Цеменкова. Владельцы лавок Гостиного двора и торговая недвижимость в Екатеринбурге в конце XVIII в. 124
Е. Ю. Янушкевич. Из истории русско-персидских торговых отношений в 30-е годы XIX в. 127
Сведения об авторах.....129

К. А. Абдрахманов

Рыбный промысел оренбургских купцов И. Путолова и М. Деева в Аральском море в середине XIX в.

В докладе проанализирована специфика организации и функционирования рыбного промысла, принадлежавшего оренбургским купцам 1-й гильдии Ивану Путолову и Михаилу Дееву. Указанные коммерсанты являлись представителями наиболее известных и состоятельных предпринимательских династий Оренбурга XIX — начала XX в. Основным направлением коммерческой деятельности обеих купеческих семей в дореформенную эпоху стала внешняя торговля с Казахской степью и ханствами Средней Азии. Экстремальный характер российско-азиатской торговли, выражавшийся прежде всего в налетах кочевников на купеческие караваны, стимулировал предпринимателей-международников на поиск дополнительных резервных источников доходов. В рамках широкой диверсификации бизнеса, свойственной большей части оренбургского делового сообщества, коммерсанты Путолов и Деев приняли решение об инвестициях в добычу рыбных ресурсов в Аральском море и его речных системах.

В 1847 г. с разрешения оренбургского военного губернатора В. А. Обручева купцами была создана «для рыбного и звериного промысла на Аральском море и впадающих в него реках компания на паях». Судя по всему, дата начала реализации рыболовецкого предприятия была выбрана не случайно. В период со второй трети XVIII до начала 70-х годов XIX в. показатели активности российского купечества на азиатском направлении коррелировались уровнем политического влияния империи в Центральной Азии, объемом военного присутствия и скоростью его продвижения в регионе. В 1847 г. в районе делового интереса оренбургских купцов было построено Раимское укрепление, ознаменовавшее своим появлением начало постоянного присутствия России в Приаралье. Синхронизация по времени старта купеческого рыболовного промысла в Аральском море с расширением военных возможностей России в Приаралье позволяет утверждать, что Путолов и Деев очень рассчитывали на сотрудничество с администрацией форта по различным вопросам, касающимся развития их проекта. Многочисленные организационные трудности, с которыми столкнулись российские первопроходцы промышленного освоения рыбных

ресурсов Аральского моря, подтвердили обоснованность и дальновидность такого подхода.

Значительные проблемы проявились уже на стадии запуска делового предприятия. Видимо, очень хорошо знакомые с многочисленными рисками, всегда сопровождавшими коммерческую деятельность на территории малоисследованной и небезопасной центральноазиатской степи, Путолов и Деев посчитали целесообразным при таких обстоятельствах избежать максимальной нагрузки на собственные финансовые возможности. Опытные предприниматели смогли привлечь инвесторов благодаря организационно-правовой форме нового предприятия. Для учреждения «компании на паях» были привлечены средства 131 участника. Однако пионеры оренбургской рыбопромышленности все же не смогли точно рассчитать объем необходимых вложений, что, в свою очередь, обернулось чередой непредвиденных организационных накладок.

Затратив немалые средства на развертывание рыбного промысла, но, в силу определенных причин, не имея возможности выйти на прибыль, купцы направили в конце 1847 г. через оренбургское руководство прошение в Министерство финансов о наделении их предприятия рядом логистических и налоговых льгот. В случае одобрения правительством их запроса, коммерсанты были готовы развернуть масштабы рыбного промысла до уровня окупаемости. В своем отрицательном ответе Министерство финансов объяснило просителям что, в следствие все еще ограниченного политического и военного присутствия империи в регионе, деловым людям пока не стоит «помышлять о даровании компаниям привилегии на промыслы по Аралу и Сыр-Дарье». Не получив поддержки на высшем уровне, основатели рыболовецкой компании убедились в невозможности компенсировать финансовые потери за счет государственных преференций. Ответом Путолова и Деева на сложившуюся ситуацию стало пассивное отношение предпринимателей к текущим потребностям предприятия. Особого внимания с их стороны требовали такие организационные моменты как поиск и доставка работников к местам промысла, закупка и транспортировка провизии для сотрудников предприятия, а также приобретение больших объемов соли для консервации улова. В результате практически полной утраты ключевыми собственниками интереса к развитию своего дела, рыбный промысел купцов Путолова и Деева в Аральском море был остановлен, так и не достигнув уровня постоянно действующего высокодоходного предприятия.

М. Д. Аксенова

Недвижимость московских купцов после пожара 1812 г.

Российская империя дореформенного периода характеризовалась низкими темпами урбанизации, однако исследования города данного периода имеют долгую историографическую традицию в отечественной науке. Жизнь в городе для его обывателей была связана с множеством трудностей, а рынок жилья был преимущественно арендным: купить или построить свою недвижимость было достаточно дорого, в отличие от аренды. При этом владели своей недвижимостью немногие — для Москвы второй половины 1810-х годов это было менее 20 % от всего населения города. Таким образом, уже на этом этапе становится понятно, что имущественное неравенство на уровне города было достаточно высоким; существующие в историографии оценки неравенства для владельцев имущества в Московской губернии в допожарный период также высоки — индекс Джини превышает показатель 70 (из максимально возможных 100).

Одновременно с этим в исследовательской литературе существует мнение, что внешние катаклизмы, эпидемии, войны снижают неравенство. На примере Москвы после пожара 1812 г., во время которого было уничтожено более ¾ построек, данное утверждение можно протестировать благодаря сохранившимся документам по оценке недвижимости москвичей, проводившейся в 1817–1818 гг. с целью установления нового налога — 0,5 % с оцененного имущества.

В данной работе будут рассмотрены купцы как наиболее экономически активная часть населения среди всех городских социальных групп. Благосостояние большинства из них напрямую зависело от наличия недвижимости в их владении и для многих из них это была единственная недвижимость (в отличие от дворян, у которых могли быть имения в других губерниях). То есть цель данной работы — определить степень влияния пожара 1812 г. на благосостояние московских купцов во второй половине 1810-х годов.

Данные документы — «Ведомости оцененной земли и домов» для разных частей Москвы отложились в фонде 14 (оп. 7) Центрального государственного архива Москвы. В рамках данной работы были собраны и проанализированы «ведомости» всех частей Москвы, за исключением Городской — ее найти не удалось (всего собрано чуть больше 9700 наблюдений). По этой причине наша выборка несколько

недооценивает благосостояние московских купцов, ведь в этой части города было множество торговых рядов и лавок. Достоверность показанной информации не вызывает сомнений — недвижимость оценивалась одними и теми же людьми, примерно в одно и то же время, основные принципы оценки были определены законодательно, однако некоторую субъективность в оценке исключать нельзя. Отдельно отметим, что в литературе бытует мнение об относительно быстрой отстройке купцами своих владений после пожара 1812 г.

В рамках выявления конкретных механизмов и последствий пожара были изучены две части города с схожим количеством владельцев-купцов, но которые неодинаково пострадали в пожаре 1812 г.: полностью сгоревшая Якиманская и во многом уцелевшая Серпуховская части. Доля деревянных домов — 28,3 % в Якиманской и 39 % в Серпуховской — не отличалась значительно, а вот полностью каменной недвижимости было 62 % в Якиманской и 37,6 % в Серпуховской (если рассмотреть эти показатели для всех домов в частях, а не только купеческих, то мы увидим цифры в 26,4 и 12,2 % соответственно). Медианный размер дома был больше в Якиманской части, хотя в этой же части наблюдалось больше не выделяющихся на общем фоне средних построек. Даже не рассматривая отдельно лавки, многие из которых были сделаны из камня, можно заключить, что купечество, чье имущество пострадало в пожаре, было более мотивировано к каменной застройке (хотя в целом среди купечества и до пожара наблюдалась наибольшая доля каменных построек по всему городу).

Был смоделирован индекс прогнозируемой цены в зависимости от степени разрушения части, который показал, что влияние пожара было не только неравномерным, но и разнонаправленным: так, чем сильнее выгорела часть, тем дешевле оценивалась недвижимость купцов (для дворян — ровно наоборот). Степень влияния пожара была также изучена при помощи регрессионной модели (МНК): было выяснено, что степень разрушенности части объясняет совсем небольшую вариацию цены недвижимости после включения переменных «местоположение», «размер участка», «материал» «этажность», «сословие владельца».

Индекс Джини по стоимости имущества частных владений через несколько лет после пожара — 73,8 (что соотносится с допожарными оценками), а среди купцов — 63,4, то есть купеческая среда или была чуть более равной изначально, или же пожар способствовал небольшому сглаживанию имущественного неравенства именно в купеческой среде (второе представляется более предпочтительным в виду большого количества различной недвижимости у купцов — не только личных домов, но и лавок, заводов и проч.).

А. С. Алмазов

Таможенное дело в Войске Запорожском в период гетманства И. Самойловича (1672–1687 гг.)

Переход Войска Запорожского под власть царя в 1654 г. предполагал сохранение им широкой автономии в составе Русского государства. Эта автономия среди прочего в течение достаточно долгого времени предполагала существование местной системы сбора налогов. В частности, отдельная таможня, поступления от которой шли в войсковой скарб (то есть казну), просуществовала здесь с 1654 по 1754 г. Даже в 1666–1668 гг., когда собиравшиеся пошлины расходовались на обеспечение русских гарнизонов в местных городах, не произошло полного объединения таможенной системы Войска Запорожского с общерусской, поскольку сохранялись прежние принципы и ставки налогообложения.

Таможни и таможенное дело в Гетманщине не раз становились предметом изучения исследователей, однако при этом, как правило, используются сведения, относящиеся к XVIII в., что ограничивает возможности по изучению динамики их развития.

Как и в XVIII в., в рассматриваемый период сбор индукты (ввозной пошлины) и эвекты (вывозной пошлины) осуществлялся в рамках откупной системы. Откупщик, получавший таможенный откуп, именовался войсковым экзактором. После того, как в июне 1672 г. Иван Самойлович был выбран гетманом, он разрешил продолжать собирать пошлины греческому купцу Зосиме Згурову, получившему откуп еще при прежнем гетмане Д. И. Многогрешном. Однако вскоре греческие купцы подали челобитную царю с жалобой на войскового экзактора, который приказывал бить палками купцов за любые нарушения. В Москве было решено удовлетворить просьбу купцов, и гетману была отправлена царская грамота с предписанием отстранить Згурова от таможенных сборов. И. Самойлович дал экзактору возможность продолжить исполнять откуп до конца его срока, но вывел из-под его юрисдикции местных купцов, а также выходцев с остальной территории Русского государства.

Возможно, этот случай привел к тому, что позднее гетман решил назначать войсковыми экзакторами казацких старшин, в частности, умершего в 1679 г. в период держания откупа бывшего подольского и паволочского полковника Константина Мигалевского, а потом бывшего переяславского полковника Дмитрашко Райчу. В 1684–1685 гг.

Самойлович передал сбор индукты и эвекты Максиму Васильковскому (Печерскому), который, вероятно, был купцом, но не греком, поскольку известно, что гетман отказал греческим купцам, предложившим за таможенный откуп более значительную сумму.

Срок таможенного откупа составлял 1 год. По состоянию на 1679 г. ставка как индукты, так и эвекты составляла 2 % от стоимости товара. Она в равной степени касалась иностранных и местных купцов, а также выходцев из остальных частей Русского государства. Ставка оставалась такой до 1709 г., когда была повышена до 3 %. Сбор пошлин производился на ярмарках, а также на заставах — своеобразных пунктах таможенного контроля. Под руководством войскового экзактора сбор индукты и эвекты осуществляли дозорцы. Что касается санкций за нарушение таможенных норм, то за попытку провезти товар контрабандой после упомянутой жалобы греческих купцов в 1672 г. нарушителям полагалась конфискация всего неучтенного товара вместо прежнего битья палками.

Таможни приносили в войсковой скарб значительные доходы. Так, в 1679 г. сбор индукты и эвекты был отдан Д. Райче за 18 тыс. золотых (соответствовало 3600 руб.), а в 1684 г. М. Васильковский получил откуп уже за 40 тыс. золотых (8 тыс. руб.). Последняя сумма почти совпадает со стоимостью таможенного откупа в Войске Запорожском в 1709 г. (8–9 тыс. руб.). К концу же существования отдельных таможен в Гетманщине таможенные доходы возросли до 50 тыс. руб.

Что касается доли поступлений от таможенного откупа в общем бюджете, то ее можно оценить только на конец 1670-х годов. В. А. Романовский подсчитал, что в 1678 г. «аренда» (откупа на продажу алкогольных напитков) принесла в войсковой скарб 91 365 золотых (около 18 300 руб.). Если учесть, что при введении «аренды» в феврале 1678 г. были отменены практически все прежние прямые налоги, составлявшие до этого основу доходных статей бюджета Войска Запорожского, то остальными доходами помимо прихода от винных и таможенных откупов в расчетах можно пренебречь. Высока вероятность, что и в 1678 г. поступления от таможни составили приблизительно столько же, сколько в 1679 г. Таким образом, долю таможенных доходов в войсковом скарбе можно оценить в 16,46 %. Если сравнить с периодом гетманства Богдана Хмельницкого (1648–1657 гг.), то эта доля не сильно изменилась, тогда она составляла 14,27 %. В XVIII в. доля таможенных доходов была еще ближе к полученным результатам — на конец 1720-х годов она была равна 16,33 %. Итак, насколько можно судить, место таможенных пошлин в структуре доходов Войска Запорожского в период существования местной отдельной таможни оставалось достаточно стабильным, приближаясь к 1/6 от общей суммы.

Т. А. Базарова

Донесения котлинского коменданта В. И. Порошина как источники по истории становления петербургского международного торгового порта

Бригадир Василий Иванович Порошин (ум. 1732) стал котлинским комендантом в 1710 г. и оставался в этой должности до 1725 г. Основной обязанностью коменданта являлась организация обороны острова Котлин и судоходного фарватера. Под его началом находились комендант двух крепостей — Александровской и Кронштлота. Сам же Порошин подчинялся обер-коменданту Р. В. Брюсу и губернатору А. Д. Меншикову.

Основной комплекс донесений котлинского коменданта Меншикову отложился в Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН (ф. 83 «Походная канцелярия А. Д. Меншикова) и Российского государственного архива древних актов (ф. 198 «Походная и домовая канцелярия А. Д. Меншикова»).

В 1713 г. была прорвана шведская блокада русского побережья Финского залива и в устье Невы вошло семь иностранных торговых судов. В том же году был обнародован первый из указов Петра I, направленных на перенос торговли из Архангельска в Санкт-Петербург. С каждым годом число иноземных судов, направлявшихся в новую российскую столицу, неуклонно увеличивалось.

В отличие от Санкт-Петербурга Котлин имел глубоководную гавань и более продолжительный период навигации. Именно на Котлине иностранные суда оставляли часть груза перед проходом в Санкт-Петербург либо полностью там разгружались. Для приема торговых судов была построена укрепленная Купеческая гавань (1718–1721). Возле Александровской крепости несла брандвахту шнява «Поллукс».

Как правило, на следующий (или в тот же) день после прибытия и осмотра судна у Котлина В. И. Порошин отправлял о нем сведения губернатору А. Д. Меншикову. Это могло быть отдельное письмо или несколько строк в большом донесении, в котором указывались дата (иногда уточнялось время) прибытия, порт отправки, название и тип судна, число пушек, а также основной груз. В ряде случаев упоминались имя шкипера, число матросов и пассажиров, получатель груза. Например, в 1717 г. комендант докладывал: «сего июля 22 дня попо-

луночи в начале 3 часа прибыл х Котлину острову аглинской земли карабль, именуемый пинк Греп; на нем шипер Гамнон Мезед, матрозов семь человека. А нагружено на оном карабле аглинское уголье. Идет в Санктпитербурх к торговому купецкому человеку Годскинсу эн Спилману» (РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 858. Л. 201).

Не позднее 1717 г. Порошин начал сводить данные о прибывших торговых судах в особый рапорт. Он отправлял в Санкт-Петербург сведения о числе купеческих судов, прибывших к Котлину на день составления рапорта, (например, 29 июля 1723 г. — 150, 2 августа — 158, 15 сентября — 222). В конце навигации было подсчитано, что с апреля по 16 октября в котлинской гавани побывало 266 купеческих судов (в том числе три российских).

К началу 1720-х годов сложился формуляр отчета, который готовили после осмотра судна. После перечисления товаров (указывалось число тюков, бочек, ящиков и проч.) записывали: 1) имя владельца и/или получателя груза; 2) была ли встреча в пути с военными кораблями; 3) были ли эпидемии в портах; 4) время в пути; 5) кто и где выдал паспорт.

Донесения В. И. Порошина — важные источники, показывающие становление развитие международных торговых связей, осуществлявшихся через петербургский порт.

В. Г. Балковая

Развитие таможенного делопроизводства в первой половине XVIII в.

В первой половине XVIII в. произошли важные качественные преобразования в сфере ведения таможенного делопроизводства и документирования процедур таможенного оформления. Реформирование затронуло в первую очередь портовые и пограничные таможни, ориентированные на обложение товаров внешней торговли и имевших постоянный штат служителей.

Это можно увидеть на основе материалов, отложившихся в фондах Российского государственного исторического архива (ф. 138 — Петербургская портовая таможня Департамента таможенных сборов Министерства финансов. Оп. 6. Указы и предписания Коммерц-коллегии, донесения таможен в Коммерц-коллегию [ежегодные]). Санкт-Петербургская портовая таможня, расположенная в столице, в XVIII в. явилась полигоном для всех таможенных преобразований, а акциденция, собираемая в ней, шла на оплату расходов, необходимых для преобразований во всех портовых и пограничных таможнях. (Акциденция — особый целевой сбор, шедший на собственные нужды таможенной системы).

Новой важной тенденцией в таможенном делопроизводстве явилось использование типографских возможностей при изготовлении основы для ведения таможенной документации — таможенных книг, ярлыков, табелей.

Под таможенными ярлыками понимали напечатанные бланки для рукописного заполнения. Уже при реформировании в 1724 г. Санкт-Петербургской портовой таможни, ставшей первой регулярной таможней в России, для ведения текущего делопроизводства были введены различные виды ярлыков, применявшихся при морском таможенном оформлении — на полный груз, для выгрузки, о нагрузке, о пропуске из таможенного пакгауза товаров (Д. 1. Л. 37–38). Эти ярлыки относились к расходным материалам и не предназначались для длительного хранения, но их существование позволяло более детально регламентировать оформительские процедуры.

Коммерц-коллегией в портовых таможнях были введены новые виды таможенных книг — явочные книги приходящим кораблям,

явочные книги отходящим кораблям, главные книги таможни, книги о конфискованных вещах, пропускные книги на полный груз для нагрузки, пропускные книги на полный груз для выгрузки, таможенные книги о пропуске из таможенного пакгауза товаров, расходные книги. Кроме того, предполагалось ввести отдельные книги для отдельных должностных лиц — для стемпельмейстера (в ней должны были фиксироваться ежедневно время вскрытия пакгауза с подтверждением целостности печати, и его закрытия с наложением новой печати) и вагмейстера (в которой должны была фиксироваться результаты взвешивания ввозимых и вывозимых сыпучих товаров).

Из этого видно, что хотя таможенные книги утвердились в качестве основного отчетного документа таможни еще в XVII в., в 1720-х годах были проведены серьезные преобразования в этой сфере, прежде всего, для таможен, ориентированных на внешнюю торговлю. Это выразилось в том, что изменился перечень подлежащих ведению книг, а также порядок их ведения. Отчетные книги таможен также стали изготавливаться типографским способом, снабжаться переплетами и иметь нумерацию страниц, что должно было предотвратить изъятие и замену листов. Сохранилась информация, что в 1724 г. от Коммерц-коллегии в типографию Академии наук была направлена заявка на изготовление и переплет 127 таможенных книг для всех портовых таможен Российской империи, стоимость работ была определена в 10 алтын за одну книгу (Д. 1. Л. 104). Сохранилась информация о печати в 1753 г. для Астраханской портовой таможни 700 выгрузных ярлыков (Д. 27. Л. 137), для Архангельской портовой таможни — 1000 ярлыков и 150 паспортов на отходящие корабли (Д. 27. Л. 153). Это свидетельствует о сложившейся практике.

Мастерские Академии наук помимо печати типографских заказов осуществляли также изготовление таможенных печатей и годовых стемпелей (штемпелей) для клеймения товаров. Например, сохранилась информация об изготовлении в 1753 г. полного комплекта печатей для Архангельской портовой таможни — с государственным гербом и буквами «А:П» (Архангельская портовая), «А:Т» (Архангельская внутреннего сбора), годовые стемпели для клеймения товаров (всего 12 шт. по 3 руб. каждый) (Д. 27. Л. 90). В связи с выявленной в 1743 г. попыткой изготовления поддельной печати, при отправке в таможни комплекта печатей и стемпелей делались их контрольные оттиски на сургуче, которые в дальнейшем могли быть использованы в спорных ситуациях.

Сохранился полный реестр заказов в мастерские Академии наук на изготовление таможенных книг и стемпелей для таможенной системы на 1754 г. (Д. 27. Л. 405–406, 450). В ходе таможенной реформы

Петра Шувалова в 1756 г. были созданы пограничные таможни в Малороссии, в связи с чем была подготовлена заявка на 66 руб., предназначенная для изготовления печатей таможен (по 10 руб. за 1 шт.) и стемпелей (по 3 руб. за 1 шт.) (Д. 30. Л. 4).

Кроме того, с целью большей формализации таможенного документооборота Коммерц-коллегией были разработаны формуляры (типовые формы), по образцу которых рукописно должны были составляться реальные документы при совершении различных оформительских процедур (Д. 1. Л. 41–56).

Все это свидетельствует о важных качественных преобразованиях в сфере таможенного делопроизводства, произошедших в первой половине XVIII в. в русле общей тенденции бюрократизации государственного управления в условиях утверждения абсолютизма.

В. Н. Беляева

Беломестцы как особая группа торгово-ремесленного населения Нижнего Новгорода середины XVII в.

Выгодное расположение на пересечении водных и сухопутных путей превратило Нижний Новгород в крупный административный и торгово-промысловый центр Поволжья. Население города было разнообразным, но подавляющую его часть составлял ремесленный и торговый люд. Для формирования представления о социально-экономической структуре города бесценным источником являются материалы писцового делопроизводства. Описания по Нижнему Новгороду за XVII столетие на сегодняшний день выявлены лишь частично: еще в конце XIX в. были опубликованы писцовая книга 1621–22 гг. писца Дмитрия Васильевича Лодыгина, Василия Ивановича Полтева и дьяка Дементия Образцова и переписная книга 1678 г. Данилы Ивановича Сытина и подьячего Михаила Спасеньева. По упоминаниям в источниках известно о проведении дозора в 1617 г. А. Голохвастовым и подьячим П. Михайловым и переписи 1646 г. князя Ивана Федоровича Шаховского и подьячего Прокопия Семенова. Тексты книг, в которых зафиксированы результаты дозора и переписи, на сегодняшний день не выявлены. Интересные сведения дают пока не опубликованные тексты переписной книги по Нижнему Новгороду Тайного приказа 1665 г. стряпчего приказа Богдана Федоровича Полибина и описная книга беломестцам, гостям и патриаршим крестьянам 1685 г. Особый интерес представляют локальные переписи беломестцев 1640 и 1652 гг., которые были сделаны в связи с введением в 1637 г. нового подворного налога — «подымных денег», который рассчитывался исходя из общего числа тяглых дворов и посадского строения 1649 г.

Для середины XVII в. характерно обострение конфликта посада с беломестцами. Эти события в истории Нижнего Новгорода отражены в работах А. М. Орехова, П. П. Смирнова и других исследователей.

В 1640 г. на нижегородском посаде было 1066 тяглых дворов, в ходе посадского строения Нижнего Новгорода 1648/49 гг. к посаду было приписано 767 дворов. В дальнейшем численность тяглых посадских дворов увеличивалась незначительно: 1451 двор в 1655 г., 1496 — в 1678 г., 1496 — в 1682 г., 1506 — в 1690 г. В ходе посадского строения численность дворов беломестцев хоть и снизилась, но составляла

более 30 % от численности всех зафиксированных на посаде дворов. Таким образом, на практике видно, что в Нижнем Новгороде, как и во многих других городах, борьба за запись беломестцев в посад растянулась на долгие десятилетия.

Среди беломестцев помимо людей бояр и монастырей, ямщиков, стрельцов, подьячих, гостей и членов гостиной сотни, фиксируются ремесленники и торговцы. Именно конфликт между посадом и беломестцами стал основной причиной волнений середины XVII в. На примере одной семьи можно проследить противоречивость политики властей относительно городского населения. В 1620–1640-е годы в селе Лысково весьма заметна семья Антропа Леонтьева сына: она владела лавками, брала откупа и даже построила каменный храм. В итоге наиболее яркий представитель рода — Иван Антропов сын, имевший в Нижнем Новгороде двор и лавки, — был записан в нижегородский посад. Но через некоторое время он был записан в гостиную сотню, тем самым оказался в числе беломестцев.

Таким образом, на протяжении 1640–1680-х годов прослеживаются две, по сути, противоположные тенденции: интенсивное привлечение торговых и ремесленных людей из окружающих города сел в состав тяглецов посада и перевод наиболее успешных представителей торговцев и ремесленников в число корпораций, что ослабляло платежеспособность посада.

Е. В. Бородина

Функционал екатеринбургской таможни в конце 1730-х — начале 1740-х гг.

Одним из немногих учреждений на Среднем Урале второй четверти XVIII в., подчиненных губернскому центру в Тобольске, являлась таможня. В отличие от других канцелярий и контор, исполнявших те или иные управленческие функции, этот орган не подчинялся напрямую горнозаводскому ведомству.

По данным Н. С. Корепанова, таможня была переведена в Екатеринбург с Уктусского завода в 1723 г. и просуществовала здесь до 1754 г., когда начал реализовываться указ о ликвидации внутренних таможен в стране. В обязанности екатеринбургской таможни входили досмотр и оценка товаров, перевозившихся по территории Екатеринбургского ведомства, взимание различного рода сборов, а также контроль винной и соляной продажи.

В сентябре 1739 г. «таможенному ведомству» были переданы крепостные дела. Канцелярия Главного заводов правления предписала таможне набрать писцов для крепостной работы. С этого момента земским конторам Екатеринбургского ведомства следовало направлять всех желавших зарегистрировать договор в екатеринбургскую таможню: «впредь никаких крепостей оной канторе писать не велеть». Пошлинные деньги, собранные при регистрации крепостей за август 1739 г., требовалось передать таможне. Екатеринбургская контора судных и земских дел направляла указы о взимании крепостных пошлин в таможню, время от времени дублируя их в ту или иную земскую контору, «ибо крепостной збор по силе указов отдан в губернское ведомство». Таможня взимала и пошлины по поручным записям. Кроме того, в ведении таможни находилась продажа гербовой бумаги.

Следует отметить, что таможня принимала активное участие в отправлении правосудия. Например, по ее доношениям канцелярия Главного заводов правления в октябре 1739 г. указала о необходимости допрашивать воров и разбойников о «покраденных в Арамильской слободе ис кабака денег» и о «подходе в Горном Щиту неведомых воров в кабак и подтверждении указом, чтоб жители тамошние, буде какое от воров будет нападение, в поимке их воров чинили вспоможение». В декабре 1739 г. канцелярия по доношению таможни вновь

определила, чтобы контора судных и земских дел произвела суд между целовальником деревни Решеты Петра Саламатова и крестьянами Семеном Колесовым «с товарыщи» «в битье ими ево целовальника, и в розлитии вина, и в уносе казенных денег».

Примечательно, что екатеринбургская таможня еще до появления указа 1739 г. неоднократно выступала инициатором судебного процесса, который мог начаться по ее доношению, в канцелярию Главного заводов правления. Екатеринбургская таможня также имела возможность держать обвиняемых «за караулом» и даже проводить некоторые следственные мероприятия, особенно если они касались споров по векселям или различных сборов.

Таким образом, екатеринбургская таможня являлась многофункциональным органом, который занимался не только сбором пошлин, но и имел другие, не менее значимые, полномочия. Примечательно, что среди них было отправление правосудия. В таможне рассматривались конфликтные ситуации, возникавшие между служащими этого учреждения и иными лицами, а также случаи, имевшие место при сборе пошлин.

Н. Д. Васильева

Роль благотворительной деятельности купечества в социальной адаптации воинов и членов их семей по возвращении к мирной жизни (на примере Псковской губернии первой половины XIX в.) *

Первая половина XIX столетия стала для Российской империи эпохой непрерывных испытаний. Отечественная война 1812 года, Заграничные походы и Крымская кампания породили значительное число ветеранов — людей, нуждавшихся не только в физическом лечении, но и в возвращении к гражданской жизни. В условиях ограниченных государственных ресурсов ключевую роль в их поддержке сыграло местное купечество. Настоящий доклад базируется на материалах Государственного архива Псковской области (ГАПО) и Российского государственного исторического архива (РГИА), анализ которых позволяет проследить системный характер этой помощи.

В приложениях к книге «История Княжества Псковского» филолог, историк и библиограф Е. Болховитинов привел несколько документов. Эти материалы освещают визит псковских купцов к П. Х. Витгенштейну с целью передачи ему чудотворного образа св. Гавриила (известного также как князь Всеволод). В подборку вошли ответное послание самого генерала горожанам, а также его распоряжение по войсковому корпусу о принятии этой иконы. Кроме того, в книге содержится переписка относительно проекта монумента, который планировалось возвести в память об обороне Пскова от наполеоновских войск силами корпуса Витгенштейна в 1812 г. Завершает перечень документов царский рескрипт генералу: в нем сообщается о согласии принять подношение, а также содержатся грамоты благодарности, адресованные псковскому купечеству и дворянству за их весомые пожертвования в период Отечественной войны.

Купцы вносили крупные суммы сверх обязательных сборов. По данным из ведомости Псковской казенной палаты в 1812 г. купечество Псковской губернии пожертвовало на ополчение сумму 6912 руб.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-03170, https://rscf.ru/project/25-28-03170/

Данные были сложены из пожертвований как губернского Пскова, так и уездных городов. При этом наибольшую сумму пожертвований было отправлено торопецким купечеством — 19 315 руб., в то время как от купечества Пскова — 12 150 руб. Это объясняется удаленностью Торопца от столичных городов, которая давала возможность торопецким купцам самостоятельно развивать хозяйственные решения. Также через Торопец проходили маршруты, связывавшие внутренние районы с западными границами.

Архивные документы свидетельствуют, что главной формой призрения со стороны купцов было создание инфраструктуры для содержания увечных воинов. Купечество оказывало масштабную денежную поддержку строительству богаделен.

Оперативная помощь во время кампаний отражена в делах фонда канцелярии псковского губернатора ГАПО (ф. 20). Эти акты милосердия обеспечивали снабжение проходящих через губернию резервов и ополчения, а также позволяли оставлять часть средств семьям ушедших на войну мещан и солдат, предотвращая их разорение.

Следующая тенденция, четко прослеживаемая по заголовкам архивных дел, — финансирование купечеством монументальных проектов, направленных на сакрализацию военной истории.

Выделение денежных сумм на возведение церквей становилось актом общенационального единения. Ярким примером служит дело о процессе постройки в Псково-Печорском монастыре Михайловского собора и установки в нем обелиска в память побед графа П. Х. Витгенштейна над корпусом маршала Удино. Для ветерана или действующего солдата посещение такого храма служило мощным психологическим якорем, напоминая о славе русского оружия и оправдывая перенесенные тяготы. Документы показывают высокую личную вовлеченность купцов.

Опочецкий 1-й гильдии купец Иван Порозов инициировал совершение крестного хода во вновь выстроенной Троицкой церкви, тем самым освящая пространство города памятью о недавних событиях и вовлекая военное сообщество в приходскую жизнь,

Поддержка патриотического духа выражалась и в сохранении памяти о прошлом ради воспитания настоящего. Фиксируется сбор пожертвований на сооружение памятника на Куликовом поле князю Дмитрию Ивановичу Донскому в 1825 г. В списках жертвователей встречаются имена купеческих представителей и Псковской губернии.

Инициатива часто исходила от уездных купеческих обществ, которые организовывали встречи проезжающих генералов (например, графа Витгенштейна в августе 1814 г.) и одновременно использовали

этот повод для публичного сбора пожертвований. Это превращало благотворительность в общественно значимое событие, повышающее статус жертвователей и легитимизирующее их положение в структуре губернского управления.

Благотворительная деятельность псковского купечества первой половины XIX в. носила комплексный характер. Она выходила за рамки простого подаяния. С одной стороны, возводя богадельни и больницы, торговое сословие решало насущную проблему физического выживания и бытовой неустроенности отставных военных. С другой стороны, финансируя строительство храмов, памятников героям древности и недавнего прошлого, купечество укрепляло патриотические настроения общества.

И. В. Верещагина

Нерчинский Успенский монастырь в русско-китайской приграничной торговле середины XVIII в.

Нерчинский Успенский мужской монастырь, основанный по указу Петра I в 1706 г., к середине XVIII в. превратился в заметного участника торгово-хозяйственных отношений Восточного Забайкалья. Обитель реализовывала продукцию собственного производства, заключала крупные торговые сделки, а также участвовала в приграничном обмене на Цурухайтовском форпосте. Цель настоящего исследования — охарактеризовать роль Успенского монастыря в приграничной торговле с Китаем в середине XVIII в.

Источниковую базу исследования составили архивные материалы, которые ранее использовались исследователями лишь фрагментарно. Наибольшее значение имеют приходо-расходные книги Нерчинского Успенского монастыря за 1751, 1753, 1757 и 1759 гг., хранящиеся в фонде 282 (Церкви Забайкальской области) Государственного архива Забайкальского края. В них фиксировались как различные поступления в монастырскую казну, так и сведения о проданных товарах. В приходо-расходных книгах содержится информация о контрагентах обители, в частности, их имена и социальная принадлежность.

Основой для торговой деятельности Успенского монастыря служило достаточно развитое хозяйство. Обители принадлежали несколько населенных пунктов, в которых находились большие скотные дворы и конские табуны. Также в монастыре действовали кузница, мельница и кожевенная мастерская. Часть произведенной продукции использовалась для удовлетворения внутренних потребностей обители, часть отправлялась на продажу.

Одно из важнейших направлений монастырской торговли — регулярный обмен на Цурухайтовском форпосте (ныне село Старый Цурухайтуй Забайкальского края). С конца 1720-х годов там располагалась торговая слобода, куда представители обители привозили лошадей и выделанные кожи для обмена на китайские товары. Торговые операции проводили доверенные лица обители. В первой половине 1750-х годов постоянным поверенным являлся монастырский вкладчик Дмитрий Антоновских, в 1757 г. эти обязанности исполнял вкладчик Михаил Меншиков, а в 1759 г. обменную операцию в Цуру-

хайтуе осуществлял Яков Першуков, который упоминается в документах как купец из Тотьмы.

Некоторые торговые операции на Цурухайтовском форпосте описаны в документах достаточно подробно. Так, в 1751 г. поверенный Дмитрий Антоновских привез для обмена 17 монастырских лошадей, 54 юфтевые кожи и 20 мерлушек (шкурок новорожденных ягнят). В результате обмена им были получены китайские товары: 132 конца дабы общей мерой 2425 аршин, 28 концов китайки, 10 кирпичей кирпичного чая общим весом один пуд, 30 фунтов зеленого и 100 «бакчей» черного чая. Кроме того, в состав приобретенной партии входили одна фанза «малой руки» мерой 10¼ аршина, пять небольших отрезов дабы общей мерой 26 аршин, пять тележных втулок и два железных ковша. Поверенный также возвратил в монастырскую казну 11 руб. 60 коп. и привел обратно 13 лошадей.

Полученные товары монастырь продавал самостоятельно. Наиболее востребованным у населения товаром стала даба — китайская хлопчатобумажная ткань, из нее шили рубашки, штаны и мешки для хозяйственных нужд. В приходо-расходной книге за 1751 г. зафиксировано более 40 операций с ней, всего было продано более 740 аршин. Многочисленность сделок и преимущественно небольшие размеры отпускаемых партий говорят о розничном характере торговли дабой. Второе место среди реализуемых китайских тканей занимала китайка, продававшаяся в концах или «тюнях» (тюках). Продажи фанзы, напротив, в документах упоминаются лишь эпизодически.

Значительное место среди китайских товаров занимал чай. Самая распространенная разновидность — кирпичный чай, названный так потому, что продавался в виде спрессованных плиток. Также обитель продавала рассыпные сорта чая, которые хранились в бакчах (небольших ящиках) или бортогонах (емкостях, сплетенных из бересты).

Материалы приходо-расходных книг свидетельствуют о том, что участие Нерчинского Успенского монастыря в торговле с Китаем не ограничивалось приобретением товаров для собственных нужд. Обитель выступала посредником между приграничным русско-китайским обменом и населением Забайкалья, являясь не только религиозным и хозяйственным центром региона, но и активным участником торговли. Полученные на Цурухайтовском форпосте ткани и чай поступали в монастырскую казну, а затем реализовывались населению Восточного Забайкалья. Неполная сохранность приходо-расходной документации не позволяет исчерпывающе определить объем монастырского товарооборота, но сохранившиеся материалы позволяют говорить о значительной роли обители в формировании регионального рынка.

С. В. Голикова

Свой среди купцов: из дневника екатеринбургского протоиерея Ф. Л. Карпинского

Дневниковые записи Ф. Л. Карпинского за 1798–1807 гг. представляют собой уникальный исторический источник, поскольку фиксируют связи представителя духовенства с городской средой Екатеринбурга, который к этому времени зарекомендовал себя не только как горнозаводской и административный, но и как торговый центр. Поэтому неудивительно, что особенно многочисленную группу в его дневнике составляло купечество — там упомянуто более трех десятков фамилий купцов от третьей до первой гильдий. В основном это лица, записанные в екатеринбургский магистрат, но встречались представители других уральских городов, например, Камышлова и даже довольно далеких, таких как Вольск. Кроме единичного делового эпизода с купцом И. А. Кушпелевым (по поводу изготовления иконостаса), остальные контакты с купечеством (среди которого были и его прихожане) носили по большей части неофициальный характер. Их интенсивность и содержание позволяет дифференцировать купеческое окружение отца Федора. Более двух третей купцов фигурируют в записях лишь один-три раза, что указывает на случайность и формальность встреч. Однако эта периферийная область его общения — признак довольно высокого удельного веса купечества среди жителей.

Оставшаяся треть — Казанце(о)вы, Ре(я)зановы Ф. С. Дьячков, Я. И. Карнаухов, И. И. Голенищев, Ф. Я. Логинов, Сорокин, Гилев, Зырянов — похоже, входила в ближний круг общения протоиерея. Об устойчивом характере отношений с Рязановыми, Карнауховым, Ковелиным, Зыряновым, Сорокиным свидетельствуют записи о семейных праздниках (прежде всего, именинах) и обедах, куда гостей приглашали вместе с супругами. Особо же выделяются две фигуры, частота упоминаний которых значительно превышает всех остальных. Я. Ф. Толстиков — бургомистр екатеринбургского магистрата в 1798–1799 гг. и городской голова в 1806–1807 гг., купец второй, затем первой гильдии — упомянут в дневнике 30 раз. Абсолютным же лидером по числу упоминаний (50 раз) является купец второй гильдии И. Ко(а)велин, с которым, судя по тону и контексту записей, Карпинский коротко приятельствовал. Частота упоминаний выступает не только показателем близости к Федору Львовичу, но и свидетельствует о его социальном капитале и позволяет структурировать купцов

в его окружении не по сословным или деловым, а по коммуникативным критериям, выявляя реальную иерархию личных связей.

Свою неформальную сеть среди купцов Карпинский прежде всего, выстраивал как покупатель. Чай он брал у Селиванова, Макарова, Карнаухова, сахар — у Рязанова, французское вино — у И. Р. Казанцева и Т. М. Рязанова, ткани — у С. З. Калашникова, Л. И. Шубникова, С. Г. Рухляева, Лазарева. Те же товары, включая рыбу, он приобретал и у Толстикова, причем суммы были весомыми: 25 руб. за рыбу, 61 — за полотно и кисею. Среди продавцов выделялся Логинов, торговавший галантереей и книгами: часть изданий Федор Львович брал лишь для чтения, а затем возвращал. Нередко купцы отпускали товары ему в долг — до Ирбитской или Макарьевской ярмарки — а порой и вовсе долги прощали. С. Т. Кумов, Т. М. Рязанов, М. Ф. Палкин, Лазарев охотно приобретали табакерки для пополнения его коллекции.

Вхожий в дома Рязановых, Казанцевых, Толстикова, Ковелина, Дьячкова, Л. И. Накрохина, Гилева, Щепетилникова, Голенищева, протоиерей был участником их сугубо купеческих собраний, а к нему в дом по-свойски захаживал Ковелин на пару с Карнауховым, там бывали Голенищев, Кирилл Казанцев, Толстиков. У него в гостях купцы попадали и в круг других сословий, встречаясь с заседателем екатеринбургского суда В. А. Селяниным, алапаевскими поверенным А. М. Махотиным и стряпчим С. Т. Солониным, штаб-лекарем И. Ф. Ворвинским и доктором А. Ф. Фелкнером, полковником А. О. Маркловским, майором Я. А. Кашпировым, капитаном И. А. Нелидовым. В пестрых по социальному составу компаниях они бывали и в иных гостиных: у коменданта Екатеринбурга генерал-лейтенанта К. И. Линемана — Толстиков и Кирилл Казанцев, у князя И. С. Мышецкого — Казанцев, Рязанов, Карнаухов вместе с генерал-майором, шефом екатеринбургского мушкетерского полка А. С. Певцовым, отставным майором и наследником Шайтанских заводов А. С. Ширяевым. На обеде у полковника Маркловского рядом с военными, княгиней Мамотказиной, коллежским асессором Расказовым оказались Ковелин и Голенищев. В другой раз у того же хозяина пели и плясали до двух часов ночи — и среди гостей был Толстиков. У управляющего Верх-Исетского завода Г. Ф. Зотова собирались полковник Маркловский, доктор Фелкнер и те же Ковелин с Голенищевым.

Дневниковые записи Карпинского показывают, что купечество являлось ключевым элементом городского социального ландшафта, в которое протоиерей был интегрирован через неформальные практики. Причем местное общество оказалось не жестко стратифицированным по сословиям и даже конфессиям, ибо в ближний круг отца Федора входили купцы — видные представители старообрядческой общины Екатеринбурга.

Д. В. Гущина

Купечество и «начальство градское»: конфликты в выборном городском управлении русских городов XVIII в.

Создание системы городских магистратов во главе с центральным учреждением — Главным магистратом — в 1720-х годах стало существенной вехой в развитии системы управления русских городов и принесло определенные изменения в жизнь купечества, проживающего в них. Отныне посадские жители были выведены из-под юрисдикции местной администрации, а магистратским судьям, которых купечество избирало из своей среды, были вверены широкие судебные полномочия в отношении посадских тяглецов. Также магистраты ведали рядом других важных для посада вопросов: отвечали за платежи и сборы с купечества, следили за «полнотой» посада: возвращали беглых посадских, записывали в посад крестьян, содержащих купеческие промыслы, и т. д.

Для купечества русских городов выборное управление не было чем-то принципиально новым: выборные практики, хотя и слабо оформленные законодательно, выработались не одно десятилетие назад и посадские люди были привычны к выборным процессам как обычной части жизни посада. Тем не менее, и сами выборные процессы и дальнейшее взаимодействие купечества с избранным им начальством, так же как и самого этого начальства между собой, не всегда были абсолютно мирными. Конфликты возникали во время выборного процесса, причем могли стать результатом как борьбы между собой разных внутрипосадских групп, так и стремлением отельных купцов или целых групп уклониться от магистратской службы. После завершения выборного процесса борьба могла закончиться, но конфликт исчерпывался не всегда и продолжал тлеть, что выливалось в столкновения как между членами одного магистрата, так и в попытки устранить кого-то из магистратских служителей от должности. Еще одной причиной конфликтов служили нарушения со стороны магистратских судей, которые начинались уже после избрания.

Все эти конфликтные эпизоды выглядят достаточно разнородными по своей сути, однако их объединяет то, что в основе конфликта всякий раз лежала магистратская власть и реакция на нее посада. Эти

перипетии конфликта так или иначе известны нам главным образом благодаря тому, что напряжение выплеснулось за пределы посада и дошло до Главного магистрата: именно на основании делопроизводственных документов этого учреждения и ряда городских магистратов и выстроен данный доклад.

В докладе планируется проанализировать ряд подобных конфликтов на микроуровне: рассмотреть, где это возможно, насколько длительно назревал конфликт, как он разворачивался, насколько активно посадские жители вовлекались в эти конфликты, и, если вовлекались, то при каких обстоятельствах? Наиболее острой точкой конфликта можно считать применение насилия: такие эпизоды также, бесспорно, заслуживают детального анализа: как часто применялось насилие в такого рода конфликтах и насколько тяжелы были его последствия? Кто именно становился объектом этого насилия: простые посадские жители, противоборствующие группы выборщиков или выборных, сами магистратские судьи? Ответы на эти вопросы позволят выявить особенности выборных процессов в русских городах XVIII в., специфику отношения купечества к службе в магистратах, к магистратской власти и к представлявшим ее магистратским судьям, и, шире, определенные элементы выборной культуры русского купечества XVIII в.

Л. А. Дашкевич

Благотворительность купечества как фактор развития образования в городах Урала первой половины XIX в.

Образовательная реформа Александра I дала начало разветвленной школьной сети в уральских городах, включавшей не только начальные, но и средние учебные заведения. Главным препятствием для развития школ в провинции было отсутствие у них достаточной материальной базы, включая проблемы финансирования. Большие надежды в этих условиях правительство возлагало на частную благотворительность. 14 февраля 1816 г. было принято «Постановление о наградах для благотворителей училищ», которое сыграло заметную роль в привлечении к школьным проблемам различных слоев российского общества. Благотворительный капитал оказал заметную поддержку школьному делу уральских городов, особенно в Пермской губернии. Среди филантропов образования на Урале в первой половине XIX в. появились местное купечество. Самостоятельно или под административным нажимом стали участвовать в деле развития образования сословные городские корпорации.

Изучение ведомостей о пожертвованиях позволяет сделать вывод о том, что благотворительная поддержка купечества направлялась в основном на уездные и приходские училища. Купцы, очевидно, не считали себя обязанными поддерживать учебные заведения, официально назначенные для обучения дворянских детей. Исключением была, пожалуй, лишь пермская гимназия, пострадавшая в 1842 г. от страшного пожара. На восстановление гимназии поступили крупные благотворительные средства. Среди жертвователей можно выделить верхотурского купца 1-й гильдии П. Бронникова. Он оплатил заказ на восстановление физического кабинета гимназии стоимостью около 5 тыс. руб., а позднее передал в учебное заведение большую «электрическую машину».

Благотворительные пожертвования от купцов ежегодно поступали в пользу различных училищ Пермской губернии. Инициаторами благотворительности были, как правило, губернские власти и училищное ведомство, но обычай пожертвований на учебное дело постепенно входил в обычай. Наиболее крупную поддержку состоятельного купечества Пермской губернии получали уездные и приходские школы.

Особенно щедрыми в этом отношении были купцы Кунгура. В 1841 г. кунгурский городской голова, купец 3-й гильдии С. Фоминых принес в дар уездному и приходскому училищам города большой каменный дом. В 1844 г. крупное денежное пожертвование в пользу училищ принес городской голова купец 1-й гильдии К. Кузнецов. Местному уездному училищу он передал 1142 руб. сер., а также учебные пособия. Богатые кунгурские купцы оказывали денежную и материальную поддержку развитию образования в Соликамске. Приходское училище города разместилось в доме, отстроенном кунгурским купцом 1-й гильдии В. Юхневым. Открытию Камышловского приходского училища помог шадринский купец 2-й гильдии А. Горохов, передав в его пользу в 1836 г. свой дом. Здание для верхотурского приходского училища было выстроено на средства купца П. Бронникова.

Начальные школы Вятской губернии также поддерживались за счет частного благотворительного капитала. Купеческая благотворительность, однако, здесь не играла столь заметную роль, как в Пермской губернии. Источники отмечают лишь одно крупное купеческое пожертвование того времени в пользу учебных заведений. В 1835 г. уржумский купеческий сын 2-й гильдии Павел Матвеев передал местному приходскому училищу свой деревянный дом ценою в 7200 руб., за что был удостоен золотой медали на Аннинской ленте с надписью «За полезное».

Не пестрят фамилиями купцов и списки жертвователей Оренбургской губернии. Рост числа школ здесь происходил в основном за счет усилий государства. Среди местных благотворителей можно выделить, пожалуй, лишь почетного смотрителя оренбургского уездного училища, винного откупщика А. Еникуцева. Ежегодно он переводил в пользу опекаемого им училища книги, средства на ремонт классной мебели и библиотечных шкафов. В 1852 г. Еникуцев отстроил на собственные средства флигель для училища, что обошлось ему в 2500 руб. сер. В целом, можно отметить, что учебное ведомство с помощью благотворителей смогло обеспечить к 1855 г. начальными школами все города уральских губерний.

Х. Демироглу

Османско-российский торговый договор 1783 года

Самым важным периодом с точки зрения турецко-русских отношений является время правления Екатерины II (1762–1796 гг.). В этот период Россия добилась значительных успехов как с точки зрения расширения территории, так и увеличения количества населения. Наиболее важным среди этих достижений является получение права свободной торговли российских судов на Черном море после подписания Кючюк-Кайнарджийского договора (1774 г.).

Российские торговцы, вследствие предыдущих договоров ведущие торговлю в османских морях только на османских судах, согласно 11-й статье Кючюк-Кайнарджийского договора получили право ведения торговли на российских судах. Таким образом, Черное море перестало быть внутренним морем Турции и стало международным. С другой стороны, Россия после подписания Кючюк-Кайнарджийского соглашения получила важные торговые выгоды, а в последующие годы еще больше укрепила свои позиции. После того, как Черное море было открыто для российских торговых судов, этот вопрос стал камнем преткновения между Россией и Османским государством. Путем подписания последующих договоров пытались найти решение споров, возникающих между двумя государствами. Согласно 6-й статье договора, подписанного 10 (21) марта 1779 г. в Айналы-Каваке, были вновь пересмотрены торговые права России, принято решение о продолжении действия положений Кючюк-Кайнарджийского договора.

21 раджаба 1197 г. по исламскому календарю (10 (21) июня 1783 г. по григорианскому) был заключен договор, известный как «Османско-русское торговое соглашение 1783 года». Договор был подписан представителем Абдульхамида I — министром иностранных дел Сейидом Мехмедом Хайри Эфенди и представителем Екатерины II — послом России в Стамбуле Булгаковым.

В соответствии с первыми тремя статьями договора, российские торговцы получили право торговли в морских и речных водах Османского государства. Конкретно упоминается река Дунай. В случае аварии российского судна, османы, а в случае аварии османского судна, русские, должны были помочь пострадавшим, что закреплено в 4-м и 5-м статьях договора. Согласно 6-й статьи договора, османские и рос-

сийские торговцы получили право ведения торговли в Российском и Османском государствах по взаимной договоренности при условии оплаты таможенных пошлин. В 7-й, 8-й и 9-й статьях закреплено, что при отсутствии поручителя за долги торговца долг с третьих лиц взиматься не будет.

13-й статьей договора закреплено, что без получения разрешения на торговлю российскими и османскими торговцами в посольствах и консульствах своих стран ведение торговли в других странах запрещено. Было указано на необходимость получения документа на разрешение ведения торговли.

В 14-й и 15-й статьях договора письменно закреплено, что военные суда при встрече не должны быть враждебно настроены по отношению друг к другу и не должны требовать выплаты дани. Россия с тем, чтобы предотвратить потери торговых судов, которые ранее под разными предлогами задерживались Османским государством, 10-й, 11-й, 12-й, 14-й и 15-й статьями попыталась предотвратить остановку российских торговых судов Османским государством без надобности. Так Россия стремилась предотвратить финансовые потери своих торговцев Из положений договора становится ясным, что османская сторона таких попыток не предпринимала.

У российских торговцев в силу 17-й статьи договора появилась возможность извлечь выгоду из уступок, полученных англичанами и французами. Такие налоги, как «касабийе», «рефт», «бадж» и «ясак», которые российские торговцы платили ранее в османских портах и на границах, согласно 23-й статье договора, были отменены. Был принят единый налог «селаметлик», взимаемый один раз в размере 300 акчей. По договору Россия и Османская империя взаимно установили таможенную пошлину в размере 3 %. Россия добилась того, чтобы в договоре неоднократно (19-я, 20-я, 24-я и 25-я статьи) закреплено, что за исключением данной таможенной пошлины другие налоги не взимались.

В 31-й статье договора закреплено, что во время ведения торговли на Средиземном море и в других регионах, когда российские торговцы перевозят товары в другие государства, кроме Османского, товары не должны быть разгружены. 32-я и 33-я статьи договора закрепляли свободный проход российских торговых судов через проливы, запрещали их остановку в проливах без надобности, а при необходимости обыска на судах должен быть сделан запрос в российское посольство. Кроме того, 36-я статья закрепляла, что Россия должна оказать посильную помощь для закупки провизии османскими торговцами.

Согласно 37-й, 38-й и 42-й статьям соглашения, упразднено существовавшее ранее одностороннее использование санкций (как захват судна) со стороны Османского государства. В 39-й, 40-й и 43-й статьях

письменно закреплено разрешение на ведение торговли торговыми судами, за исключением военных материалов, в период войны с третьими государствами.

Османская империя в 45-й и 46-й статьях договора обязалась не препятствовать торговле шелком, рисом, йеменским кофе, оливковым маслом, хлопком-сырцом, хлопковой пряжей, обработанной кожей на османской территории (в Измире, Искендерийе и Стамбуле). Согласно 49-й, 50-й и 51-й статьям договора, Османское государство обязалось не взимать такие налоги, как «бач», «джизьйе», «касабийе», «текалифи орфийе» с российского посла, консульского секретаря и других работников. Кроме того, Османское государство было вынуждено согласиться с тем, что не будет препятствовать покупке и продаже алкогольных напитков российским послом и служащими консульства, что и закреплено в 53-й, 54-й и 55-й статьях договора.

Османская империя, согласно 61-й статье, приняла положение о том, что будет защищать российских торговцев от пиратов и что будет применять санкции по отношению к пиратам Алжира, Туниса и Триполи для покрытия финансового ущерба, нанесенного российским торговцам. Османское государство заставило Россию принять условия, закрепленные 62-й статьей, о заблаговременном предупреждении в данном вопросе. По 63-му положению договора было принято решение, что споры, возникшие в границах Османского государства, должны рассматриваться османскими судьями-кадиями. С другой стороны, было сочтено целесообразным проведение судебного разбирательства на основе российского права. Кроме того, было заявлено о необходимости не начинать судебное разбирательство без присутствия русского переводчика.

В 72-й, 73-й и 74-й статьях соглашения закреплено, что в таких преступлениях, как убийство, ранение и кража также будут соблюдены вышеуказанные требования. В статье 64 говорится о том, что судебные финансовые дела, затрагивающие сумму более чем четыре тысячи акчей, должны рассматриваться в Стамбуле. В 65-й статье договора закреплено положение о том, что в случае неуплаты османскому торговцу российским торговцем, османские власти не должны отбирать у него деньги силой, а они должны быть уплачены через российского посла или консулов.

Османская империя, согласно 67-й статье договора, обязалась, что в дом российского подданного, проживающего на ее территории, османская полиция или представители других правоохранительных органов не должны входить с применением силы, что обыск должен проводиться с позволения посольства или консульства, что представители правоохранительных органов, применившие силу, должны быть наказаны.

Данный договор также письменно закрепил содержание российскими торговцами комиссионеров в Османском государстве. Согласно 70-й статье, российским торговцам было разрешено содержать глашатая любой нации. В 71-й статье закреплено, что с российских подданных, как женатых, так и холостых, проживающих в Османском государстве, подушный налог «джизье» собираться не должен.

В случае нарушения мира и начала войны между Россией и Османской империей, 75-й статьей договора закреплено, что торговцы обеих стран в течении 6 месяцев имеют право свободной продажи своих товаров и беспрепятственного выезда за границу. Согласно 76-й статьи договора, обе страны для увеличения торговли между собой обязались пересмотреть организацию курьерской доставки и отправки посланников. Статьи 77, 78, 79, 80 и 81 закрепили, что договор будет соблюдаться всеми учреждениями и чиновниками обеих стран.

Россия после войны 1768–1774 гг., достигнув торгового успеха с подписанием Кючюк-Кайнарджийского договора, продолжила его и договором, подписанным в Айналы-Каваке в 1779 г. Торговый договор 1783 г. закрепил торговые привилегии России в отношении Османского государства на Черном море. Иными словами, с торговым договором 1783 г. Россия заняла привилегированное положение с торговой точки зрения по сравнению с Османской империей. Другая важная сторона торгового соглашения 1783 г. — это получение Россией одинакового с Османским государством торгового права на Черном море. Таким образом, Россия получила возможность продолжить свое политическое и военное превосходство над Османской империей и в экономическом плане. По итогам торгового соглашения 1783 г. Россия заставила Османскую империю согласиться с тем, что она будет выплачивать такой же таможенный налог, как Франция и Англия. Таким образом, в глазах Османской империи Россия также получила статус европейского государства.

Наиболее важным достижением России после подписания договора явилось то, что российские подданные, ведущие торговлю в Османском государстве, были освобождены от налогов. Таким образом они получили больше прибыли, что, в свою очередь, отразилось на экономике Российского государства. С другой стороны, Россия использовала торговые привилегии в своих целях, более того, злоупотребляя привилегиями, получила возможность сближения с балканскими славянами. Безусловно, данный договор является безоговорочной победой России. Последняя 8 (19) апреля 1783 г. аннексировала Крым. Османская империя выступила против этого, но впоследствии была вынуждена признать права России на этот полуостров.

К. В. Дубровина

Семейный состав екатеринбургского купечества по материалам V ревизии

Под термином «демографические структуры» понимается распределение населения по группам, непосредственно обуславливающим процессы естественного и миграционного движения, а именно половой и возрастной состав, брачная и семейная структура. Если численность дает общие представления о динамике населения, то состав населения позволяет провести более глубинный анализ.

Данное исследование базируется на материалах V ревизии (1795 г.) и подворной переписи 1788 г. Источники дают полные сведения о составе семей, вопросах брака, подкидышах и приемышах. Например, по подворной переписи 1788 г. в городе среди женщин фиксировались «жены» (1606 чел.), вдовы (361 чел.), а также отдельно — матери (135 чел.) и мачехи (2 чел.), сестры (48 чел.), тещи (26 чел.) и снохи (156 чел.). Женщины часто могли проживать в домохозяйствах представителей социальных групп, отличных от той, к которой они принадлежали.

В Екатеринбурге в середине XVIII в. преобладали двухпоколенные семьи, к которым относились родители и дети. Эта тенденция сохранилась и в конце XVIII в. Например, в переписи содержатся сведения о семье Петра Алексеева «по прозванию Черных» возраста 55 лет и его жены Марьи Васильевой возраста 45 лет, в браке с которой родилось шестеро детей: Кузьма (22 года), Василий (20 лет), Галактион (11 лет), Марья (14 лет), Пелагея (19 лет) и Ксения (14 лет). Также в переписи содержатся сведения и о трехпоколенных семьях, когда пожилые родственники жили вместе с детьми.

В каждом дворохозяйстве выстраивалась четкая субординация. Все члены семьи подчинялись ее главе. Люди, которые проживали на подворье, но не являлись членами семьи, также были прямо или косвенно зависимы от решений главы семейства.

Наиболее распространенными видами брака являлись внутрисословный и межсословный, что подтверждает перепись. К внутрисословным союзам относились браки между купецкими людьми, а к межсословным — союзы между купецкими людьми и представителями других социальных категорий: военными, посадскими, государст-

венными крестьянами, священнослужителями, мастеровыми, цеховыми, делопроизводителями, мещанами и др. Часто наблюдался феномен второго, а иногда и третьего брака. Например, Ларион Иванов был сначала женат на Анне Алексеевой (умерла в 1792 г.), затем на Акулине Петровой (умерла в 1793 г.) и впоследствии на Лукерье Максимовой (21 год).

Ранняя смертность мужчин и женщин сказывается и на том, что в переписи фиксируется довольно много вдовствующих. Например, Иван Иванов сын Дубровин являлся вдовцом (42 года), а его жена Елизавета Афанасьева умерла в 1794 г. в возрасте 39 лет. В то же время в источнике приводятся достаточно сведений и о холостых.

К числу новоприбывших в переписи 1795 г. относятся приемыши и подкидыши, взятые в семью на содержание. Например, в семье Гурьяна Филиппова сына Юхляева и его жены Федосьи Калининой жил приемыш — дочь умершего мастерового Трофима Забродина. То есть часто семьи брали на воспитание детей, родители которых по тем или иным причинам уже умерли. Также на воспитание могли брать дочерей и сыновей умерших родственников. Примером подкидышей может служить случай с семьей Ивана Григорьева сына Щепетильникова. У него и его жены Анны Семеновой помимо их детей проживал подкидыш, рожденный после ревизии, девочка Феона в возрасте 6 месяцев. На период 1795 г. сохранялась проблема отказа матерей от своих новорожденных детей. Хотя еще по указу Петра I в городах строились дома для «зазорных младенцев», которых матери рожали беззаконно и отправляли в непристойные места.

По подворной переписи 1788 г. можно изучить положение женщины в семье и обществе, а также зафиксировать род ее занятий. Они относились непосредственно к производственной и торговой деятельности, что снова подтверждает тот факт, что купеческое население города постоянно увеличивалось, а значение Екатеринбурга как города менялось. Например, на дому в 1788 г. женщины изготавливали хлебобулочные изделия (калачи, пироги, пряники), напитки (кисель и квас), одежду, головные уборы, обувь, свечи, горшки и другие товары. Некоторые из них занимались гончарным и даже гранильным делом. Перепись фиксирует и то, что женщины занимались торговлей хлебобулочными изделиями и съестными припасами, а также мелочными припасами, напитками и шапками. Главным источником пропитания женщин Екатеринбурга в 1788 г. была торговля.

Перепись 1795 г. предоставляет подробные сведения о купеческом населении Екатеринбурга. Она позволила проследить тенденцию внутри- и межсословных браков, феномен второго и третьего брака,

факт включения в семейный состав приемышей и подкидышей. По причине того, что «Жалованная грамота городам» 1785 г. определила четкие рамки купеческого сословия и позволила ему оформиться в виде отдельной группы населения, а также благодаря разграничению торговли и ремесла, удалось провести глубинный анализ источника для изучения купеческого населения города в конце XVIII в.

А. А. Ефимов

«Не дозволять заводить ресторацию…»: спор трактирщика и ресторатора в Царском Селе на рубеже 1820-х — 1830-х гг. *

Представляемый доклад обращается к исследованию взаимоотношений чиновников Придворного ведомства и частных предпринимателей, а именно к проблеме представления предпринимателю исключительных прав на содержание заведения общественного питания и трактовки понятия исключительности.

В 1819 г. француз Денойе открыл в Царском Селе ресторацию с разрешения императора, содержал ее до смерти в 1821 г. Затем заведением владела его вдова, вышедшая замуж за француза Ламо. В 1825 г. она получила исключительное право на содержание ресторации без уплаты патентных сборов, введенных в 1824 г. В 1828 г. Ламо закрыла заведение и из-за запрета 1823 г. на открытие новых ресторацій их временно не было. При этом с 1822 по 1825 г. в городе параллельно действовал трактир крестьянина Моталёва, с 1825 г. — купца 3-й гильдии Игнатия Зимина.

В феврале 1830 г. мещанин Александр Друммель подал прошение управляющему Царским Селом Я. В. Захаржевскому об открытии ресторации в собственном доме «на манер бывшей у иностранца Ломо». Разрешение было дано 23 февраля 1830 г. В марте 1830 г. Зимин подал встречное прошение, в котором писал, что с 1825 по 1829 г. он понес убытки из-за прежней ресторации, а в 1829 г. взял трактир с торгов, проведенных полицией Царского Села, на четыре года с условием, что не откроют других трактиров, гостиниц и ресторацій. Появление ресторации Друммеля нарушало этот пункт, а потому он просил отозвать разрешение. 27 марта 1830 г. Захаржевский потребовал от полиции объяснений.

Не получив ответа, Зимин обратился к министру императорского двора П. М. Волконскому. 9 июля 1830 г. министр предписал дать Зимину «законное удовлетворение» и объяснить разницу в платежах: Друммель платил 300 руб. в год, Зимин — 2015 руб. 25 июля полиция

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10082, https://rscf.ru/project/24-78-10082/

сообщила, что ресторация открыта как замена действовавшей с 1822 по 1828 г., а пункт о запрете не касается открываемого заведения, так как контракт 1829 г. был точной копией документа 1825–1828 гг., когда ресторация работала без жалоб от трактирщика. Разница в платежах объяснялась тем, что трактиры отдаются с торгов, а прочие заведения облагаются акцизом от Ратуши. Полиция признала претензию безосновательной, а Захаржевский поддержал это решение.

16 августа 1830 г. Зимин подал новую петицию о несправедливости открытия ресторации. В свою очередь полиция Царского Села посчитала его обращения корыстными, а Захаржевский в своем докладе министру от 18 октября 1830 г. доложил, что в городе достаточно клиентов для обоих заведений, а Зимин, если его не устраивала ситуация, мог закрыть трактир и не платить за его содержание. Однако Волконский усмотрел ошибку полиции в оформлении документов и признал право Зимина на возмещение убытков за счет чиновников.

Со своей стороны Зимин 3 декабря 1830 г. заявил, что взыскание с чиновников не исправит ситуации, и на сей раз просил не продлевать разрешение на работу ресторации с 1831 г. При этом сам ресторатор Друммель пропустил срок подачи документов, но получил разрешение обходным путем через санкт-петербургского гражданского губернатора в конце декабря 1830 г.

После этого в дело вмешалось Санкт-Петербургское губернское правление, узнавшее о сложившейся ситуации. 15 февраля 1832 г. оно направило представление управляющему Царским Селом, отмечая, что открытие ресторации нарушило условия договора и утвержденное в 1822 г. Комитетом министров совместное мнение министров юстиции и внутренних дел, запрещавшее ресторации в уездных городах. Губернское правление заключило, что действия Ратуши и полиции неправильны, а полиция также нарушила Положение о трактирах от 14 марта 1821 г. Правление считало необходимым сделать выговор Ратуше, наложить взыскание на полицию, запретить Друммелю содержать ресторацию до конца контракта Зимина и дать последнему право возместить убытки.

Летом 1832 г. Захаржевский предложил губернскому правлению пересмотреть заключение, указав, что контракт идентичен прежним, действовавшим при ресторации, открытой по повелению императора, и что претензий тогда не было. Он защищал решение полиции и отмечал, что трактир не соответствовал потребностям гостей города. Губернская администрация не нашла оснований менять заключение. Управляющий Царским Селом вновь обратился к генерал-губернатору, настаивая на необходимости ресторации, утверждая, что запрет в кон-

тракте не относился к высочайше санкционированному заведению, а требования Зимина корыстны, и предлагал пересмотреть дело, дополнительно указывая, что решение об отзыве разрешения на ресторацию мог принять только император, ранее разрешивший ее. Однако сведений об обращении к императору по этому вопросу не обнаружено. Стоит предполагать, что в условиях истечения в 1833 г. срока контракта Зимина, этот вопрос утратил свою остроту, поскольку добиться быстрого закрытия конкурирующего заведения трактирщик бы не смог, и ему оставалось только перетерпеть остаток периода действия договора.

Т. В. Жиброва

Книга таможенных сборов за купленных и обмененных лошадей с конной площадки Воронежского уезда начала XVIII в.

Изучение локальных рынков и специализированных торговых площадок в Русском государстве начала XVIII в. представляет собой одно из перспективных направлений современной исторической науки, позволяющее реконструировать не только экономические процессы, но и социальные практики, механизмы взаимодействия власти и общества на региональном уровне. Обращение к этой теме обусловлено также необходимостью восполнить существующий в историографии пробел: несмотря на обилие работ по истории таможенного дела и финансового управления в России, специальных исследований, посвященных конским площадкам как самостоятельному институту, до сих пор не предпринималось. Воронежский уезд, занимавший пограничное положение «на Поле», представляет особый интерес в силу своего военно-служилого характера, массового присутствия служилых людей «по прибору» и активного вовлечения населения в конную торговлю, обусловленного стратегическими потребностями обороны южных рубежей.

Документы приказного делопроизводства позднесредневековой России остаются одним из важнейших источников для изучения экономической, социальной и повседневной истории. Среди них особое место занимают таможенные книги, фиксировавшие торговые операции и сбор пошлин. Книга таможенных сборов за купленных и обмененных лошадей с конной площадки Воронежского уезда посадских людей Степана Мосолитинова и Дементия Тишкова относится к числу таких источников и содержит уникальные сведения о конской торговле в Воронеже в начале XVIII в.

Документ представляет собой официальный регистр, в который таможенные подьячие вносили записи о купле-продаже и мене лошадей. Листы имеют обороты, записи на них продолжают содержание предыдущих страниц, что характерно для тетрадной формы делопроизводственных книг. Формуляр строго унифицирован. Типичная запись включает следующие элементы: дата; социальный статус, полное имя и географическая принадлежность продавца; тип сделки; подробное описание лошади (тип, масть, особые приметы, возраст); анало-

гичные сведения о покупателе; цена в рублях, алтынах и деньгах; сведения о поручителях с обеих сторон; сумма пошлины и порядок ее сбора; завершающая формула с указанием лица, засвидетельствовавшего сделку. Такая структура делает документ не только надежным источником статистических данных, но и позволяет реконструировать социальные связи, стоящие за каждой сделкой.

Информационный потенциал документа исключительно широк. В экономическом плане книга дает возможность проследить цены на лошадей и механизмы формирования пошлин. Социальная информация включает более 20 категорий участников: казаки, стрельцы, пушкари, солдаты, драгуны, ямщики, посадские люди, крестьяне, дети боярские, цыгане, вдовы, духовные лица. География торговых связей охватывает территорию от Московского уезда до Белгородского и от Нижнего Новгорода до Арзамаса, что показывает Воронеж как важный региональный центр конской торговли.

Институт поручительства, зафиксированный в каждой сделке, является одним из ключевых элементов социальной организации рынка. Поручители ручались за «чистку» лошади, то есть гарантировали ее законное происхождение. Анализ поручительских цепочек показывает, что они строились на принципах корпоративной солидарности (солдаты ручались за солдат, казаки — за казаков), родства (братья, отцы и сыновья) или территориального соседства (односельчане). Это делает документ ценным источником для изучения социальных связей и механизмов доверия в позднесредневековом обществе.

Однако при работе с источником необходимо учитывать его ограничения. Вариативность написания имен и фамилий создает проблемы идентификации одних и тех же лиц в разных сделках. Формула «лет сросла» не дает точного возраста лошади, позволяя лишь отнести ее к категории возрастных. Наконец, многие рукоприкладства выполнены воронежцами «за других», что снижает достоверность идентификации участников.

Несмотря на эти ограничения, исследовательский потенциал книги исключительно велик. Она позволяет реконструировать экономические практики рядовых жителей, их мобильность, профессиональные занятия и межсословные взаимодействия. В сочетании с другими таможенными книгами этот источник дает уникальную возможность изучить повседневность южнорусского порубежья, где служилые люди, крестьяне, посадские и этнические меньшинства совместно формировали рыночное пространство. Таким образом, книга таможенных сборов представляет собой многоплановый источник, комплексный анализ которого открывает широкие перспективы для дальнейших исследований в области экономической, социальной и культурной истории России начала XVIII в.

В. Н. Захаров

Участие русских купцов во внешней торговле России во второй половине XVIII в.

Одним из самых значимых достижений Петра I стало обретение выхода к Балтике, что привело к основанию петербургского порта, активизации внешней торговли России на западном направлении, главном в то время. Но при этом неизбежно встает вопрос, а какую выгоду от этого получили русские купцы, насколько реально расширилось их участие во внешней торговле?

Прежде нужно в очередной раз подчеркнуть, что в данном случае следует понимать под участием русских купцов во внешней торговле. Речь вовсе не идет о доставке ими товаров к портам и продаже их там иностранцам для отправки за море или о покупке в портах импортных товаров у тех же иноземцев. Важно именно непосредственное участие купцов во внешней торговле, то есть отправка товаров от своего имени за рубеж и также — получение грузов в свой адрес из-за границы.

Необходимо также уточнить, кого следует считать русскими купцами. Для того, чтобы определить уровень выхода отечественного купечества на внешний рынок, не следует включать в число русского купечества коммерсантов иностранного происхождения (иноземцев, перешедших в российское подданство, купцов остзейских провинций).

Наибольший интерес представляет выяснение активности русских купцов в торговле на западном направлении, поскольку здесь проходило до трех четвертей товарооборота России (а без учета остзейских портов — почти две трети). Кроме того, именно на этом направлении (в начале XVIII в. в Архангельске, а в дальнейшем до конца столетия — в Петербурге) доминировали западноевропейские купцы, конкуренция и взаимодействие которых с русскими купцами представляют собой значимую проблему в истории российской экономики Нового времени.

В правление Петра I доля товарооборота собственно русских купцов в Архангельске и в Петербурге была крайне незначительной и, по разным оценкам, не превышала нескольких процентов. На основании сохранившихся ведомостей о товарообороте отдельных купцов и данных о регистрации торговых судов с указанием к кому именно они были направлены, можно считать, что к середине XVIII в. доля русских купцов в товарообороте Петербурга (главного порта на западном

направлении) достигла 18–20 %, в том числе по импорту 27–33 %, по экспорту — 6–8 %. В конце 1780-х годов происходит некоторый спад (1787 г. — 16 % товарооборота Петербурга). В начале 1790-х годов доля русских купцов во внешней торговле восстанавливается (1792 г. — 22 % товарооборота Петербурга). Но в конце века происходит резкий спад и торговля русских купцов скатывается к минимуму (1795 г. — 6,1 %, 1799 г. — 5,5 %).

Как можно объяснить эти колебания, происходившие в последние 10–15 лет XVIII в.? Спад конца 1780-х годов можно объяснить появлением на основании Городового положения 1785 г. особой категории «иностранных гостей», куда вступили многие крупные иностранные коммерсанты, прежде всего из числа британцев, что дало им возможность потеснить русских купцов, непосредственно контактировавших с Англией. В начале 1790-х годов этот фактор перестал действовать, почему и доля русских купцов восстановилась. Причиной резкого сокращения непосредственного участия русских купцов в товарообороте Петербурга в последние годы XVIII в. стали чрезвычайные обстоятельства в европейской торговле, вызванные революцией во Франции и ее последствиями. Разрыв торговых контактов с Францией, эмбарго на импорт и реэкспорт французских товаров, падение Амстердама как одного из ведущих центров международной коммерции серьезно подорвали торговлю русских купцов, в товарообороте которых связи с континентальной Европой, импорт товаров оттуда имели более важное значение, нежели контакты с Англией, где всегда доминировали британские купцы.

Интересно, что в торговле Архангельска, где иностранных купцов во второй половине XVIII в. было сравнительно немного, русские купцы сохранили и даже упрочили свои позиции. В 1780-х — начале 1790-х годов их доля в товарообороте главного порта Русского Севера составляла от 35 до 45 %. При этом среди иностранных купцов англичане здесь в отличие от Петербурга отнюдь не доминировали.

Таким образом, в нормальных условиях, с учетом всех обстоятельств, а именно: масштабов капитала, наличия опыта и квалификации, конкуренции иноземцев, внешнеторговой и социальной политики правительства, русские купцы могли удерживать в своих руках до пятой части внешней торговли на западном направлении, причем по импорту — до одной трети.

М. А. Киселев

К вопросу о причинах и последствиях введения в России в 1704 г. казенной монополии на торговлю табаком *

В 1697 г. Петр I официально разрешил продажу табака по всей России, а 16 апреля 1698 г. был заключен договор, по которому монопольное право на продажу табака в стране до 1 сентября 1700 г. с правом продления еще на пять лет получила английская компания. Компания получала право покупать в России на деньги, вырученные от продажи табака, товары с последующим беспошлинным вывозом. За это она обязалась ввозить в Россию ежегодно определенный объем табака, платя пошлину по 4 коп. с английского фунта. При этом было сделано важное исключение: монополия не распространялась на Малороссию, жители которой с момента вхождения в состав России в 1654 г. сохраняли право в рамках региона употреблять табак и, соответственно, там растить его и продавать. В начале 1703 г. англичане были обвинены в нарушении договора, в связи с чем лишились привилегии на беспошлинный вывоз купленных в России товаров, а 27 декабря 1704 г. состоялся указ, согласно которому монопольная торговля табаком переходила в руки казны.

В историографии, как правило, рассуждают о причинах неудачи английской монополии, споры о чем велись уже современниками в начале XVIII в. Существенно меньше внимания уделяется причинам, по которым торговля табаком вместо того, чтобы быть переданной на откуп другим лицам, перешла в непосредственное управление казной.

Сторонником разрыва договора с англичанами и инициатором введения казенной монополии выступил известный прибыльщик и руководитель Ратуши А. А. Курбатов. Он в 1703 г. заявил Петру I, что «в <…> собрании казны присмотрих <…> немалому быти прибытку и от торговли табачной», если ее взять в государственное управление, «не отдавая никому в подряд». Согласно подсчетам Курбатова, англичане должны были поставить в Россию к 1 февраля 1703 г. не менее

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-02911 по теме «Механизмы экономической интеграции юго-западных окраин Российского государства: Малороссия, конец XVII–1764 г.», https://rscf.ru/project/25-28-02911/

312 500 пудов табака, заплатив казне в качестве пошлины 500 000 руб. Вместо этого они ввезли лишь 66 тыс. пудов, заплатив пошлины на 105 608 руб. 32 коп., так что казна недополучила почти 395 тыс. руб. Курбатов также утверждал, что англичане, продавая привезенный табак за 12 руб. пуд, могут получить доход не менее 792 тыс. руб., в том числе прибыли 488,4 тыс. руб. Не ограничиваясь этим, он писал Петру, что в продаваемый табак «кладут золы в полы», а малый по сравнению с предполагаемым объем ввезенного табака связан с тем, что вместо английского табака представители компании продают нелегально закупаемый украинский («черкасский») табак.

Исходя из таких расчетов, Курбатов предлагал, чтобы казна столь выгодный, как он изображал, торг взяла в свои руки. При этом он полагал, что можно будет в Малороссии закупать «черкасский табак» по 80 коп. пуд и затем продавать его по 10 руб. пуд. От этого украинцам было бы «поживление», а казна получала выгодное дело с огромной доходностью.

С учетом как факта нарушения англичанами договора, так и расчетов Курбатова, установление казенной табачной монополии выглядело разумным шагом. Правда, при этом возникал вопрос о уже привезенном английской компанией в Россию табаке, особенно с учетом заинтересованности в дипломатической поддержке английской короны в условиях Северной войны. По итогам переговоров было решено данный табак разных сортов объемом около 36 тыс. пудов принять в казну за 140,4 тыс. руб., при этом возвратив ранее взятую за него повышенную табачную пошлину (51,73 тыс. руб.), заменив ее на обычную ввозную пошлину (12,47 тыс. руб.). Таким образом, англичанам из казны полагалось выплатить 181,7 тыс. руб. равными платежами за пять лет (1707–1711 гг.), что в итоге позволило им завершить свои операции в России с прибылью.

Такие расходы, если исходить из расчетов Курбатова, можно было легко покрыть. Однако они основывались на предположениях и допущениях, а не на знаниях всех тонкостей рынка, с которыми казне пришлось столкнуться с конца декабря 1704 г. Согласно имеющимся данным, за шесть лет (1705–1710 гг.) «в продаже и в отпуску» было лишь 1949 пудов 25 фунтов английского табака, а к концу 1714 г. только в Вологде хранилось около 12 тыс. пудов такого нераспроданного табака, который к этому времени явно потерял свои товарные качества. Что же до черкасского табака, то его цены разнились по стране, в том числе в зависимости от близости к Малороссии. Так, в 1711 г. в Путивле пуд черкасского табака продавался за 60 коп. при закупочной цене в 30 коп. Максимальный же годовой доход казны от

табачной торговли в 1724 г. оценивался в 42 тыс. руб. Таким образом, введение в 1704 г. казенной монополии на продажу табака однозначно принесло казне расходов на 180 тыс. руб., которые едва ли удалось покрыть в табачной монополии к концу петровского царствования. В выигрыше же вместе с английскими купцами осталась Малороссия, чей табак официально стал продаваться казной по всей стране.

С. С. *Колегов*

Проблема организации посылки на обучение в Италию и Испанию детей из купеческих семей в 1720-е годы

Масштабные реформы Петра Великого коренным образом поменяли жизнь российского общества, в том числе и русского купечества. После возвращения царя из Великого посольства для лучшего управления казенными сборами и городскими повинностями в 1699 г. создаются Бурмистерская палата (Ратуша) и земские избы. В 1715 г. была организована Коммерц-коллегия, ведавшая вопросами торговли, сборами таможенных пошлин и казенными промыслами. В 1720 г. появился Главный магистрат — высший орган городского управления. Постепенное пробуждение общественного интереса к торговле, осознание ее значения для развития экономики страны заставили правительство вмешиваться в процесс овладения купцами «торговой наукой». Так, например, в 1720-е годы была предпринята попытка создать государственную систему заграничного коммерческого образования для купеческих детей.

13 января 1721 г. Петр I указал отправить в Италию и Испанию для обучения торговому делу 12 человек из купеческих семей. При этом вся работа по сбору учеников и подготовки их отъезда легла на Коммерц-коллегию и Главный магистрат. Сначала Коммерц-коллегии предстояло выяснить, есть ли вообще в Москве дети купцов, которые знают немецкий или латынь, или изучают эти языки. В крайнем случае, как следует из переписки руководителя учреждения П. А. Толстого с асессором Олениным, необходимо было собрать даже не знающих и не изучающих иностранные языки. Главное, чтобы будущие ученики происходили из зажиточных купеческих семей. Исследование переписки между государственными учреждениями позволяет сделать вывод, что собрать требуемое количество людей оказалось чрезвычайно сложно. Кроме заявленных выше критериев, для посылки за границу набирали юношей, которым исполнилось пятнадцать или чуть больше, или меньше лет. Асессору Оленину по этой причине пришлось дважды составлять список возможных кандидатов, так как в первый раз он включил в него тридцатилетних мужчин, которые уже были женаты.

Серьезнейшей и трудно решаемой стала проблема финансирования всей программы. Этим вопросом поручили заниматься Главному магистрату, которому, в частности, необходимо было решить, сколько выдавать денег ученикам на год и на все время пребывания в Италии и Испании, с кого конкретно эти деньги собирать. Выбор при этом был невелик: либо средства следовало брать у самих купеческих семей, чьи сыновья отправлялись за границу, либо собирать со всего купечества Москвы и Санкт-Петербурга. Руководитель Главного магистрата князь Ю. Ю. Трубецкой в своем письме в Коммерц-коллегию ссылался на то, что ему неизвестно посылали ли раньше за границу детей купцов и на какие средства. Князь указывал на отсутствие денег в магистрате для этих целей и предлагал коллегии самой оплатить отправку учеников. В ответ П. А. Толстой указывал, что следует использовать опыт снаряжения в 1716 г. в Италию на обучение Алексея и Льва Семенниковых, а в Коммерц-коллегии денег нет. Он постоянно торопил Трубецкого, поскольку из России скоро отплывал корабль, на котором и должны были отравиться ученики.

Отсутствие необходимых финансовых средств стало серьезным препятствием к посылке на обучение Петра Яковлевича Семенникова. 7 января 1721 г. вышел царский указ об отправке его в Италию для обучения торговому делу. 13 февраля 1721 г. уже по новому указу Семенникову следовало отправляться уже в Испанию вместе с Петром Беклемишевым. Однако Семенников отказывался ехать, ссылаясь на то, что ему уже идет девятнадцатый год, а в указе говорится о пятнадцатилетних юношах или чуть старше. Кроме того, в своем «доношении» он жаловался на бедственное имущественное положение, в котором оказался после смерти родителей. Семенников просил либо совсем освободить его от отправки на учебу, либо выделить необходимые деньги на проезд, одежду и обучение. В конце концов Главный магистрат смог все-таки выделить ему средства на первый год обучения.

В гораздо лучшем положении оказывались те ученики, жизнь за границей которых могли оплатить их родители. Так, например, сын, племянники и «свойственник» купца Сидора Томилина (Андрей Украинцев) поехали учиться за его счет. Сообщив об этих людях Главный магистрат также доносил Коммерц-коллегии, что больше в Петербурге богатых купцов нет. Остальных учеников следовало искать в Москве и других городах страны.

В дальнейшем опыт Томилина был распространен и на остальных отправляемых в Италию и Испанию учеников. Всем им на первый год жизни и обучения родители должны были дать по 200 ефимков. В последующие годы Главному магистрату предписывалось собирать спе-

циальный налог практически со всех купцов. Ранее же отправленным в Испанию (по царскому указу от 1720 г.) Алексея и Льва Семенникова следовало содержать купцам из числа гостей и гостиной сотни.

Таким образом, попытка организации заграничного обучения торговому делу сталкивалась с целым рядом препятствий и отсутствие денег у государства стала главным из них. Выходом стал займ у родственников, а также введение нового налога на период всего обучения купеческих детей.

Е. В. Комлева

Опыт подготовки справочника о региональном купечестве на примере издания «Кяхта торговая. Материалы для биографического словаря» (Улан-Удэ, 2025)

Одна из тенденций отечественной историографии по истории купечества последних трех десятилетий состоит в появлении большого числа тематических научно-справочных изданий, в том числе биобиблиографических словарей со сведениями о купцах разных городов и регионов нашей страны. В конце прошлого года в свет вышел новый указатель — на этот раз посвященный купечеству, торговавшему через Кяхту. Публикация стала возможной благодаря поддержке Министерства культуры Российской Федерации в рамках подготовки к празднованию 300-летнего юбилея Кяхты в 2027 г.

Мысль о необходимости такого издания впервые возникла еще в 2017 г., однако изначально предполагалось работать над ним в течение длительного периода и не ограничиваться лишь биографиями купцов, но подготовить широкий энциклопедический справочник по истории предпринимательства в сфере русско-китайских торговых отношений. К сожалению, задуманное не удалось реализовать в полной мере, что, в частности, нашло отражение в названии книги: не «словарь», а «материалы для словаря». Тем не менее, получившаяся книга — первая масштабная попытка представить связанное с Кяхтой купечество в лицах.

В ее подготовке приняли участие двадцать три человека, включая как профессиональных исследователей, так и любителей, неравнодушных к прошлому Кяхты. Большое значение имело сотрудничество с Ассоциацией краеведов Байкальского региона (президент — Т. А. Бояркина), в результате чего удалось привлечь энтузиастов из Республики Бурятия и Забайкальского края. Важный вклад в формирование справочника внесли также потомки кяхтинских купцов, проживающие в разных городах России и хранящие рукописи и фотографии своих предков.

В словарь вошли как уже публиковавшиеся материалы (при этом в каждом подобном случае сделана соответствующая сноска), так и

новая информация, выявленная на основе анализа письменных источников разных видов: от законодательных актов, делопроизводственных и статистических материалов до периодики и эго-текстов. Особо следует выделить разнородные документы из фондов Кяхтинского краеведческого музея имени академика В. А. Обручева, имеющие, несомненно, крайне важное значение для реализации замысла данного издания. Среди них документация местных церквей, образовательных и просветительных учреждений, перепись населения первых лет советской власти и др.

В результате удалось собрать воедино сведения более чем о тысяче коммерсантах, как записывавшихся в кяхтинское купечество и проживавших в Кяхте, так и иногородних, включенных в сложную логистическую систему российско-китайской торговли через Кяхту на протяжении XVIII — начала XX в., представить данные об их происхождении, семейном составе, коммерческой и общественной деятельности и создать наиболее полную на сегодняшний день фактологическую основу для дальнейшего изучения жизнедеятельности кяхтинского купечества и роли Кяхты в развитии экономического и культурного взаимодействия России и Китая. При этом, конечно, составители ни в коей мере не претендуют на полный охват купцов и исчерпывающее изложение их биографий и выражают надежду, что со временем получится подготовить дополненный и переработанный вариант словаря.

С. Н. Копырина

После пожара: гостиный двор Екатеринбурга и городская торговля (1742 г.) *

Пожар — неконтролируемое горение, причиняющее материальный ущерб, вред жизни и здоровью граждан, интересам общества и государства. В XVIII в., когда большинство построек были деревянными, пожары являлись серьезным бедствием для населения.

Источниковую базу исследования составили опубликованные и неопубликованные документы Российского государственного архива древних актов (ф. 217 «Берг-коллегия») и Государственного архива Свердловской области (ф. 24 «Уральское горное управление»).

Формирование Екатеринбурга как крупнейшего административного и промышленного центра горнозаводского Урала сопровождалось становлением собственной торговой инфраструктуры. Уже в первой половине XVIII в. город являлся не только местом размещения органов горного управления и крупного металлургического производства, но и важным центром товарного обмена, обслуживавшим как население Екатеринбурга, так и жителей близлежащих заводов и поселков. Одним из ключевых элементов этой системы являлся гостиный двор. Представление о масштабах и характере торговли, сосредоточенной в нем, дает комплекс документов, составленный после крупного пожара 1742 г.

Пожар произошел в ночь на 20 июля 1742 г. Как сообщалось в рапорте из канцелярии Главного заводов правления, «по полуночи в первом часу» в Екатеринбурге на гостином дворе начался сильный пожар во время грозы. В течение четырех часов огонь уничтожил значительную часть торговых построек. Распространению пожара способствовала ветреная погода. Были уничтожены три ряда казенных и частных лавок, располагавшихся с восточной, южной и западной сторон гостиного двора. Сохранить удалось главным образом северный ряд.

Сам по себе этот эпизод представляет интерес для изучения истории Екатеринбурга, однако значительно более важным источником по истории торговли является составленная после пожара подробная ве-

* Тезисы подготовлены за счет гранта РНФ № 24-18-00080, https://rscf.ru/project/24-18-00080/

домость. В ней были зафиксированы не только сгоревшие лавки, но и стоимость находившихся в них товаров, принадлежность торговых помещений, происхождение отдельных владельцев товаров, наличие денежных средств, долговых и вексельных документов. Благодаря этому чрезвычайное происшествие фактически привело к созданию своеобразной моментальной «переписи» торгового пространства Екатеринбурга.

Гостиный двор соединял в себе две важные хозяйственные функции. Здесь размещались как казенные, так и частные торгово-складские помещения. Во время пожара пострадали не только помещения, но и находившиеся в них казенные припасы. При спасении имущества были утрачены или повреждены рыбий клей, холст, веревки, рогожи, вожжи и другие предметы хозяйственного назначения.

Показательна информация о частных лавках. Ведомость позволяет говорить о заметной имущественной дифференциации участников екатеринбургской торговли. Так, товары Федора Короткова были оценены в 179 руб. 70 коп., Федосея Шельгина — в 149 руб. 5 коп., тогда как в лавке Ивана Харчевникова находилось товаров уже на 1515 руб. К числу крупных потерь можно также отнести имущество, связанное с Иваном Коротковым, две лавки которого вместе с товарами оценивались в 1124 руб. 10 коп. Ассортимент его лавки был достаточно разнообразным. Среди продовольственных и потребительских товаров выделялись черный листовой чай стоимостью 40 руб. 50 коп., хмель — 14 руб. 40 коп., сорочинское пшено — 55 руб., лимонная корка — 32 руб. и табак, оцененный в 800 руб. Именно табак составлял основную часть стоимости всего зафиксированного имущества. Значительную группу представляли текстильные и галантерейные товары: холст, креп, шелковый тканец, красная бумага, шелковые ленты, немецкая выбойка, гарус, бумажные платки, кушаки. Продавались также готовые предметы одежды — рубахи, штаны, шапки, рукавицы и варежки.

Крупным объемом товаров располагал и Федор Савельев: стоимость находившегося в его лавке имущества составляла 891 руб. Среди наиболее показательных позиций в описи отмечены 200 пар женских башмаков стоимостью 50 руб., 20 пудов хмеля — 26 руб., а также сермяжное сукно, оцененное в 72 руб.

Суммы свидетельствуют о том, что к 1740-м годам торговля Екатеринбурга уже не ограничивалась мелким обменом, рассчитанным исключительно на удовлетворение повседневных потребностей заводского населения. В частности, три лавки принадлежали Никите Петрову, четыре лавки находились у Семена Бармина.

В документе фигурируют уктусские жители Василий Казанцов и Илья Холкин, шарташские жители Иван Украинцов и Федор Якимов, Иван Меркурев, Пахом Степанов, житель Шайтанского Никиты Демидова завода Иван Осенев. Одновременно встречаются торговцы и владельцы товаров, непосредственно не принадлежавшие к населению Екатеринбурга и его ближайших окрестностей. Так, в одной из лавок находились товары тобольского посадского Матвея Маслова на сумму 333 руб. 60 коп., а в лавке уктусского жителя Василя Казанцова — товары «романовца» Ивана Савельевского стоимостью 195 руб. 50 коп. Еще один участник торговли, Ермил Ноздреков, прямо обозначен как «приезжий по пашпорту», его лавка с товарами была оценена в 588 руб. 12 коп. Ранее в документе упоминается и другой приезжий по паспорту — Аврам Велитченка, товары которого стоимостью 982 руб. 50 коп. хранились в одной из казенных лавок.

В лавке Андрея Мингалева наряду с его имуществом находились товары ссыльного поселенца Спиридона Лупина, а в лавке Петра Гаврилова — товары тобольского посадского Матвея Маслова.

Необходимо отметить участие в товарообороте ссыльнопоселенческого населения. В ведомости неоднократно фигурируют ссыльные поселенцы, владевшие товарами или непосредственно торговавшие в чужих лавках. Среди них Савин Кобяков, Григорий Стрыков, Никита Федоров и Спиридон Лупин. Стоимость принадлежавших им товаров варьировалась от сравнительно небольших сумм до нескольких сотен рублей.

Еще одной важной особенностью источника является фиксация не только товарных ценностей, но и финансовых инструментов. У Семена Бармина в момент пожара находились протестованные и непротестованные вексельные письма на сумму 406 руб. У Семена Парфентьева были зафиксированы долговые векселя на 105 руб. Кроме того, ему для продажи были переданы товары гиттенфервальтера Алексея Хрущева (зеркало и оловянный поднос).

Последствия пожара затронули и екатеринбургскую таможню. В ведомости отдельно отмечены казенные деньги, находившиеся у соляного головы Бориса Голенецкого и целовальника Ивана Пахомова. Точно определить, какая сумма принадлежала каждому из них, оказалось невозможно, поскольку «из россыпные бочек деньги кладень были <…> в бочки безразборно». У бурмистра Степана Попова от дождя и грязи также была испорчена казенная гербовая бумага на 4 руб. 80 коп.

Общая сумма зафиксированных в документе потерь составила 11 899 руб. 53¼ коп. Итоговая сумма ущерба, показанная в ведомости,

не может рассматриваться как абсолютно точная. С одной стороны, стоимость ряда лавок и находившегося в них имущества установить не удалось вследствие отсутствия владельцев, что могло привести к занижению общей суммы потерь. С другой стороны, нельзя исключать и возможность завышенной оценки отдельных утраченных товаров и построек, поскольку ведомость в ряде случаев фиксировала сведения, полученные от самих владельцев.

Таким образом, материалы о пожаре екатеринбургского гостиного двора 1742 г. имеют значение, далеко выходящее за рамки истории чрезвычайных происшествий. Ведомость позволяет реконструировать структуру торгового пространства одного из центров горнозаводского Урала.

Эти сведения, возможно, позволяют рассматривать екатеринбургский гостиный двор как узел межрегионального обмена. Его торговые связи выходили за пределы непосредственно Екатеринбургского завода и соединяли город с заводскими поселками Среднего Урала, Тобольском и другими центрами. Причем торговое помещение и находившийся в нем товар далеко не всегда принадлежали одному лицу. В одной лавке могли храниться товары нескольких владельцев и правовой статус ссыльного поселенца сам по себе не исключал его из хозяйственной жизни горнозаводского центра.

Торговые операции основывались не только на непосредственном обмене товара на наличные деньги, но включали кредитные отношения, использование векселей и передачу товаров другим лицам для последующей продажи. Все обстоятельства свидетельствует о достаточно гибкой организации торгового пространства.

Н. А. Кореева

Верющие письма как исторический источник по изучению торговых операций купечества (конец XVIII — первая половина XIX в.)

Несмотря на высокую информативность верющих писем, исследователи уделяют им недостаточно внимания. Между тем эти документы служат ценным источником для анализа торгово-промышленной деятельности купечества, позволяя реконструировать механизмы сделок и модели предпринимательского поведения в конце XVIII — первой половине XIX в.

Согласно закону, юридическая сила верющих писем определялась исключительно содержанием полномочий, делегированных доверителем. При нотариальном удостоверении документа требовалось убедиться в его подлинности и в том, что он собственноручно подписан доверителем. Если же лицо было неграмотным, документ подписывался по его просьбе доверенным лицом («рукоприкладчиком»). Еще в 1765 г. было закреплено правило: для подтверждения подлинности подписи требовалось либо наличие образца почерка доверителя, либо его личное присутствие. Данное требование было подтверждено и разослано во все губернские правления в 1818 г.

С 1808 г. к документам, предназначенным для судебных и апелляционных дел, требовалось прикладывать печать того присутственного места, где они заверялись. За эту процедуру взималась пошлина в размере одного рубля, за исключением случаев, когда письма оформлялись для получения пенсий или жалованья. В 1821 г. данная пошлина была отменена.

Согласно указу 1797 г., все верющие письма должны были составляться на гербовой бумаге, что было обязательным условием для их принятия в судах и государственных органах.

Требования к гербовой бумаге, украшенной изображением орла (большого, среднего или малого), со временем менялись. С 1812 г. для верющих писем использовалась самая дорогая бумага третьего «разбора», стоимостью два рубля за лист (для сравнения: бумага первого «разбора» стоила 50 коп., второго — рубль); с 1821 г. — бумага четвертого «разбора» стоимостью три рубля за лист (всего же в то время существовало четыре категории бумаги с фиксированной це-

ной: 50 коп., один рубль, два рубля и три рубля за лист). Важно отметить, что после смерти доверителя верющее письмо автоматически теряло юридическую силу.

Несмотря на то, что Устав о банкротах 1800 г. законодательно запрещал купцам выдавать верющие письма лицам, не состоявшим в купеческих гильдиях, включая дворян, на практике это ограничение систематически нарушалось. Подобные документы нередко оформлялись на крестьян, мещан и купеческих сыновей, не имевших собственного обособленного капитала.

В Государственном архиве Республики Татарстан хранится комплекс документов, объединенных в «Книги на записку верющих писем» и «Верющие письма Казанской татарской ратуши». Эти источники охватывают период с 1780-х по начало 1860-х годов и представляют собой доверенности, выдававшиеся купцами для решения широкого круга задач:

- Судебно-правовые: подача исков и апелляций, заключение мировых соглашений по торговым спорам.
- Государственные подряды: исполнение контрактов с казенной палатой (поставка лошадей, овса, муки и других грузов в иные города).
- Торговые операции: купля-продажа товаров приказчиками от имени купца.
- Финансовые обязательства: взыскание долгов по векселям.
- Почтовые услуги: получение денег, корреспонденции и посылок на почтамте (право подписи за купца).
- Управление активами: руководство промышленными предприятиями и рыбными промыслами, включая наем рабочей силы.
- Контрактная деятельность: заключение договоров со скупщиками, продавцами и извозчиками.
- Операции с недвижимостью: сдача в аренду домов и подвальных помещений.
- Имущественные права: введение купца во владение недвижимостью, полученной в счет погашения долгов при банкротстве контрагентов.

Зачастую один документ объединял сразу несколько полномочий, при этом наиболее широкие права делегировались собственным неотделенным купеческим сыновьям.

Анализ верющих писем позволил выявить ключевые закономерности в торговой практике купечества. Доверители предоставляли своим представителям широкие полномочия: право осуществлять оптовую и розничную торговлю в различных регионах страны, а также

возможность отпускать товар в кредит исключительно «верным людям» при условии оформления надлежащих обязательств. Доверенным лицам разрешалось распоряжаться вырученными средствами для закупки новых партий товара, вести расчеты как наличными, так и путем товарообмена. В ряде случаев полномочия включали торговлю в приграничных зонах, декларирование иностранных товаров на таможнях и получение соответствующих разрешительных документов. Характерной чертой большинства писем было отсутствие конкретизации перечня товаров и сумм капитала; в таких случаях использовалась общая формулировка: «вверяю тебе собственные мои разные товары и деньги на сумму тебе известную».

Купцы, как правило, устанавливали жесткие ограничения: доверенным лицам запрещалось оформлять векселя и долговые обязательства от имени доверителя. При этом в ряде случаев доверенности наделяли представителей полномочиями на заключение казенных подрядов.

Стандартная формула завершения документа — «во всем мною им дозволенном верю и что они против того учинят спорить и прекословить не буду» — неизменно сопровождалась важной оговоркой: доверитель признавал правомерность действий представителя лишь при условии их полного соответствия закону.

А. Ю. Корнилов

Городское общество и строительство гостиных дворов в конце XVIII — XIX вв. по материалам Владимирской, Ярославской и Костромской губерний

Характерным и узнаваемым элементом российского города периода империи является гостиный двор. Классический облик каменных торговых рядов, опоясанных галереей, сложившийся в екатерининскую эпоху сохранял свою популярность вплоть до конца XIX в. В настоящее время сохранившиеся во многих городах гостиные дворы не только являются памятниками архитектуры и истории, но и по-прежнему выполняют свою первоначальную функцию.

Историю гостиных дворов, начатую градостроительными реформами Екатерины II, условно можно разделить на два периода, с двулетним запретом на их строительство по указу Павла I в промежутке. В 1780–90-е годы строятся дворы в губернских городах. В этот же период строится гостиный двор в Ростове Великом. В 1790-х годах ведется обсуждение строительства гостиных дворов в некоторых уездных городах, но выстроены они уже были только в эпоху правления Александра I. В документах этого периода прослеживается понуждение к строительству со стороны губернских властей. Из документов видно, что строительство гостиных дворов в Костроме и Владимире началось по предложениям губернаторов, обществом были даны подписки в том, что «обязуются построить». О «многих побудительных предписаниях о построение гостиного двора» свидетельствуют документы по Суздалю, Кинешме и Киржачу. Строительство гостиных дворов, предписанное новыми городскими планами, обосновывалось «способствованием к приращению городских доходов», каменные постройки «украшали город».

Впрочем, власти не всегда были настойчивы в требовании каменного строительства. В случае «маломочности» горожан дозволялось строительство деревянных лавок, но как временная мера, и со временем они заменялись кирпичными (Шуя, Пошехонье, Галич и пр.). Строительство кирпичных лавок могло растягиваться на долгие годы из-за недостаточности городской казны, бедности или нежелания горожан. В таких случаях губернаторы также прибегали к принуждению:

как меры воздействия использовались запечатывание деревянных торговых рядов, запрещение торговли в них, угроза штрафования.

Со временем городские сословия сами становятся инициаторами строительства гостиных дворов. Горожане были заинтересованы в наличии постоянного и долговечного места торговли. В тех городах, где гостиный двор находился в собственности города, он был важнейшим источником пополнения городской казны. Еще большее значение для городских доходов (и для частных тоже) гостиный двор имел в тех городах, где проходили крупные ежегодные ярмарки (Ростов, Рыбинск, Углич, Ковров).

Важным является вопрос о собственности на лавки. Гостиные дворы могли строиться как на частные средства, так и на городские. В первом случае лавки являлись личной собственностью владельца, могли переходить по наследству, свободно продаваться. Но при этом гостиный двор был общественной постройкой: желающие выстроить лавки составляли своего рода товарищество, строительство велось под контролем городских и губернских властей, дальнейшее функционирование двора было под руководством городской думы. Также гостиный двор мог быть выстроен как городская собственность. В таком случае лавки сдавались внаем в пользу городской казны. Средства для строительства брались из городских доходов, либо распределялись «складкою» на купцов и мещан. В отдельных случаях среди горожан находился жертвователь, бравший на себя большую часть расходов на строительство (Вязники, Шуя). Гостиные дворы, выстроенные частными средствами, более характерны для раннего периода, но существовали и в более позднее время (Романов, 1824 г.; Гаврилов-Посад, 1851 г.). Они в целом были более распространены, нежели дворы, выстроенные за общественный счет.

Можно выделить некоторые региональные особенности. Во Владимирской губернии в ряде городов (Владимир, Шуя, Ковров) гостиные дворы строились с дополнительными помещениями, предназначенными для размещения городской думы. Подобное сочетание было в те годы в Твери, но, возможно, образцом для подражания являлась Санкт-Петербургская городская дума, выстроенная в комплексе с торговыми рядами.

Для Ярославской губернии характерно строительство гостиных дворов как домов с лавками. Строились они по типовым проектам, имеющим в своей основе «примерные фасады», рассылаемые в губернии. Отдельное владение представляло собой двухэтажную секцию, первый этаж которой занимала лавка, а на втором размещались жилые покои. Нижний этаж имел встроенную галерею с арочными проемами.

Несколько секций составляли ряд, могли бесконечно достраиваться, увеличивая свою протяженность. Застройка целого квартала такими секциями превращала его в подобие гостиного двора, имеющего галерею вокруг всего квартала и внутренний хозяйственный двор. В делопроизводстве того времени подобные торговые ряды повсеместно именуются гостиными дворами. Но это все строительство рубежа XVIII–XIX вв. В более позднее время строились одноэтажные гостиные дворы. Ни в Костромской, ни во Владимирской губерниях двухэтажные ряды с лавками и жильем не сооружались.

Н. В. Коршунова

Формирование таможенной политики в России в первой четверти XIX в.: проекты и решения

Первые шаги Александровского правительства были направлены на формирование системы управления страной, в том числе в финансовой сфере. По мнению императора Александра и его ближайшего окружения, необходимо было упорядочить систему управления экономической сферой, что было важно для контроля над доходами и расходами. Программа правительства по вопросам внешней торговли была представлена министром коммерции Н. П. Румянцевым, который предложил пересмотреть таможенный тариф 1797 г. в сторону снижения пошлин на ввозимые товары. Новый тариф был утвержден в 1805 г., но он так и не начал свое действие, так как Россия вступила в войну. Более того, правительство сразу же вынуждено было принять ряд мер по поддержке отечественных купцов и промышленников, а права иностранцев урезать.

30 сентября 1804 г. Румянцев представил Александру I записку «О разуме тарифа». В этой записке он указал два возможных направления реформирования таможенного тарифа. В рамках первого предполагалось увеличить государственный доход без дополнительных затрат на развитие торговли. По второму — отрегулировать импорт товаров в зависимости от потребностей внутреннего рынка. Для рассмотрения и подробного анализа записки министра коммерции был созван «Особый комитет по рассмотрению нового тарифа» в составе А. Б. Куракина (председателя), самого Румянцева, министра финансов А. И. Васильева, министра внутренних дел В. П. Кочубея, товарища министра внутренних дел А. Чарторижского, члена Непременного совета А. Я. Будберга. Члены комиссии в общих чертах согласились с предложениями Румянцева.

Несоразмерность доходов и расходов, отсутствие экономических приоритетов в деятельности государства, а также осознание необходимости долговременной экономической программы для стабильного развития государства — все это и породило кризис. В целях стабилизации положения необходимо было создать максимально благоприятные условия для развития отечественной промышленности. Для обеспечения этого в 1810 г. правительство Александра I устанавливает запретительный, протекционистский таможенный тариф, по которому

резко повышались пошлины на ввозимые в Россию товары. Инициатором введения данного тарифа был О. П. Козодавлев, товарищ министра внутренних дел, возглавивший с 28 января 1811 г. это министерство.

Против запретительного тарифа в то время оказались два весомых фактора: на Венском конгрессе император Александр I фактически пообещал союзным державам открыть границы своей страны для иностранных товаров; ярым сторонником свободного тарифа был Д. А. Гурьев, пользовавшийся тогда поддержкой А. А. Аракчеева. Тем не менее, позиция и аргументы Козодавлева были учтены, и в 1816 г. принят компромиссный вариант таможенного тарифа. В 1819 г. принимается новый таможенный тариф, существенно снизивший пошлины на ввозимые товары и сырье. Это сразу сказалось на развитии фабрик и мануфактур.

Проблемы выхода из финансового кризиса и увеличения государственных доходов интересовали не только представителей верховной власти, но и рядовых чиновников. В этом отношении любопытен проект чиновника Министерства финансов надворного советника Михаила Карлевича, который обратился с письменным предложением к императору Александру I об увеличении доходов. Автор проекта изначально поставил себе вопрос: «должен ли по политическим обстоятельствам существовать долго тариф 1810 г. или нет». Он не дает однозначного ответа на вопрос, указывая, что «в первом случае суммы таможенные могут увеличиваться конфискациями и пенями, но за то должно правительство облегчить жребий некоторых состояний внутри [страны. — *Н. К.*]». Иначе говоря, Карлевич считал, что не столько важен размер таможенных пошлин, сколько способность властей использовать преимущество того или иного тарифа. По всей вероятности, предложения Карлевича не стали известны Александру I и руководству Министерства финансов. Однако многие его мысли оказались созвучны тем вопросам и проблемам, которые обсуждались в руководстве страны, в частности, изменения в таможенной политике, реформы денежной системы и т. п. Этот проект показывает, что даже люди, далекие от большой политики, видели явные финансовые затруднения властей: в качестве побудительного мотива к составлению данной работы Карлевич указал, что уже девять месяцев не получал жалования.

Анализ тарифной политики показывает, что без государственной помощи отечественное производство не могло бы развиваться, а тем более выдержать конкуренцию с Западом. Просвещенные государственные деятели понимали, что необходимо поддерживать отечественную промышленность, но не напрямую, как это делалось, например, при Петре I, а путем регулирования налогообложения и таможенных тарифов.

А. А. Космовская

Печорский волок на оброке в XVII–XVIII вв.

Печорский волок (протяженность около 4 км) соединял Чердынь с Печорским краем. Во второй половине XVII в. волок стал выгодным оброчным объектом, он сдавался в аренду посадским жителям, чердынским купцам и крестьянам на определенный срок (обычно 5 лет). Арендатор получал исключительное право на организацию перевозки товаров и взимание платы за услугу. После закрытия водного сезона на пристань Якшу отправлялись грузы по зимним дорогам. Первый путь шел из Чердыни через Ныроб к Чусовскому озеру вдоль водного пути. Вторая дорога была проложена через деревни по р. Колве. Правительство контролировало перемещение грузов и получало прибыль от эксплуатации перевозов.

Платежи с волока фиксировались в приказной документации. В 1620-е годы по приходным книгам Чердыни собирались деньги с волока и с перевозов. Какой волок точно был на оброке, сказать затруднительно. Известен и Немской (Бухонин) волок — транзитный путь по водоразделу между реками Молог и Нем. Основным торговым путем был именно Печорский. Во второй половине XVII столетия за волок развернулась борьба между обитателями Чердынского уезда.

Посадский человек Иван Горохов взял на оброк волок в 1675/76 г. на пять лет с наддачей 45 коп. к прежней сумме 7,55 руб. Через два года чердынец Кузьма Пономарев подал челобитную с просьбой отдать Печорский волок ему на оброк. Со слов Пономарева, до его аренды волок был безоброчным, а он платил оброк около 15 лет, поставил мосты, баню. Возмущенный таким заявлением, Иван Горохов сослался на использование волока для перевозки людей и грузов «исстари», а организатором перевозок указал крестьянина Вильгортского стана Чердынского уезда Богдана Лиханова. Правительство оставило волок за Иваном Гороховым, а впоследствии размер оброка из года в год повышался. До 1675/76 г. платили 7,55 руб., до 1680/81 г. — 8 руб., с 8 октября 1680 г. чердынец Семен Девятков получил волок на оброк на 5 лет за 9 руб. 8,5 коп. ежегодно (в грамоте царя Федора Алексеевича указано, что до Девяткова оброк был 8 руб. 18,5 коп.). По Чердынскому счетному списку 1682 г. оброк на 1679/80 г. указан в размере 8 руб. 3,5 коп., что меньше на 15 коп. Далее в источниках платежи

совпадают, в 1680/81 г. произошла наддача до 9 руб. 8,5 коп. Такая сумма платилась до 1685/86 г., после чего оброк стал 10 руб. 5 коп. (арендатор Степан Казанцев). С 1688/89 г. за волок платил 10 руб. 36,5 коп. чердынец Федор Сизиморов. В 1689/90–1692/93 гг. оброк вносили в казну Федор Сизиморов и Савелий Патрушев (или жена арендатора Анница Патрушева).

Экономика волока в XVII в. строилась на конкурентной арендной системе, приносившей казне доход, сопоставимый с парой больших колесных мельниц на оброке. В начале XVIII в. волок отсутствует в приказной документации. Он оказался у Чердынского Богословского монастыря. Сведения о содержании перевоза зафиксированы провинциальным казначеем Федором Бирюковым в росписном списке 1768 г. В описи владений Чердынского Богословского монастыря перечислено все движимое и недвижимое имущество волока. При поселке Верх-Колвинском было 8 четвертей пашенной земли в поле (в дву потому ж) и 15 десятин непахотной земли в подлеске. С сенного покоса собирали 1300 копен. Среди материалов и припасов были гири, железные втулки, долота, топоры, тесла, скобели, лопаты и другие инструменты. Для перевозки использовались 50 телег пальцовых, 16 глухих дощаных телег, 28 пар торжевых припряжей.

Возрастных волоковых меринов (22 головы, средний возраст 18,42 года) продали после описи волока с публичных торгов за 47 руб. Еще 6 меринов (средний возраст 16,83 лет) не явились при приеме у казначея, две лошади (15 и 24 года) пропали в бытность откупа чердынского купца Александра Валуева. С 1767 г. Печорской волок с пашенными землями, сенными покосами, материалами и припасами был отдан на четырехгодичное содержание. Соликамский купец Алексей Харитонов вызвался платить ежегодно 376 руб. 50 коп.

Платежи с других оброчных объектов (мельниц, рыбных ловель) немного увеличились с конца XVII в. до отмены канцелярских сборов в 1770-е годы. Плата за волок повысилась почти в 35 раз, что свидетельствует об активных торговых перемещениях на север во второй половине XVIII в. Через волок перевозились десятки тысяч пудов грузов. Чердынские купцы торговали продуктами питания (хлеб, рыба, чай), мехами, кожей, точильным камнем и другой местной и импортной продукцией.

Эксплуатация Печорского волока базировалась на оброчной системе, при которой волок сдавался в аренду на конкурсной основе. Это приносило казне стабильный доход и обеспечивало чердынским купцам контроль над торговым путем в Камском и Печорском бассейнах.

Я. А. Лазарев

Русско-украинская торговля пенькой в первой половине XVIII в.: к вопросу о механизмах экономической интеграции Малороссии *

В составе Российского государства территория Малороссии оказалась в 1654 г. благодаря антипольскому восстанию гетмана Б. М. Хмельницкого и по 1764 г. являлась крупнейшей территорией с особым статусом с населением в 1–2 млн чел. Специфика организации Малороссии заключалась в особой системе управления, привилегиях и экономических льготах для местного населения. В годы правления Екатерины II Малороссия теряет свой особый статус и окончательно интегрируется в общеимперские административные и имперские структуры, а также единое экономическое пространство.

Формально установление экономических связей Малороссией сулило серьезные экономические выгоды. История утрат политических привилегий и постепенная экономическая интеграция региона в украинской историографии до сих пор объясняется в рамках «колониального дискурса». Малороссия (Украина) стала объектом экономической экспансии, российская сторона стремилась выкачать все ресурсы в ущерб местному населению. Экономическое принуждение усилилось в правление Петра I, из-за указов которого прервались торговые контакты Малороссии с европейскими странами и усилились эксплуатация ресурсов Малороссии. Рассуждения о негативном влиянии российской политики (колониальном гнете) на экономику региона не подкреплялись конкретными цифрами и подсчетами, должными показать экономическую асимметрию, где объект экспансии — это рынок сбыта для товаров из метрополии, защищенных протекционистскими тарифами, а также источник для выкачивания ресурсов. Сомнения в негативных (колониалистских) трактовках русско-украинских экономических связей в середине 1950-х годов высказывали Б. Б. Кафенгауз, А. А. Новосельский, Н. Л. Рубинштейн и В. А. Романовский. Несмотря

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-02911 по теме «Механизмы экономической интеграции юго-западных окраин Российского государства: Малороссия, конец XVII–1764 г.», https://rscf.ru/project/25-28-02911/

на их замечания и количественные данные негативные трактовки истории экономической интеграции Малороссии продолжали воспроизводиться, затем они закрепились и в отечественной (российской) историографии, представляя из себя суррогат политической истории с огромным количеством ошибок и домыслов, а не набор специальных исследований.

В рамках предлагаемого доклада планируется обратиться к истории русско-украинской торговли пенькой в первой половине XVIII в. Данный сюжет позволяет раскрыть специфику русско-украинской торговли, экономической политики российского правительства и статус Малороссии в экономическом пространстве государства (империи).

Для Малороссии (район Стародубского полка) пенька являлась важным предметом экспорта на европейские рынки через балтийские порты (Данциг, Рига, Кенигсберг). До начала Северной войны (1700–1721) закупка пеньки в Малороссии не очень интересовала российское правительство и купечество. Строительство флота и активные боевые действия на море изменили это отношение. С начала XVIII в. российское правительство стремилось на законодательном уровне регулировать торговлю данным стратегическим товаром, направляя торговлю пенькой только через российские порты (Архангельск с 1701 г., Санкт-Петербург с 1714 г.). На примере данного аспекта торговли пенькой планируется объяснить одно из ключевых заблуждений. Принудительный перенос логистических маршрутов подразумевал запрет на сухопутную торговлю с европейскими странами, в то время как через российские порты на Балтике торговые связи не прерывались, сохраняя доступ малороссийским торговцам к европейским товарам и не лишая их доходов. После взятия русскими войсками Риги в 1710 г. был снова актуализирован старый маршрут для сбыта пеньки, несмотря на особую роль Санкт-Петербурга. Помимо европейских покупателей пеньки малороссийские торговцы получали более крупного и ответственного заказчика в виде Российского государства. Вместо десятков и сотен пудов речь шла о кратном увеличении поставок.

История закупок пеньки из Малороссии позволяет понять ряд важных моментов в русско-украинской торговле. Ключевыми контрагентами являлись российские торговцы, закупавшие крупные партии пеньки в пограничных с Малороссией русских городах. Они же брали на себя все логистические издержки по доставке товара к русским портам. Государственные учреждения (Коллегия иностранных дел, Адмиралтейств-коллегия), осуществлявшие также закупку крупных партий малороссийской пеньки, брали на себя издержки по хранению и распродаже излишков товара, даже в ущерб себе. При этом и речи не шло

о сегрегации малороссийских поставщиков. Растущий спрос государства (особенно, с 1730-х годов) на малороссийскую пеньку продемонстрировал интересную экономическую ситуацию. В развитии крупного промышленного производства и заготовке качественного сырья оказались заинтересованы лишь крупные российские вотчинники, являвшиеся также землевладельцами в Малороссии (А. Д. Меншиков, Строгановы, Юсуповы). Эти немногочисленные предприятия по стечению обстоятельств перейдут под контроль государства. На этом фоне малороссийские землевладельцы подобного желания расширять и улучшать производство не испытывали. Такой пассивной трудовой этике правительство ничего не могло противопоставить из-за особого статуса региона. Вместо насильственной сгонки населения на заготовку пеньки и организации крупного производства правительство взаимодействовало с многочисленными поставщиками (до нескольких сотен) и мирилось с низким качеством сырья. Отмеченные факты из истории русско-украинской торговли пенькой совсем не вписываются в тезис о «колониальном гнете», также их трудно связать с политическим упадком автономии Малороссии.

Д. В. Лисейцев

Формирование социальной группы «торговые люди» по материалам делопроизводства Печатного приказа первой половины XVII в.

Известная каждому специалисту по истории XVII в. утрата значительной части документов московских приказов скрыла от нас многие процессы социально-экономической и политической жизни Московского государства, ограничивая ученых в изучении прошлого целых регионов. В этой ситуации неоценимое значение приобретает сохранившееся делопроизводство Печатного приказа. Выполняя функции государственного нотариата, Печатный приказ заверял печатью практически каждый документ в формате государева указа. За приложение печати в большинстве случаев взималась особая печатная пошлина (некоторых челобитчиков от ее уплаты освобождали). Каждый факт приложения печати строго документировался, фиксируясь в особых пошлинных и беспошлинных книгах: в сжатом виде записывали дату, адресат, имена и социальный статус челобитчиков, суть дела, решение центральных властей и размер взятой (или не взятой) печатной пошлины. Это не только позволяет составить представление о работе центрального государственного аппарата и проблемах, волновавших население страны, но и приблизиться к решению ряда дискуссионных вопросов истории России XVII в.

Одной из таких проблем является структура российского общества XVII столетия, а точнее — вопрос о том, сложились ли в России XVII в. сословия и, соответственно, правомочно ли определение политического строя страны того времени термином «сословно-представительная монархия». В сохранившихся за три десятилетия (1620/21–1650/51 гг.) семи десятках пошлинных и беспошлинных книг Печатного приказа зафиксировано около 150 тыс. записей о приложении государевой печати. Приблизительно 3 % из них (порядка 5 тыс. записей) содержат информацию о коллективных челобитных, поданных от имени целого «чина» (или нескольких «чинов», порой и всего города и уезда). В числе прочих в таких коллективных челобитных в роли просителей иногда выступают «торговые люди». За рассматриваемый период их совместных прошений обнаружено 42; география этих челобитных широка — от Архангельска до Астрахани и от Пскова

до Мангазеи. Большая часть прошений торговых людей касалась коммерции в самых разных ее проявлениях. Иногда коллективные челобитные этой категории подданных Московского царства становились инструментом в конкурентной борьбе. В 1648 г., например, псковские торговые люди добились ограничения свободы негоциации для приезжих торговцев только оптовыми операциями, а в 1651 г. новгородские торговые люди инициировали правительственный запрет розничной торговли для всех иноземных купцов.

Понятие «торговые люди» в обиходе XVII в. было «межчиновным» или «надсословным», обозначая людей, промышляющих торгами. Торговыми людьми могли именоваться не только крестьяне или посадские люди, для которых коммерция была одним из основных занятий, но и служилые, чья основная общественная функция была совершенно иной. Отличительной чертой торговых людей как социальной группы, помимо ее «надчиновности», являлась легкость, с которой она объединяла в своих рядах представителей разных городов, что было совершенно не характерно для прочих категорий населения Московского государства первой половины XVII в., охотно объединявшихся в решении общих задач в пределах города и уезда, но практически никогда не демонстрировавших понимания единства целей с товарищами по чину, проживавшими даже в соседнем городе. Торговые люди, являвшиеся исходно объединением межчиновным, действуя вместе в рамках коммерческой деятельности, напротив, неоднократно демонстрировали выражавшееся в подаче совместных коллективных челобитных понимание общих интересов, не замкнутых в границах одного города. Материалы делопроизводства Печатного приказа существенно расширяют наши знания о совместных прошениях торговых людей Московского государства. Помимо введенных ранее в научный оборот коллективных челобитных торговых людей 1627, 1642, 1646 и 1649 гг., они сохранили записи о совместных обращениях к власти торговцев сразу нескольких городов 1625, 1633, 1635, 1637, 1641, 1643, 1646 (три челобитные) и 1648 гг. Это дает возможность рассуждать о процессах формирования так называемого «сословного сознания» у торговых людей более предметно, чем позволяли источники ранее: на этом пути они существенно опережали другие «чины» московского общества, к середине XVII в. так и не сумевшие преодолеть административные границы собственных уездов.

П. Е. Ломако

Трактирные заведения как показатель значимости провинциального города конца XVIII века (на примере Московской губернии)

Питейное дело являлось важной частью экономики России. Для большей части населения были доступны кабаки, официально именовавшиеся питейными домами. Для привилегированной же публики существовали трактирные заведения, которые создавались «для удовольствия иностранных и всякого звания российских людей, кроме подлых и солдат». К этим заведениям относили, собственно, трактиры, а также герберги, работавшие еще и как постоялые дворы. По закону 1770 г. трактиры были разделены на четыре нумера (категории). Первому нумеру разрешалось иметь стол, ночлег, вейновую водку, виноградные вина, английское пиво, полпиво легкое, кофе, чай, шоколад, табак. Второму — все перечисленное, кроме ночлега. Третьему — все без стола, четвертому — все товары, кроме водок, а также в нем не осуществлялся ночлег. Наличие трактирного заведения показывало статус города, ведь если это было поселение вдали от трактов и активной жизни, то и столь высокие заведения там были просто не нужны.

К сожалению, отследить наличие и количество таких заведений в уездных городах довольно сложно, так как не всегда сохранялись документы об их открытии или о заплаченных государственных податях. К тому же существовали «безгласные трактиры», которые открывались без дозволения правительства. Их наличие возможно зафиксировать, только если они попали в поле зрения государственных структур. Однако определенную картину получить возможно. На конец 1790-х годов в уездных городах Московской губернии существовало не менее 21 трактирного заведения. Их распределение по городам представлено в табл. 1.

В Волоколамске упоминается о существовании герберга в 1783 г., однако затем никаких сведений о нем нет. Также на конец 1780-х годов в селе Троицком Подольского уезда существовал герберг третьего нумера, однако в 1790-х он там уже не отмечается.

Табл. 1. Трактирные заведения в городах Московской губернии в конце 1790-х годов

Город	1 нумера	2 нумера	3 нумера	4 нумера	Неизвестного нумера	Всего
Серпухов	2	1	1	–	1	5
Коломна	1	2	–	–	–	3
Дмитров	–	2	–	–	–	2
Руза	–	2	–	–	–	2
Бронницы	1	–	–	–	–	1
Сергиев Посад (Дмитровский уезд)	–	1	–	–	–	1
Клин	–	1	–	–	–	1
Завидово (Клинский уезд)	–	1	–	–	–	1
Богородск	–	1	–	–	–	1
Верея	–	1	–	–	–	1
Воскресенск	–	1	–	–	–	1
Можайск	–	–	1	–	–	1
Звенигород	–	–	–	1	–	1
Итого	4	13	2	1	1	21

Таким образом, из таблицы видно, что наибольшее количество трактирных заведений (9, или 42,86 %) оказалось сконцентрировано на трактах, ведущих на юг через Серпухов, Бронницы и Коломну. Причем именно здесь находятся все герберги первого нумера, что подчеркивает нужду в ночлеге со столом в этих населенных пунктах. А это указывает как на активную торговлю с южными регионами, так и на преимущественно купеческий состав населения, которому было разрешено посещать трактирные заведения.

Герберги второго нумера, преобладающие в общей массе трактиров, распределены почти по всем городам Московской губернии. Это говорит о том, что путники проезжали эти города транзитом, останавливаясь только затем, чтобы принять пищу. Тот факт, что в Можайске существовал герберг третьего нумера (а не первого или второго), объясняется его нахождением на менее популярной дороге на запад, на которой, однако, необходимо было где-то останавливаться.

Присутствие герберга четвертого нумера, по сути кофейни, в Звенигороде выглядит странно, однако, вероятнее всего, это был своего рода эксперимент. Судя по тому, что уже в начале XIX в. такого герберга там не упоминается, этот эксперимент провалился.

Таким образом, наличие и количество гербергов подчеркивало значимость уездного города для торговли всего региона. Работа трактирных заведений указывает как на социальный состав города, в котором они находятся, так и на характер проезжающих через него путников.

Д. О. Манин

Подготовка русско-французского торгового проекта в начале 1680-х гг.

В 1680 г. во Францию и Испанию была направлена русская дипломатическая миссия, возглавляемая посланниками стольником Петром Ивановичем Потёмкиным и дьяком Степаном Ивановичем Полковым. Ее целью было уведомить иностранных монархов о восшествии на русский престол Федора Алексеевича, но также способствовать укреплению «братской дружбы и любви» между правителями, заручиться поддержкой со стороны Франции и Испании в продлении перемирия России с единоверной им Речью Посполитой, а также возобновить обсуждение торговых вопросов.

В историографии эта дипломатическая миссия получила меньшее освещение, чем посольство П. И. Потёмкина и С. В. Румянцева в 1667–1668 гг. и преимущественно рассматривалась в общем контексте русско-французских отношений. Проект развития транзитной торговли упоминался Р. С. Асташкиным в кандидатской диссертации, но, на мой взгляд, все же требует более детального изучения. С этой целью к исследованию были привлечены материалы делопроизводства Посольского приказа: посольские книги и столбцы из фонда 93 Российского государственного архива древних актов (РГАДА), а также фонда 155, содержащего зарубежные новости.

Основой для русского проекта организации торговли с Францией, предложенного министрам Людовика XIV в 1681 г., стало французское предложение 1668 г., которое русское посольство не могло утвердить из-за отсутствия таких полномочий в наказе. По-видимому, разработка проекта в России происходила только осенью 1680 г. Указ архангельскому воеводе от 9 июля 1681 г. свидетельствует о направлении проекта торгового договора из Приказа Большой казны в Посольский приказ 25 сентября 1680 г. Косвенным, свидетельством работы над ним является перевод в курантах известия от 19 октября 1680 г. о проекте армянских торговцев по продаже в Архангельске французских вин напрямую из Франции, и о получении в Москве письма от Людовика XIV с просьбой позволить его подданным торговлю по Каспийскому морю, а также об обсуждении при русском дворе с участием

20 «гостей или торгового дела советников» договора французского короля с армянскими торговцами шелком.

Суть проекта оставалась близка французскому предложению 1668 г. Вновь предполагались свобода торговли для русских купцов во Франции, свобода в найме складских помещений и жилых зданий, возможность утверждения консула для разбора судебных дел, свобода богослужения, а также обложение пошлинами только продаваемых товаров. Новшеством стало подробное изложение предлагаемых условий торговли французов и испанцев в России. Устанавливался запрет продажи табака и крепкого алкоголя, уточнялись пошлины по Новоторговому уставу 1667 г., особенно для разных сортов вина. Поставленный в 1668 г. вопрос о транзитной торговле был опущен с указанием на опасность путешествия на юг за пределы границ России. Однако уже после отправки посольства для французов этот вопрос был пересмотрен: в направленных через почту дополнениях к наказу речь шла о необходимости обязательно провести обсуждение с французскими министрами транзитной торговли с Персией (при условии уплаты таможенных пошлин и торговли исключительно шелком-сырцом с запретом продавать его внутри России).

Изменения наказа касались только Франции, а не Испании, но в итоге не были учтены посланником П. И. Потёмкиным на переговорах в мае 1681 г. После возвращения миссии в приказе был проведен допрос посланника, где тот обвинялся в упущении значимой возможности для пополнения царской казны благодаря выгодной торговле с французами. Ранее информированность царского окружения о ходе миссии была ограничена, считалось, что посланнику удалось добиться предварительных договоренностей. Это отразилось в указе архангельскому воеводе от 9 июля 1681 г. с копиями инструкций 1669 г., касающихся прибытия французов, и обзора их торговых операций в Архангельске за этот же год. В Москву следовало сообщить о дальнейшем развитии их торговли, а также приоритетно решать возникшие в ней затруднения.

Таким образом, торговый проект был значимой частью русско-французских отношений в начале 1680-х годов. Его разработка показывает, что при царском дворе приняли большую часть положений французского проекта 1668 г., но отказались от введения особого пошлинного режима для подданных Людовика XIV. При этом русская сторона не отказывала иностранцам в возможности транзитной торговли окончательно. Она занимала более гибкую позицию, как минимум, в отношении Франции, не имевшей сильной позиции на русских рынках. В свою очередь, разработка проекта в Приказе Большой каз-

ны, обвинение вернувшегося посланника в препятствовании прибыли царской казны, а также инструкции о торговле французов для должностных лиц Архангельска, на мой взгляд, свидетельствуют об интересе к торговому проекту именно как к перспективному экономическому взаимодействию, а не только политическому шагу.

И. Л. Манькова

Таможенные заставы в Нижнем Приобье в XVII в.: поиски оптимального механизма функционирования

Систему таможен в Сибири начали организовывать с конца XVI в.: в городах-острогах ставились гостиные дворы, на путях следования из европейской части России в Сибирь и обратно создавались пропускные пункты — таможенные заставы. Одной из важных «указных» дорог стал «Чрезкаменный путь», проходивший через Приполярный Урал, наиболее короткий в «златокипящую» Мангазею. На отрезке речного пути от Уральских гор («Камень») до р. Оби была создана система таможенных застав, которые действовали только три летних месяца. На устье Соби, притоке Оби, таможенная застава существовала уже на рубеже XVI–XVII вв. В период Смуты Собская застава перестала функционировать и была восстановлена по указу 1620 г. Она контролировала дорогу из Сибири «на Русь». На р. Полуе рядом с центром Обдорского княжества был построен пункт («государева изба») для сбора ясака и десятинной пошлины — Обдорская застава, через нее проходили дороги «с Руси» в Тобольск и Мангазею. Самое раннее упоминание о ней содержится в документе 1607 г. В восточных предгорьях Приполярного Урала на р. Киртасе (Кыртасе), притоке р. Сосьвы, имелась еще одна таможенная застава. Она была устроена на «Щугорском пути», проходившем по р. Щугору, правому притоку Печоры, в Сибирь. По нему можно было обойти Берёзов, Собскую и Обдорскую заставы. Вероятно, Киртасская застава появилась в 1620-е годы.

На начальном этапе обслуживанием этих таможенных застав занимались служилые люди, посланные из Берёзова — самого ближнего острога. Когда навигация прекращалась, таможенники покидали заставы. Грамотой 1620 г. было предписано отправлять вместе со служилыми людьми выборных целовальников из посадских людей Тобольска. Обдорская и Собская заставы имели общий штат и функционировали как единое целое. Там собирались деньгами десятая, проезжая, поголовная и судная пошлины, а также «протаможье» — изъятая пушнина, которую пытались провести незаконно. С гулящих людей брали годовой оброк (если не был уплачен в другом месте). Собранные средства поступали в Берёзов, а затем в Тобольск. По предложению тобольских воевод в 1628/29 г. Собская и Обдорская заставы

получили печать, чтобы можно было собирать и печатные пошлины. Это повлекло кадровые изменения — назначение письменных голов и подьячих из Тобольска. На заставах создавалась управленческая структура по модели начальных этапов истории сибирских городов-острогов. Служилые люди продолжали играть важную роль в деятельности таможенных застав. Они присылались из Берёзова и Тобольска. Вероятно, их численность зависела от военной обстановки в регионе.

К середине 1630-х годов таможенные доходы в Сибири стали неуклонно сокращаться. Центральная власть сочла причиной тому непомерное обогащение сибирских управленцев и ослабление таможенного контроля. В 1635 г. было принято решение о назначении в сибирские таможни таможенных голов, выбранных из посадов северорусских городов. В Берёзов были направлены два таможенных головы из Устюга Великого и Мезени (Кеврольский уезд). Летом им предстояло нести службу на Собской, Обдорской и Киртасской заставах, остальное время они работали в Берёзове. Изначально планировалось, что срок службы таможенных голов будет два года, в реальности они находились в Сибири и до пяти лет.

Таможенным головам были даны полномочия по досмотру имущества воевод, письменных голов, дьяков, членов их семей и дворовых. Они получили право изымать все, что будет найдено сверх установленных норм. Тема тщательного досмотра на таможенных заставах сибирских администраторов проходит красной нитью во всех наказах таможенникам до конца XVII в. Помимо стационарных пунктов на заставах, таможенные головы должны были организовать выездные караулы, чтобы пресекать попытки «ухоронить» или беспошлинно продать товар, не доезжая таможни или объехать ее. Также на голов возлагалось судопроизводство, организация банного, печного, квасного и сусленого откупов. Еще одной их обязанностью являлась покупка пушнины для казны. Также они должны были проверять не вскрывалась ли по дороге меховая казна, которую везли через Обдорскую таможню в Москву из Томска, Кетска, Нарыма, Кузнецка, Енисейска. Объем приносимой таможенными заставами прибыли главным образом зависел от количества проезжавших через них людей, а также от совершаемых торговых сделок.

Постепенно центральная власть стала сокращать участие посадских людей Русского Севера в сибирских таможенных службах. К 1690-м гг. в Берёзов и на заставы вместо двух таможенных голов стали назначать одного из Тобольска. Сократилась и численность целовальников на заставах. Вероятно, кадровые сокращения были обусловлены тем, что существенно уменьшилось количество проезжавших через заставы из-за истощения пушного промысла на севере Западной Сибири.

С назначением таможенных голов сохранялась практика направления на Собскую и Обдорскую заставы в летний период администраторов из Тобольска для надзора за таможней и обеспечения безопасности. Эти обязанности выполняли тобольские дети боярские или дворяне. В источниках их должность не имеет названия, функционал подходит под статус приказного (приказчика) или заставочного головы. Сравнительный анализ наказов дает возможность проследить как менялись обязанности приказных и их взаимоотношения с таможенными головами с 1670-х по конец 1690-х годов. После 1694 г. в управлении Собской и Обдорской заставами установилось единоначалие, таможенный голова и целовальники были полностью подчинены приказному. В начале XVIII в. путь «чрез Камень, что на Берёзов» стал «заповедным». Собская и Киртасская заставы были заброшены. Обдорская застава сохраняла свое значение как пункт сбора ясака и местного торга.

А. К. Махадов

Экономические отношения народов южного Дагестана и северного Азербайджана в первой половине XIX в.

Из источников известно, что на территории северного Азербайджана и ряда крупных торговых центров были созданы постоянно действующие караван-сараи для дагестанских торговых людей. Азербайджанские и дагестанские купцы входили во взаимные контакты, совместно участвовали в транзитной торговле по прикаспийской международной торговой артерии. Как известно, в связи с выходом России на Каспийское море, огромное значение стал приобретать Волжско-Каспийский торговый путь. Торговля с восточными странами через Дагестан и Закавказье приняла регулярный характер. Дагестанские торговые люди пользовались на территории Азербайджана определенными льготами. Они, так же, как и сами азербайджанцы, освобождались от таможенных сборов, пользовались гостиными дворами, не платили пошлин с товаров.

В связи со специализацией ремесленного производства увеличивалось количество избыточной продукции, которая поступала на внешний рынок. Кроме того, с ростом и развитием городов в Азербайджане заметно увеличился спрос на продукты первой необходимости. Одним из поставщиков товара такого рода являлись сельскохозяйственная продукция, продукты животноводства и др. из сел Самурской долины, Цахура, Кураха и других районов южного Дагестана. Хотя Азербайджан и изобиловал различными видами естественных красок, но дальнейшее развитие торговли с Россией привело к тому, что спрос на марену возрос в значительной степени. Видимо, в этой связи в XIX в. возрастает производство марены в районе Магарамкента, Самура, Табасарана и Дербента.

В XVIII — первой половине XIX в. Азербайджан был одним из поставщиков сырья для развивающейся русской шелкоткацкой промышленности. Поэтому азербайджанские правители были заинтересованы в благополучии добрососедских отношений с жителями южного Дагестана, так как закавказский шелк надо было вывозить прежде всего через этот регион. В источниках и литературе часто отмечается, что тот или иной купец, едущий из Азербайджана, Грузии или Армении в Кизляр или Астрахань, оставался на ночлег или на два-три дня в Самуре,

Оружбе, Мугарты или в других лезгинских селах. Эти населенные пункты, в свою очередь, являлись местными торговыми центрами, где закавказские купцы встречались с торговыми людьми из Северного Кавказа. Часто местом встреч был город Дербент — крупнейший центр внутренней и внешней торговли в регионе.

Следует отметить, что между собой жители лезгинских сел и азербайджанцы торговали беспошлинно, имелись специальные тропинки, дороги, где не было таможенных пунктов. Поэтому старались с малым товаром не заходить в большие города, такие как Дербент, где имелись специальные таможенные пункты. В свою очередь горцы старались избегать таможенной регистрации товаров, но не всегда им это удавалось. В нашем распоряжении имеются многочисленные документы, когда тот или иной торговый человек, провозя товар, вынужден был платить таможенную пошлину, за исключением мелких торговых людей с малым количеством товаров. Следует также отметить, что феодальные правители не думали о защите местного купечества от иностранной конкуренции. Это не было политикой покровительства местной торговли, а носило фискальный характер, т. е. преследовались цели личного обогащения и сбора средств для содержания двора и ведения войн.

Итак, в конце XVIII — первой половине XIX в. продолжалось дальнейшее развитие торговых связей северо-восточного Азербайджана с Дагестаном. Эти связи переплетались с добрососедскими и политическими отношениями. Правители северо-восточного Азербайджана выступали в защиту прав своих купцов на внешнем рынке. Так, например, по мнению дербентского хана, торговля между южным Дагестаном и Азербайджаном должна была осуществляться на выгодных условиях для обеих сторон. Правительствующие круги Азербайджана, со своей стороны, рассматривали торговые связи с народами южного Дагестана как имеющие материальное и культурное значение в жизни страны. В свободном передвижении купцов и их коммерческой деятельности в Азербайджане были замечены элементы некоторого благоустройства.

Т. С. Минаева

Сохранение исторической памяти о К. А. Анфилатове

Ксенофонт Алексеевич Анфилатов (1761–1820) — купец из г. Слободского Вятской губернии. Его дед и отец занимались торговлей хлебом, льном, пенькой и другими сельскохозяйственными товарами. Сам Ксенофонт Алексеевич в конце XVIII в. организовал с компаньонами совместную торговую фирму в Архангельске, а в начале XIX в. имел уже собственную торговую контору в беломорском городе-порте и успешно вел коммерческие дела с помощью удачной женитьбы на дочери известного архангельского купца А. И. Попова. В 1806 г. Анфилатов первым из российских купцов начал вести прямую торговлю с США. Первые два рейса его судов принесли существенную прибыль, так как предприниматель за первенство и риск подобных операций получил привилегию от Александра I — не платить пошлины за первые три рейса. Начавшаяся континентальная блокада Англии и присоединение к ней России привели к гибели многих российских торговых судов. Такая же участь постигла судно Анфилатова в ходе третьего вояжа в Америку. Ущерб составил почти полмиллиона рублей, что заставило купца прекратить опасные торговые связи. Континентальная блокада помешала также развитию еще одного предприятия, в котором активно участвовал Анфилатов — он вместе с А. И. Поповым и другими северными купцами организовал Беломорскую акционерную компанию для ведения морских промыслов в Белом и Баренцевом морях. Первоначально дела компании развивались успешно, но разорение промыслового центра в Екатерининской гавани на Кольском полуострове и потери судов привели к финансовым убыткам и банкротству компании.

В своей деятельности Ксенофонт Алексеевич, как и многие другие русские купцы в то время, часто сталкивался с нехваткой денежных средств, что стало предпосылкой для его решения — организовать банк, который бы помогал развивать предпринимательство в его родном городе. В 1810 г. общественный банк в г. Слободском был торжественно открыт. Ксенофонт Алеесеевич сам разработал устав банка, который стал образцом для создания подобных банков во всей России. Делами городского общественного банка Анфилатов занимался до конца своих дней, даже тогда, когда его собственные торговые пред-

приятия пришли в упадок. Последние свои годы он проживал в Архангельске, в доме своей жены. Умер в 1820 г. В 1863 г., в честь 50-летия со дня основания, Слободской банк установил на его могиле памятник — мраморную темно-красную четырехгранную колонку с крестом наверху и надписью: «Основателю в память от Слободского Анфилатовского банка в служение городского головы Луки Агафовича Колотова в 1863 году». За годы советской власти памятник был разрушен и могила затеряна.

Первым, кто внес свой вклад в сохранение памяти об Анфилатове, стал историк Г. А. Замятин, сын священника и краеведа г. Слободского. Герман Андреевич написал по поручению Комиссии по устройству 100-летнего юбилея Общественного банка книгу «Ксенофонт Алексеевич Анфилатов. Очерк его жизни и деятельности». Она была издана в Санкт-Петербурге в 1910 г.

В 2015 г. глава города Слободского Е. А. Рычков и заведующий Слободским краеведческим музеем С. М. Бушмакин побывали в командировке в Архангельске. Вместе с представителями городской администрации и автором настоящего доклада была начата работа по поиску захоронения Анфилатова. В итоге после длительной работы по обследованию городских кладбищ и выявлению архивных документов было установлено, что могила полностью утрачена. Тем не менее в ходе переговоров с мэрией и священнослужителями Ильинского собора, расположенного на старом городском кладбище Архангельска, где был похоронен Анфилатов, было принято решение об установке памятной плиты, что и будет сделано летом 2026 г.

Е. Г. Молчанова

Иностранная торговля в Николаевске-на-Амуре в середине XIX в.: предприниматели и границы интеграции

Присоединение Приамурья к Российской империи в середине XIX в. поставило перед правительством сложную задачу освоения и заселения обширного региона. Российские власти, столкнувшись с отсутствием собственного торгового флота и неспособностью отечественных купцов обеспечить регулярные поставки товаров в необходимом объеме, вынуждены были привлечь иностранный капитал. Однако этот допуск был строго регламентированным и избирательным. Доступ в регион получили прежде всего американские и немецкие коммерсанты, тогда как английским и французским предпринимателям, то есть представителям государств, воевавших против России в Крымской войне (1853–1856 гг.), он был закрыт.

Николаевск-на-Амуре стал центром иностранной торговли в Приамурье. Основанный в 1850 г. как военный пост, он уже в 1855 г. выполнял функции главной военно-морской базы России на Тихом океане (силы сюда начали переводить из Петропавловска-Камчатского, пострадавшего от нападения англо-французской эскадры в 1854 г.). В 1856 г. город получил статус центра Приморской области.

Через Николаевск осуществлялось снабжение всех российских поселений, расположенных вверх по Амуру. Именно здесь иностранные предприниматели обосновались практически одновременно с русскими переселенцами, пользуясь режимом порто-франко, введенным в 1856 г. Однако уже на этом этапе обозначились «границы интеграции»: иностранные товары, ввозимые беспошлинно, не допускались к провозу во внутренние губернии России, включая Сибирь, а сама деятельность иностранных предпринимателей строго контролировалась властями.

Среди иностранных предпринимателей, занимавшихся торговлей в Николаевске во второй половине 1850-х годов, выделялись американские торговые дома «Бордмен и К°», «Карлтон энд Берлинг», «Пирс и К°», а также немецкие коммерсанты, представлявшие гамбургские фирмы «Годефроа и Сын» и «Пусто и К°». Имея значительный опыт торговли в бассейне Тихого океана и в странах Восточной Азии, они быстро адаптировались к местным условиям. В отличие от

российских купцов, вынужденных везти товары через Сибирь на лошадях (путь занимал многие месяцы, а стоимость перевозки была в четыре раза выше морской), иностранцы доставляли грузы морем из Сан-Франциско и портов Китая. В 1856 г. американский предприниматель П. М. Коллинз был назначен коммерческим агентом США на Амуре, что свидетельствовало о формализации иностранного присутствия в регионе. Однако «границы интеграции» оставались жесткими: коммерческий агент США не имел дипломатического статуса, а попытки учредить американское консульство в 1860 г. были отклонены. Правительство, поощряя торговлю, сознательно не допускало создания на Амуре иностранных консульств и иных официальных учреждений, видя в них потенциальный инструмент давления на российскую администрацию.

Помимо американских торговцев, российское правительство допускало на российский Дальний Восток и немецких предпринимателей. Наиболее яркой фигурой среди них был прусский подданный Фридрих Август Людорф, прибывший в 1856 г. как агент гамбургского торгового дома «Пусто и К°». В короткие сроки он создал собственное дело, организовав поставки товаров в амурские поселения. Людорф активно взаимодействовал с местными властями: выступал с инициативой открытия реки Сунгари для торговли с Маньчжурией, участвовал в строительстве пристаней и дорог, способствуя таким образом развитию инфраструктуры Николаевска.

Несмотря на активность иностранцев, масштабного расцвета торговли в Приамурье в рассматриваемый период не произошло. Существовал ряд объективных сдерживающих факторов: суровый климат и короткая навигация, мелководный Амурский лиман и малонаселенность региона. Решающую роль сыграл и запрет китайского правительства на торговлю по р. Сунгари, что делало невозможным выход на рынок Маньчжурии.

Таким образом, иностранные предприниматели играли важную роль в снабжении региона и его развитии, однако их деятельность строго регламентировалась в интересах сохранения российского контроля над новыми территориями. «Границы интеграции» проходили там, где начинались вопросы государственного верховенства и контроля над стратегическими ресурсами региона. Опыт Николаевска конца 1850-х гг. показал, что иностранный капитал может быть полезным инструментом освоения окраин, но лишь до тех пор, пока он остается под контролем администрации и не претендует на самостоятельное политическое влияние.

А. Р. Мустафин

Торговля солью в России в XVIII в.: последствия введения казенной монополии

В историографии утвердилось мнение, согласно которому введение в 1705 г. казенной монополии на торговлю солью создало для солепромышленников чрезвычайно невыгодные условия сбыта, что подталкивало их к сокращению добычи и закрытию варниц. Эта точка зрения во многом сформировалась под влиянием концепции П. Н. Милюкова, который критически оценивал реформы Петра I. Однако представленные им данные дают лишь фрагментарное и эпизодическое представление о состоянии отрасли. Между тем соль характеризуется неэластичным спросом: рост стоимости, как правило, не приводит к существенному снижению потребления. Имеющиеся сведения показывают, что после введения казенной монополии в последующие годы правления Петра I годовые продажи этого товара увеличились более чем в два раза, несмотря на рост цен. Кроме того, период свободной торговли (1728–1731 гг.) не продемонстрировал значительных успехов, тогда как сразу после ее отмены наблюдался стремительный рост показателей.

В середине столетия, однако, действительно наблюдался отраслевой кризис, особенно проявившийся на Русском Севере. Причины кризиса не могут быть сведены к локальным факторам, таким как демографические изменения или рост издержек, связанный с удорожанием дров. При этом поморская соль не могла утратить свои позиции на общероссийском рынке из-за внутренней конкуренции: доставка соли из других регионов (эльтонская, илецкая, пермская и др.) была сопряжена с высокими транспортными расходами. Более вероятным источником конкуренции стал импорт соли — испанской, португальской и французской. Этот факт парадоксален, поскольку Россия обладала огромными собственными запасами соли и в предшествующем столетии периодически ее экспортировала. Однако резкое повышение цен на российскую соль в годы правления Елизаветы Петровны сделало импорт этого товара достаточно рентабельным. Другая причина этого также связана с ценообразованием — умеренные пошлины на ввоз соли. Это относится даже к тарифам 1724 и 1757 гг., которые традиционно характеризуются как протекционистские. В результате в структу-

ре российского импорта в середине XVIII столетия соль вышла на одно из ведущих мест, уступая по стоимости лишь текстилю, алкоголю и сахару. Причем наиболее уязвимыми от ввоза зарубежной соли оказались приморские и прилегающие к ним регионы (в том числе Русский Север). На остальной территории торговля иностранной солью была сопряжена с высокими издержками ее провоза. По этой причине импорт не представлял существенной угрозы для производителей, к примеру, пермской и эльтонской соли.

Впоследствии цены были существенно снижены Екатериной II, вероятнее всего, по социально-политическим мотивам. К концу ее правления из-за низких цен соляная монополия стала убыточной для казны. Однако фактически это был демпинг, из-за которого импорт соли стал менее рентабельным. Кроме того, тариф 1766 г. заметно повысил пошлины на ввоз в страну этого товара. Все это объясняет существенное снижение импорта соли в период правления Екатерины II.

Следует также заметить, что имеющиеся в нашем распоряжении источники (приходо-расходные книги) показывают, что как в период правления Елизаветы Петровны, так и Екатерины II соль действительно продавалась по «указным» ценам. Причем цена не изменялась ни в связи с сезоном, ни в связи с происхождением товара (пермская, илецкая, эльтонская и т. д.). Поэтому сведения о ценах на соль этого периода могут служить надежным датирующим признаком.

М. Т. Накишова

Полицеймейстерская канцелярия, социальное дисциплинирование и регулирование торговой деятельности в петровском Санкт-Петербурге *

Учрежденная в Санкт-Петербурге в 1718 г. должность генерал-полицеймейстера и образованная под его руководством Полицеймейстерская канцелярия рассматривались Петром I в качестве ключевых государственных институций, отвечавших за благоустройство городских территорий и социальную дисциплину. Столичная полиция была призвана наиболее эффективно проводить в жизнь дисциплинирующие постановления и регламентации, направленные на коренные изменения в облике, взглядах и поведении людей, рационализацию общественной жизни и удовлетворение первичных потребностей горожан.

Первоначальные функции ведомства были определены в «Пунктах, данных С. Петербургскому генерал-полицимейстеру 1718 г., майя, 25». Согласно должностной инструкции в сферу компетенции А. М. Девиера, назначенного на этот государственный пост двумя днями позже, входил широкий круг управленческих задач, включавший контроль за строительством домов и застройкой улиц, обеспечение порядка и безопасности в городе, противодействие пожарам и т. д. Особой задачей петровской полиции являлся надзор за торговой деятельностью населения в столице. Генерал-полицеймейстеру полагалось следить за продажей продуктов, их качеством и справедливым ценообразованием; держать под контролем систему мер и весов; проверять чистоту рынков и организовывать их строительство сообразно разработанным архитекторами нормам; искоренять подозрительные места, шинки и постоялые дома, поддерживать в них безопасность; регламентировать процесс ввоза и вывоза товаров в Санкт-Петербург. Со временем происходило уточнение функций полиции и разведение сферы ее компетенции с другими государственными органами, в том числе с санкт-петербургской таможней и Главным магистратом, созданным в 1720 г.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-01004, https://rscf.ru/project/25-18-01004.

В рамках настоящего доклада предполагается рассмотреть деятельность Санкт-Петербургской полицеймейстерской канцелярии по регламентированию торговли и благоустройству торговых пространств в столице. На основе нескольких источниковых комплексов (полицеймейстерского, сенатского и кабинетного делопроизводства), сохранившихся в Российском государственном архиве древних актов и Российском государственном историческом архиве, планируется реконструировать круг задач, доверенных полиции Петром I, и особенности их практической реализации. Помимо прочего, в качестве наиболее показательных примеров функционирования полицеймейстерского ведомства, будут проанализированы ключевые проекты, проводившиеся под руководством А. М. Девиера на рубеже 1710–1720-х годов.

Во-первых, предполагается системно рассмотреть комплекс мероприятий по строительству нового Мытного двора в Санкт-Петербурге в 1719 г. Данный сюжет примечателен тем, что Полицеймейстерская канцелярия не только контролировала соблюдение регламентаций по мере проектирования и строительства комплекса, но и осуществляла множество других управленческих операций: от поиска подрядчиков и доставки необходимых материалов до создания чертежей и распределения государственных средств. Поскольку строительство Мытного двора являлось государственным заказом, ведомству А. М. Девиера приходилось тесно взаимодействовать с Кабинетом и Камер-коллегией, под чей надзор в дальнейшем переходил объект.

Во-вторых, планируется изучить деятельность полиции в рамках процесса государственного регулирования ввоза продовольствия и строительных материалов в Санкт-Петербург, осуществлявшемуся совместно с генерал-губернатором, светлейшим князем А. Д. Меншиковым. На основе материалов частной корреспонденции будут прослежены шаги, предпринимавшиеся Полицеймейстерской канцелярией, по созданию в Санкт-Петербургской губернии сети караулов, призванных установить «сколько обозов и в них возов с купеческими товарами и к здешним жителем с припасами в Питербурх чрез всю нынешнею зиму пройдет». Помимо этого, будут исследованы инициативы А. М. Девиера, касающиеся возможности использования староманерных судов (карбасов) для переправки товаров в столицу, несмотря на череду запретительных указов Петра I.

Я. В. Осипова

Контрабандный провоз товаров на Троицкой пограничной таможне конца 50-х — начала 60-х гг. XIX в.

Троицкая пограничная таможня была учреждена во второй половине XVIII в. для взимания пошлин и контроля за торговлей с азиатскими государствами. В литературе имеются наработки по организационной, кадровой, правовой составляющей функционирования таможни, однако достаточно сложным является вопрос об объемах, участниках контрабандного провоза товаров.

Представить целостную картину в силу целого ряда объективных причин не представляется возможным, однако на материале сохранившихся в фондах Объединенного государственного архива Челябинской области ведомостей по учету дел о конфискации товара можно проанализировать данные по предмету, объему, стоимости, участникам и географии выявления контрабанды. Доступны материалы по оконченным делам с октября 1848 по декабрь 1855 г. (ОГАЧО. Ф. И-28. Оп. 1. Д. 510).

Предметом выявленной контрабанды выступали: соль, кожи, чай, сальные свечи. Преобладающее количество эпизодов было связано с попытками незаконного провоза именно соли (89 %). За рассматриваемый период было изъято 5808 пудов 34 фунта соли (более 95 т) общей оценочной стоимостью 453 руб. 7 коп. Принимая во внимание то, что выявленная контрабанда отражает только часть незаконно провозимого товара, а также то, что в ведомости зафиксированы только оконченные дела, можно предположить, что тайная торговля на территории Оренбургского таможенного округа была масштабной.

Размер контрабанды по отдельным эпизодам существенно варьировался: задерживали от 3 до 1992 пудов соли. Что касается остальных товаров, то они за рассматриваемый период фигурировали редко. Так, чай — единожды: одно место за 91 руб. 90 коп.. Кожи и сальные свечи — по два эпизода на общую сумму 89 руб. 30 коп.

Контрабандистами выступали казахи, казаки, казанские татары, мещане. Документы демонстрируют, что в большинстве случаев незаконно провозили товар казаки Оренбургского казачьего войска (17 эпизодов из 35), в два раза реже ловили казахов. Отмечены случаи участия в перевозке соли казанских татар (2 эпизода) и мещан (3 эпизода).

Часто установить собственников контрабандного товара не удавалось, так как схроны обнаруживались в степи.

Участие казаков примечательно, так как они же должны были оказывать содействие работе таможенников. В графе «кем задержан товар» они упоминаются в половине случаев, а также выступают в роли доносчиков. Привлечение иррегулярных команд было необходимо в силу протяженности и «прозрачности» пограничной линии, нехватки служащих.

Из штатных работников таможни самыми активными в выявлении контрабанды оказывались объездчики (Аристов, Чикулин, Зуев и др.). Часто упоминались надзиратель Сазонов, помощник надзирателя Свирепкин. Управляющий таможни Есипович отмечен в двух эпизодах, связанных с контрабандой казанского татарина Халитова. Согласно постановлениям, должна была быть материальная мотивация к выявлению контрабанды. Так, из денег, вырученных от продажи конфискованных товаров и штрафов, 50 % отдавалось поимщикам, 10 % шло на пенсии таможенным чиновникам, 10 % — для пострадавших на таможенной службе и 30 % — в капитал Департамента внешней торговли.

Решения по делам сводились к конфискации и продаже товара с публичного торга. В 1847 г. были изданы дополнительные «Постановления об усилении взысканий за провоз контрабандных товаров по Сибирской и Оренбургской линиям». В них подчеркивалось, что при обнаружении запрещенных товаров они конфискуются, а на их владельца накладывается денежный штраф в размере 50 % от их стоимости. Товары, разрешенные к привозу, но задержанные при попытке их тайного ввоза на территорию России, также конфисковались, а с их хозяина взыскивалась положенная по тарифу пошлина.

Контрабандисты лишались товара и должны были выплатить пошлину. Однако большинство дел было остановлено как раз «за невзысканием» данной платы. Причиной являлась «несостоятельность» задержанных. Таможня регулярно писала в инстанции, в ведомстве которых находились контрабандисты: правлению Оренбургского казачьего войска, в Челябинский земский суд, начальнику двадцатой киргизской дистанции, в Троицкое правление. Однако выплаты производились редко.

Ведомости содержат информацию о местах обнаружения контрабандных товаров. В обозначенный период чаще всего товар фиксировали на «заграничной стороне», на зимних кочевьях казахов, а также в Усть-Уйской станице. В 4 из 35 эпизодов незаконный товар был выявлен в Троицке, упоминаются Кочердыкский острог, Озерный отряд, Верхнеуральская и Степная станицы.

Анализ материалов архивных источников позволяет говорить о том, что основным контрабандным товаром на Троицкой пограничной таможне 50–60-х гг. XIX в. выступала соль, заводимая из киргизских кочевий. Активными участниками тайной торговли и помощниками таможенных служащих являлись представители казачьего сословия. Полученные данные согласуются с контекстом периода: скорым признанием действующего соляного законодательства неэффективным, упразднением в 1868 г. самой Троицкой таможни.

Т. В. Павлина

На рубеже веков, в преддверии отмены: Собская застава в 1701 г.

Возрождение в обществе интереса к северным путям, соединяющим Европу и Азию, дает весомый повод обратиться к историческому опыту их использования на евразийском континенте. Печорский «чрезкаменный» путь, издавна соединявший жителей Восточно-Европейской равнины с Северной Азией, занимает среди них особое место. С возрастанием с XVI в. европейского спроса на сибирские меха он находился в центре внимания торгово-промышленных кругов и правительства России, заинтересованного в пополнении казны за счет пушных богатств Зауралья. С этой целью на территории Сибири по мере продвижения на восток создается цепь таможен и специальных застав на выходах в европейскую часть страны, что позволило властям поставить под контроль процесс перемещения лиц и товаров через Урал.

Собская застава, открытая в числе первых на Печорском «чрезкаменном» пути и функционировавшая до (и после) его официального закрытия в 1704 г., заслуживает в этой связи особого внимания. Значение заставы определялось ее расположением в устье реки Собь — левого притока Оби, которое позволяло отслеживать и облагать государевой пошлиной людские и товарные потоки, идущие через Урал с разных направлений Сибири. В документах XVII в. Собская застава фигурирует наряду с верхотурской таможней в качестве главных ворот в Сибирь.

Заставе уделили внимание исследователи разных поколений отечественной науки, обогатив ее рядом ценных наблюдений о специфике и организационных основах деятельности учреждения. Вместе с тем, целый круг вопросов, касающихся разных периодов ее истории, остается неисследованным. Значительно уступает по степени изученности предыдущим периодам завершающий этап деятельности Собской заставы, последнее пятилетие ее официального существования на рубеже XVII–XVIII вв. Он дает наглядный материал не только для оценки текущего состояния дел в учреждении, но и для уяснения сути и последствий реформы по унификации таможенной системы Сибири в 1687–1698 гг. Обращение к данному этапу помогает понять мотивы

судьбоносного для заставы решения Петра I о запрете на использование Печорского «чрезкаменного» пути.

В работе мы частично восполним имеющийся пробел, привлекая таможенную книгу Собской заставы 1701 г. из фонда Сибирского приказа Российского государственного архива древних актов. Проведенный анализ показал, что деятельность Собской заставы в 1701 г. исчерпывалась тремя днями. Непродолжительный (даже по меркам сезонного, летнего режима работы заставы) срок можно объяснить как ужесточением требований к порядку проведения таможенного контроля нормами 1698 г. (ранее купцы жаловались на долгие задержки на заставе), так и существенными количественными и качественными изменениями объектов таможенного контроля.

Число лиц, проследовавших через Собскую заставу, снизилось в 1701 г. по сравнению с 1695-м более чем в 7 раз, с 40-ми гг. — более чем в 20 раз. Отрицательная динамика связана с истощением соболиных промыслов, удешевлением товаропотока вследствие запрета правительства на торговлю соболями и чернобурыми лисами, что снижало заинтересованность русских купцов в сибирской торговле.

Только четверть из общего числа зарегистрированных в таможенной книге 1701 г. лиц явились на Собскую заставу с торговыми целями. Данные о предъявленных ими товарах указывают на преобладание в структуре вывоза на Русь из Сибири менее ценных мехов (белка, заяц, песец).

В связи с отменой нормами 1698 г. процедуры двойного обложения сделок более 90 % предъявленных на Соби товарных партий, купленных владельцами в сибирских городах на товарные платежные деньги, повторно пошлиной на заставе не облагались и прибыли в ее казну не принесли. Из трех видов поступлений наибольший доход казне в 1701 г. принесли годовой оброк за промыслы в Сибири и сбор с суден (59,5 % и 35,7 %), а не таможенная «десятая» пошлина (4,8 %), уплата которой на заставе производилась единственный раз.

Именно этой пошлине отводилась правительством особая роль — покрывать издержки по денежному содержанию сибирских служилых людей. Незначительные поступления «десятой» пошлины и иных сборов на Собской заставе не могли гарантировать к началу XVIII в. ее выполнения. Сумма, необходимая для выплаты жалованья стрельцам, привлекавшимся для обеспечения деятельности заставы, в 15 раз превышала поступления в казну от ее деятельности.

Логичным решением властей в данной ситуации было закрытие неэффективного с экономической точки зрения учреждения, тем более, что приоритеты сибирской и, в целом, российской торговли к началу

XVIII в. изменились в сторону связей с Китаем, а значит, и более удобных для этого южных путей через Урал. Однако последовавший в 1704 г. запрет на использование Печорского «чрезкаменного» пути не был однозначно воспринят представителями торговых кругов Поморья и неоднократно нарушался на протяжении первых десятилетий XVIII в. Изучение данной ситуации на материалах таможенных учреждений севера европейской части России видится как перспективное продолжение настоящего исследования.

А. И. Раздорский

Торговые связи Екатеринбурга по данным таможенных выписей екатеринбургской таможни 1740–1741 гг.

Основными массовыми источниками по истории торговли, купечества и таможенного дела России XVII — середины XVIII в. являются, как известно, таможенные книги. Однако эти документы сохранились крайне неравномерно. По многим городам они либо вообще отсутствуют, либо сохранились в незначительном количестве. Полное или частичное отсутствие таможенных книг хотя бы отчасти могут компенсировать другие источники, среди которых особое место занимают таможенные выписи. В этих документах имеются персональные данные о торговцах, составе товарных партий, пунктах их покупки и отправки, сведения об уплате таможенных пошлин.

В полной мере компенсировать отсутствие таможенных книг, в которых все совершавшиеся в течение года таможенные операции фиксировались системным образом, таможенные выписи, разумеется, не могут. Но вместе с тем эти документы дают возможность хотя бы в самом фрагментарном и отрывочном виде составить представление о торговых связях тех или иных городов, об ассортименте товаров, поступавших на региональные рынки и скупавшиеся на них для отправки в другие места. Сведения о торговцах, имеющиеся в выписях, могут быть использованы для изучения персонального и социального состава столичного и провинциального купечества. В этих документах приведены также имена должностных лиц, несших службу в таможнях — голов и бурмистров, ларечных и рядовых целовальников, таможенных комиссаров и канцеляристов.

Есть основания полагать, что в более или менее крупных таможнях выдавалось и получалось по нескольку сотен выписей в год (в крупнейших, видимо, по нескольку тысяч), в небольших таможнях счет таких документов шел на десятки. Подавляющее большинство выписей до нашего времени не дошло. Наиболее значительным собранием этих источников располагает Российский государственный архив древних актов (РГАДА), в котором выявлено около 1 тыс. архивных дел, содержащих выписи по 387 таможням и таможенным заставам. Количество выписей в архивных делах весьма вариабельно и колеблется от одной до нескольких сотен.

Среди массива таможенных выписей, хранящихся в РГАДА, особо выделяется своей многочисленностью группа документов за 1740 и 1741 гг. Большинство этих выписей ранее входило в состав ныне расформированного фонда № 2600 («Таможенного сборного»), который был создан в результате расфондирования коллекции «Дел с известным титулом», образовавшейся, в свою очередь, в первой половине XVIII в. после изъятия правительством императрицы Елизаветы Петровны из канцелярий центральных и местных учреждений всех документов, в которых упоминался титул свергнутого с трона в ноябре 1741 г. царя-младенца Ивана Антоновича.

В 829-м фонде РГАДА («Таможни и кружечные дворы») имеются два дела, в которых находятся выписи екатеринбургской таможни (в д. 469 — 32 выписи, в д. 470 — 4). Десять выписей выданы в декабре 1740 г., 21 — в 1741 г. и одна — в январе 1742 г. Во всех выписях за 1740–1741 гг. (за единственным исключением) приведены титул и имя «императора Иоанна Третьего» (то есть Ивана Антоновича), благодаря чему в первую очередь данные документы и сохранились до наших дней (в единственной дошедшей выписи за 1742 г. значится уже императрица Елизавета Петровна). Выписи содержат сведения, относящиеся к торговой жизни Екатеринбурга на исходе второго десятилетия существования этого города, основанного в 1723 г., что придает им во многом уникальный характер.

В 35 выписях зафиксирован отпуск товаров и / или денежных сумм, вырученных за продажу товаров или предназначенных для их покупки, из екатеринбургской таможни. Одна выпись была выдана торговцу скотом в таможне Невьянской слободы, подведомственной екатеринбургской (об этом свидетельствует тот факт, что данный документ скреплен именно ее печатью).

Большинство из сохранившихся выписей (21) выдано торговцам, направлявшимся из Екатеринбурга в «тобольского, верхотурского и екатеринбургского ведомств в остроги и слободы» (в шести выписях помимо перечисленных «ведомств» добавлено еще одно — «исетское»). В трех выписях из этого числа помимо «острогов и слобод» в качестве пункта назначения указана также Ирбитская ярмарка и еще в одной — Невьянские заводы. В девяти выписях зафиксирован отпуск товаров и денег из Екатеринбурга в Тобольск, в двух — на Ирбитскую ярмарку, в одной — в «русские города» (то есть в европейскую часть страны) через Верхотурье. В одной выписи (невьянской таможни) пункт назначения не обозначен и еще в двух остался неизвестным из-за утрат текста.

Владельцами товарных партий и денежных сумм, отправлявшихся из Екатеринбурга в разные места, являлись как местные жители, так и иногородние торговцы. При этом зачастую товары или деньги от-

правлялась не самим владельцем, а его доверенным лицом. Это мог быть агент купца, именуемый в документах «приказчиком» или «работником», а также родственник или земляк торгового человека. Иногда выпись выдавалась «работнику работника». Местожительство владельцев товарных и денежных партий и их агентов в одних случаях совпадало, в других нет. Иногда товарная партия, отправленная по одной выписи, носила сложносоставной характер и включала нескольких частей, принадлежавших разным торговцам.

Из владельцев товарных и денежных партий в выписях екатеринбургской таможни помимо екатеринбуржцев и жителей уральских заводов упоминаются жители Москвы (среди них купец 1-й гильдии Семен Павлов сын Волосной), Балахны, Городца, Романова и Борисоглебской слободы, Тулы, Болхова, Сарапула, Верхотурья, Тобольска и Тары.

Состав товарных партий, упоминаемых в выписях екатеринбургской таможни, весьма разнообразен. Несмотря на скромную репрезентативность данного источникового комплекса на его основе можно, тем не менее, проследить определенную специализацию ассортимента товарных потоков, двигавшихся в начале 1740-х годов через Екатеринбург. Так, в уральские остроги и слободы отправлялась в основном привозная продукция мануфактурного и ремесленного производства: отечественные и импортные ткани разных сортов, предметы одежды и обуви, металлические изделия, галантерея, писчая бумага, краска, химические вещества. Не последнее место в товарном отпуске из Екатеринбурга в окрестные населенные пункты занимали пряники, причем таможенные выписи фиксируют наличие в рассматриваемое время в городе местного домашнего пряничного производства, для которого специально привозился мед (в том числе с Ирбитской ярмарки). В Тобольск через Екатеринбург отправлялся черкасский табак, воск, кожи. Отмечена поставка в центр Сибирской губернии, к которой тогда территориально относился Екатеринбург, довольно крупной партии медной посуды и медных же колоколов, скупленных на Невьянском заводе Акинфия Демидова. На Ирбитскую ярмарку через екатеринбургскую таможню отправлялись кожи и башкирские бобровые меха, в города европейской России — китайская фарфоровая посуда.

В целом выписи екатеринбургской таможни свидетельствуют о том, что Екатеринбург уже к началу 40-х годов XVIII в. превратился в довольно значительный торгово-распределительный центр, рыночные связи которого распространялись не только на прилегающую округу, но и на весьма удаленные от него регионы, в том числе европейской части России.

Д. А. Редин

Русский экспорт металла глазами уральских заводовладельцев. 1763 г. *

Хотелось бы начать доклад с двух исходных тезисов.

Первый. Общеизвестно, что к середине XVIII в. Россия стала лидером на европейском рынке металлов. В первую очередь это касалось русского железа, главным потребителем которого стала Великобритания. Более того, общий баланс русско-британской торговли в течение всего XVIII в., а особенно с середины столетия, был в пользу России, благодаря чему казна получала значительный доход. Стремительный рост отечественного металлоэкспорта, как правило, вызывает положительные оценки в нашей историографии, иногда граничащие с восторгом. В свою очередь, на основании русско-британского торгового договора 1734 г. и указов 1746 и 1759 гг., Великобритания продолжала удерживать статус «наиболее благоприятствуемой нации», а британские негоцианты к середине столетия обладали почти монопольным положением во внешней торговле с Россией, что компенсировало пассивный баланс в торговле с ней. Такого рода отношения устраивали обе стороны, что также фиксируется в историографии.

Второй. В результате двух волн приватизаций 1730-х и 1740-х — 1750-х гг. и инициативы ряда крупных промышленников по строительству новых заводов, подавляющая часть металлургических предприятий была негосударственной. При этом во второй половине XVIII в. в России большая часть металлургических предприятий располагалось на Урале. Уже к 1763 г. там действовали 73 завода (51 доменный и молотовой, 12 — дававших кроме железа и медь) против 54 чугуноплитейных и железоделательных заводов в европейской России. Но дело даже не в количестве: уральские заводы были гораздо мощнее. Таким образом, русская горнометаллургическая промышленность второй половины XVIII в. была, по преимуществу, частной и уральской.

* Тезисы подготовлены при поддержке гранта РНФ, проект № 24-18-00080 «Антропология горнозаводского центра: социальная стратификация раннего Екатеринбурга в 1723–1781 гг.»).

Тем значительнее, при исследовании состояния русской внешней торговли железом того времени, оказывается ее оценка крупнейшими уральскими владельцами горнометаллургических предприятий.

С их мнениями относительно обозначенного предмета можно ознакомиться благодаря так называемым «изъяснениям», поданным в 1763 г. в межведомственную комиссию Берг-, Мануфактур-коллегий и Главного магистрата, созданную по инициативе Екатерины II для ознакомления с состоянием дел в промышленности и торговле. Наиболее информативные, содержательные, включавшие аргументированную критику промышленной политики короны и, вместе с тем, представлявшие своего рода программу развития частного металлургического производства в России, принадлежали перу Н. А. Демидова, его племянников А. Г., П. Г. и Пав. Г. Демидовых, А. Ф. Турчанинова и И. Б. Твердышева. Сравнительное изучение текстов их «изъяснений» позволяет говорить, что эти магнаты, имея в виду собственные интересы, тесно сотрудничали в процессе написания документов, которые по некоторым вопросам совпадают текстуально. Таким образом, письменные соображения этих заводчиков можно считать их консолидированной позицией. Несмотря на очевидную источниковую ценность, названные тексты оказались на периферии историографии. Самую общую характеристику истории их возникновения и содержания в 1962 г. дал Н. И. Павленко в известной монографии «История металлургии в России XVIII в.». Специальную статью с подробным изложением позиций названных уральских промышленников опубликовал в 2001 г. в 4-м выпуске «Проблем истории России» автор этих строк. На этом, пожалуй, обращение к данному источнику завершилось, хотя отдельные сюжеты на их основе становились содержанием докладов, читанных мною на нескольких конференциях в 2010-х и 2020-х годах.

Если тезисно обозначить оценки авторов уральских «изъяснений» состояния русского металлоэкспорта, то они сводились к следующему: русские производители металла и металлоизделий оказываются на внешнем рынке в крайне невыгодном положении и постоянно находятся в ситуации упущенной выгоды из-за того, что хозяевами ценообразования на этот товар оказываются английские коммерсанты. По мнению заводовладельцев, монопольное положение англичан (сегодня мы назвали бы это «эффектом единственного покупателя», монопсонией), позволяло им покупать русское железо «за такую нискую цену, какую они постановить захотят». При этом заводовладельцы не имели возможности ничего им противопоставить из-за угрозы неликвидности своего товара и риска перепроизводства. Выходом из ситуации заводчикам виделось учреждение специального казенного заводского банка, который прини-

мал бы нереализованный металл в обеспечение беспроцентной или низкопроцентной ссуды. Полученные деньги можно было бы вкладывать в дальнейшее производство, а продажу уже готового и отгруженного железа задерживать до тех пор, пока покупатель не будет готов дать за него приемлемую цену. Из полученной прибыли подразумевалось погашать банковскую задолженность.

В этой части «изъяснений» ясно усматривается одна из слабых сторон русской экономики того времени: отсутствие национальной системы кредитования, острая нехватка наличности, наносившая ущерб не только крупным торговым операциям, но и развитию производства. Но приведенный эпизод позволяет сделать выводы и более широкого характера. Несомненной проблемой внешней торговли оказывалось отсутствие собственного торгового флота, сети торговых представительств и торговых компаний за рубежом. Хотя по существовавшим договоренностям русские купцы могли пользоваться в Британии такими же привилегиями, как британские в России, на практике этого не происходило. Становится очевидным и другое: интересы государства и интересы частного капитала в организации внешней торговли России не совпадали. Российскую корону вполне устраивало текущее положение дел. Наличие гарантированного и платежеспособного партнера в лице Великобритании и активный внешнеторговый баланс обеспечивали поступление средств в казну. Центральную власть, похоже, не трогали проблемы непосредственного национального производителя экспортоориентированной и высоколиквидной продукции. Фискальный интерес, как это часто бывало, брал верх над соображениями о необходимости принятия мер по поддержке частного сектора в экономике. Эти обстоятельства необходимо учитывать при современных исследованиях по истории экономики Российской империи XVIII в. и, в частности, истории регулирования внешней торговли.

М. И. Роднов

Смена хлеботорговых путей на Южном Урале во второй четверти XIX в.

Возникновение в начале XVIII в. крупнейшего Уральского горнопромышленного района, возведение сотен заводов и различных индустриальных предприятий неизбежно потребовало создания продовольственной базы. Огромное промышленное население требовалось кормить. В Зауралье таким продовольственным центром стала Исетская провинция, Челябинск, Шадринск, другие города, крепости и села снабжали продуктами восточные заводы (район Екатеринбурга – Нижнего Тагила, др.). На западе, в Прикамье, хлеб и прочие припасы поступали из южной части Пермского края, района Кунгура. На основной части Пермской губернии сельское хозяйство из-за сложных климатических условий оставалось малопроизводительным.

На Южном Урале проблему снабжения рабочих поселков владельцы решали за счет создания собственной продовольственной базы. Покупались земли, где селили крепостных, основным занятием которых становились поставки хлеба, мяса и т. д. на свои предприятия (компания Твердышевых, Симские заводы, пр.).

С другой стороны, крестьяне северной части Оренбургской губернии (Уфимский, Бирский, Троицкий уезды) продавали урожай своих полей купцам, которые гужевыми трактами везли зимой хлеб на север, в район Кунгура, где по весне товар грузился на пристанях Сылвы и Чусовой и сплавлялся на заводы. Одним из таких центров поставки хлеба на север был Бирск.

Ситуация принципиально изменилась на рубеже 1820–1830-х годов. В 1823 г. французский механик Пуадебар изобретает кабестан, коноводное судно, которое шло вверх по течению, подтягиваясь к заброшенным якорям. По данным Казанской судоходной дистанции за 1820 и 1822 гг. с долины реки Белой с притоками вверх по Волге мимо Казани, где регистрировались все проплывавшие суда, не прошло ни одного судна с хлебом. Вверх по Волге грузы поднимались исключительно бурлацкой тягой, барки двигались вблизи берегов, почему имели небольшую осадку и, соответственно, небольшую грузоподъемность. Перевозка массовых дешевых (зерно) грузов на небольших баржах за бурлаками была нерентабельной.

Кабестан же шел по фарватеру, по глубине, и брал на буксир барки большого тоннажа. С 1830-х годов с пристаней долины Белой началась массовая поставка хлеба на верхнюю Волгу, в Рыбинск. В Уфе и Бирске резко вырастает численность купечества, статистика фиксирует вывоз больших масс зерна и муки. Кунгурские купцы, что ранее отправляли хлеб гужом из Бирска в Кунгур, переключаются на речную торговлю. Отгрузка хлебных грузов на уральские заводы, дорогая и долгая, становится маловыгодной. Хлеб Южного Приуралья вместо Урала теперь вывозился на верхнюю Волгу, в Петербург и далее заграницу, где цены стояли выше.

Изменения затронули все территории, прилегающие к судоходным рекам Белой и Уфимке. На последней важным центром хлебной торговли стало русское село Метели в устье реки Ай, притока Уфимки. Это была единственная пристань, куда через понижение Месягутовской лесостепи выходили гужевые тракты через Уральские горы. К началу 1840-х годов в Метели шли поставки зерна из Троицкого, Челябинского, Курганского, Шадринского уездов, весь хлеб грузили в построенные здесь же барки и сплавляли вниз по течению.

В устье Камы баржи с зерном брали на буксир кабестаны и поднимали вверх по Волге до Рыбинска, главной хлебной пристани, откуда грузы по Мариинской системе шли в Петербург, на русский север, в Москву, Ригу и т. д.

Появление кабестанов принципиально изменило ситуацию со снабжением Уральского промышленного района, который теперь целиком зависел от поставок из Зауралья и Западной Сибири, уезды к западу от Уральских гор переключились на волжский хлебный рынок.

Т. Е. Санжиева

Купечество Западного Забайкалья во второй половине XVIII — первой половине XIX в.

Стремительное развитие торговли на отдаленной национальной периферии в XVIII в. вызвала русско-китайская торговля в Кяхте, ставшая основным катализатором социально-экономического развития края, основу финансов которого составил торговый капитал.

Основными торговыми центрами были города Кяхта, Верхнеудинск, Селенгинск, Баргузин и Ильинский острог. Как свидетельствуют материалы «Краткой энциклопедии по истории купечества и коммерции Сибири» (1994–1999) больше всего купцов в 1767 г. было в Селенгинске — 1215 чел. В 1780 г. в Верхнеудинске было 398 купцов, Кяхте — около 100, Баргузине — 56. Кроме купцов в торговле принимали участие мещане и цеховые. В 1828 г. в населении Верхнеудинска купцы составляли 5,4 %, в 1840 г. их доля снизилась до 3,1 %, что было связано с ростом населения других сословий. В Баргузине 13,3 % от всех жителей (367 чел.) составляли купцы, имевшие 2-ю и 3-ю гильдию.

Международным центром торговли была Кяхта, где после 1769 г. появились купцы и их приказчики Московской, Тульской, Архангельской, Вологодской, Тобольской и Иркутской компаний, торговавшие пушниной. Местные купцы, торговавшие с Китаем, смогли заработать крупные капиталы в начале XIX в., до этого в Кяхте не было купцов 1-й гильдии. После 1808 г., когда разрешение на торговлю с Китаем получили только купцы 1-й гильдии, начался переход в эту гильдию. Кяхтинский купец 3-й гильдии с капиталом 2050 руб. А. Н. Кожин вышел из мещан Троицкосавска и к 1802 г. стал самым богатым в Кяхте купцом 2-й гильдии. В 1808 он становится купцом 1-й гильдии с объявленным капиталом более 50 тыс. руб. За служение Отечеству в области торговли Кожин получил от императора Александра I медаль с лентами и золотой перстень с бриллиантами.

В 1816 г. самыми крупными купцами были Баснины и Крюковы. Купцы 1-й гильдии братья Баснины вели оптовую торговлю с Китаем, меняя меха, российское и европейское сукно на шелковые ткани, посуду, чай и украшения. В 1834 г. они получили звание потомственных почетных граждан. Основу богатства Крюковых, занимаясь торговлей с китайцами, создал Н. И. Крюков, который в 1760-е годы состоял во

2-й гильдии. М. А. Крюков 1813–1818 гг. был купцом 1-й гильдии с капиталом в 50 тыс. руб., отправлял караваны китайских товаров на сибирские и российские ярмарки.

Верхнеудинск занимал стратегическое положение, через него проходил Московский тракт и дорога в Кяхту. Активность внутренней торговли вызвало открытие здесь в 1780 г. ярмарки. Формирование купеческого сословия в Верхнеудинске началось в первой половине XVIII в., создавшее купеческие династии Мордовских, Байбородиных, Похолковых, Титовых и др. Судя по объявленному капиталу в конце XVIII в., купечество было небогатым, состоя в 3-й, реже во 2-й гильдии. Одним из самых состоятельных купцов начала XIX в. были Я. А. Титов — купец 1-й гильдии, который в 1810 г. объявил капитал в 80 тыс. руб., его брат Яков Андриянович в 1786 г. был купцом 1-й гильдии с капиталом в 50 тыс. руб. Все они основной капитал сделали на русско-китайской торговле.

Город Селенгинск в начале XVIII в. был крупным пограничным городом Забайкалья, а также перевалочным и торгово-складочным пунктом для торговли с Китаем и Монголией. Особенностью города являлись цеховые, которые переходили в купцы. С развитием Кяхты его торговое значение утратилось, осталась местная торговля, в которой участвовали купцы и мещане. Фабричный товар привозили из Иркутска, у местных жителей скупали их продукцию.

Уездный город Баргузин был центром торговли пушниной, которую вывозили в Китай. До начала золотодобычи город был небольшим, всего с тремя купцами. Один раз в неделю здесь проводились «съезды», на которых местные крестьяне торговали продовольствием, регулярные ярмарки открылись с 1812 г.

Важным торговым центром стал Ильинский острог, находившийся на торговом пути по р. Селенге и Московском тракте. Хозяйственный уровень Ильинского острога позволял мещанам вести торговлю. Купцы и мещане вели не только торговлю, но занимались ремеслом, сельским хозяйством и извозом. Здесь возникли торговые династии Бурдуковых, Кандаковых, Мордовских и др. К концу XVIII в. в связи с причислением купцов к горожанам начался переход в купеческое сословие в Верхнеудинск или Кяхту. Переход из купцов в мещане и из мещан в купцы был обычной практикой, связанной с финансовым состоянием человека. Обедневший купец становился торгующим мещанином.

Помимо торговых операций купцы занимались ремеслом: у них были мастерские по изготовлению окон, лодок, ювелирные, портновские, по переплетным делам, они владели мельницами и кузницами.

Самым популярным в регионе было кожевенное производство. В XVIII в. купцы занимались выделкой и продажей кож, к началу XIX в. у них появляются заводы. Купец 3-й гильдии Д. И. Ворошилов в 1811 г. имел два кожевенных завода в Селенгинске. Селенгинский, затем верхнеудинский купец 3-й гильдии К. Курбатов имел стеклоделательный завод. Купцы занимались солеварением, сельским хозяйством, ростовщичеством, новым занятием в середине XIX в. стал поиск золота.

Среди местных купцов, занимавшихся торговлей в Кяхте, в первой половине XIX в. стало популярным посредничество между российскими и китайскими торговцами. Кяхтинский купец 1-й гильдии потомственный почетный гражданин А. А. Кузнецов в 1852 г. перешел в 3-ю гильдию и стал управлять делами в Кяхте тульского, тобольских, семипалатинского, енисейского, московского купцов, став комиссионером.

В Западном Забайкалье с объявлением свободной торговли в Кяхте в 1762 г. торговля развивалась как предпринимательская, что стало одной из особенностей экономического развития края. Русско-китайская торговля увеличила число крупных купцов, но большинство не были богатыми, занимаясь мелкой торговлей внутри региона. Внутренняя торговля оставалась слаборазвитой из-за ограниченности рынка и изолированности от основных торговых центров страны.

А. М. Сафронова

К истории поступления первых партий лекарств на казенные заводы Урала (1720–1734 гг.)

В 1722 г. берет свое начало история развития медицины на горнозаводском Урале и одним из важных вопросов ее организации является обеспечение населения лекарствами. Все они поступали на Урал из Москвы, лишь одна небольшая партия в 1725 г. была приобретена В. И. Генниным для своей команды в Главной аптеке столицы. В архивных делах, за редким исключением, отсутствуют перечни заказанных лекарств, но документы позволяют нам установить порядок оформления и обстоятельства заказа конкретных партий: личность заказчика, аптеку, которая готовила лекарства, дату заказа или получения лекарств, пути их доставки на Урал, время прибытия, учреждение, принимавшее и использовавшее эти лекарства.

Постепенно был выработан определенный порядок заказа лекарств: лекарь екатеринбургского госпиталя подавал заявку в Сибирский обер-бергамт. За подписью Геннина доношение с приложением реестра медикаментов отправлялось через Берг-коллегию в аптеку, готовившую их. Берг-коллегия оплачивала заказ за счет заводов и отправляла с оказией на Урал. В ряде случаев использовались и прямые связи с аптекой. В летние месяцы медикаменты из Москвы часто отправлялись водным путем — по Москве-реке, Оке, Волге, Каме, Чусовой, затем на лошадях до Екатеринбурга. В другие месяцы — по суше: на лошадях, санях, тщательно укупоренными, в больших ящиках, укрытых рогожами.

В 1720 г. лекарства впервые были закуплены и доставлены В. Н. Татищевым в Кунгур, затем на Уктусский завод, где использовались в отсутствии лекаря. В 1722 г. медикаменты прибыли с В. И. Гениным и лекарем на этот завод, где была открыта больница, и применялись для лечения строителей Екатеринбурга. Следующая большая партия на 26 руб. была вручена в 1724 г. канониру, отправленному Гениным с документами в столицу, при его возвращении через Москву. Аптекарь решился отправить заказанные, еще не оплаченные лекарства, оформив как личный долг канонира, что свидетельствовало о высокой степени доверия аптеки к Геннину, оплатившему этот долг из заводских средств. Эти лекарства были доставлены канониром на

Пыскор, где в это время находился глава заводов вместе с лекарем и использовались там для лечения больных. С ноября 1725 г., с возвращением Генина и лекаря в Екатеринбург из Москвы, начал действовать екатеринбургский госпиталь, ставший основным заказчиком и потребителем медикаментов.

Основным центром изготовления лекарств, отправляемых на Урал в течение первой половины XVIII в., являлась Главная аптека Москвы. Она размещалась в здании бывшего Земского приказа (с 1699 г. — Ратуши Москвы) на Красной площади. Иностранцы, посещавшие аптеку, писали о ней как одной из лучших в Европе. Аптека обеспечивалась лекарствами, закупаемыми в портах Архангельска и Риги из рук европейских купцов и привозимыми торговцами из Речи Посполитой, Персии, Китая. Указом Петра I в 1702 г. была установлена доставка лекарственных материалов природного, животного, растительного происхождения из Сибири и соседних стран.

В 1728 г., находясь в Москве, с разрешения Берг-коллегии Геннин сменил поставщика лекарств, выявив большую разницу в ценах на партию, заказанную в его отсутствие для госпиталя Екатеринбурга. Эта партия, как и две, заказанные лекарем, только что нанятым Геннины для нового госпиталя Пыскорского завода, были изготовлены в аптеке Немецкой слободы у Григория Гутбера. Из-за отсутствия в это время денег у Берг-коллегии и срочности приготовления лекарств (чтобы быстрее открыть госпиталь), Геннин заплатил 138 руб. 63 коп. из своих личных средств. Для Пыскорского госпиталя в 1729 г. была заказана третья партия лекарств Гутберу еще на 54 руб. 11 коп. Остатки медикаментов после закрытия госпиталя в 1730 г. были отправлены госпиталю Екатеринбурга, как и партия лекарств, оставшихся на Пыскоре от личной аптеки берграта И. М. Михаэлиса, отбывшему в столицу в 1726 г.

В госпитале Екатеринбурга лечились не только жители города, но и мастеровые и работные люди с близлежащих заводов и рудников. На Лялинский завод, удаленный на 344 версты, запасы лекарства из екатеринбургского госпиталя высылались в 1729 и 1732 гг. и расходовались там в течение трех последующих лет под контролем управляющего заводом. Суммы, тратившиеся на приобретение лекарств для лечения населения уральских заводов в начале 1730-х годов резко возросли: в 1731 г. — до 409 руб. 49 коп., их запаса хватило и на 1732 г.; в 1733 г. — до 717 руб. 46½ коп. В последующие годы порядок заказа лекарств претерпел большие изменения.

А. В. Сиренов

Суздальские купцы XVIII в. и их представления об истории Суздаля

В связи с изменением торговых путей внутри России в XVIII в. город Суздаль в течение этого столетия заметно утратил свое значение как центр торговли. Суздальские купцы беднели и разорялись, но свое самосознание как важной для города социальной корпорации сохранили. Отдельные представители купечества проявляли интерес и к местной истории. Их взгляды зафиксировал первый суздальский историк — священник кафедрального Рождественского собора Анания Федоров. В 1761–1762 гг. он был занят составлением обширного сочинения по истории Суздаля, которое получило название «Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале» (см.: Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале… // Временник ОИДР. М., 1855. Кн. 22. Материалы). А. А. Севастьянова доказала, что при написании своего текста Анания Федоров ориентировался на академическую анкету для составления географического словаря Российской империи, которую через Академию наук в 1760 г. распространяли по губернским, провинциальным и воеводским канцеляриям (Севастьянова А. А. История и историки в провинциях и столицах XVIII–XX вв.: сб. тр. по истории, историографии и регионоведению России XVIII–XX веков. М., 2020. С. 88). В Суздале эту анкету также получили и отослали ответы на предложенные вопросы, на основании которых можно утверждать, что Анания Федоров не принимал участие в их составлении (Ткаченко В. В. «Знатно каковые-нибудь неприятельския были на город нахождения»: известия об истории города Суздаля в ответах на анкеты 1760 года // История и культура Суздальской земли: в честь 1000-летия города Суздаля. Владимир, 2025. С. 227–233). По-видимому, он воспользовался анкетой по собственной инициативе при создании своего исторического сочинения. Одно из требований академической анкеты состояло в том, чтобы при ответе на вопросы были указаны информаторы: для каждого имя, социальный статус и возраст. Этот прием широко использовал и Анания Федоров. Характерно, что информаторами для него выступали в основном представители суздальского духовенства и купечества. От них он узнавал как исторические факты, так и местные предания и легенды. Всего им указано 45 информаторов, из

них 25 церковнослужителей (священники, дьяконы, монахи, пономарь и певчие), 17 представителей купеческих родов, 1 помещик, 1 посадский человек и 1 иконописец. Так, информаторами суздальского историка стали следующие купцы: Леонтий Варфоломеев, Федор Амвросиев сын Колуженин, Федор Иванов сын Крисанов, Никифор Иванов сын Шагурин, Василий Иванов (Больший) и Федор Иванов дети Лужновы, Федор Иванов сын Попов, Яков Васильев сын Вьюшков, Михаил Киприанов сын Шишляков, Василий Дмитриев сын Мамин, Иосиф Петров сын Изюмов, Иван Герасимов сын Зыков, Алексей Шарышев, Стефан Нагибин, Афанасий Селезнев (Холопов), Яков Невзоров. Некоторые из них умерли задолго до написания «Исторического собрания». Очевидно, что автор слышал их рассказы в более раннее время и воспроизвел их на страницах своего исторического труда.

Анания Федоров передает предание о высылке в Суздаль части новгородского купечества при Иване III (после присоединения Новгорода к Москве) и о нравах бывших новгородских купцов, которые отличались от местных традиций. Так, в синодичных записях некоторых родов в XVIII в. поминались новгородские архиереи. В остальном суздальские купцы в отличие от церковнослужителей сообщали Анании Федорову вполне конкретные сведения: об устройстве городских фортификационных сооружений, погибших при пожаре 1719 г., о существовании в прежние времена ручья на территории города, о ремонтах кафедрального собора. Единственное предание, услышанное им от купцов, касалось существования в древние времена, «прежде разорения Батыева», монастыря Рождества Иоанна Предтечи и нескольких приходских церквей на Всполье (окраинном районе Суздаля).

В целом же, суздальские купцы в XVIII в. культивировали свою корпоративную память, сохраняя предание о выводе из Новгорода в конце XV в., и почти не участвовали в создании и трансляции исторических легенд о прошлом Суздаля.

И. В. Торопицын

Предпринимательская деятельность астраханских юртовских татар в XVII–XVIII вв.

Экономическая жизнь астраханских юртовских татар изучена крайне слабо. В историографии бытует мнение, что они вели полукочевой образ жизни, занимаясь преимущественно скотоводством. Другие виды хозяйственной деятельности, свойственные данной категории тюркского населения Нижнего Поволжья, практически не освещены в работах, затрагивающих их повседневную жизнь. А между тем источники сообщают, что татары, проживавшие в окрестностях Астрахани, занимались огородничеством и поставляли свою продукцию на городской рынок, нанимались на учуги, где велся промысел рыбы.

В самой Астрахани имелся Татарский базар (упоминается с конца XVI в.), на котором шла оживленная торговля, которую вели как татары, так и русские купцы. Наказы астраханским воеводам XVII в. уделяют много внимания вопросам регулирования торговли, которую вели юртовские татары. Специально назначенным головам (начальникам) предписывалось следить за тем, чтобы торгующих в Астрахани татар никто не обижал, а все сделки заключались честно.

Татары выращивали различные овощи, а также дыни и арбузы. Кроме того, на жалованных землях они устраивали пруды и вылавливали рыбу. Ранее использовавшиеся ими учуги — специальные сооружения, устанавливавшиеся на водных протоках в дельте Волги и позволявшие заниматься промыслом осетровых видов рыб, в XVI в. были взяты у татарской знати в казну и впоследствии предоставлены Московскому патриархату, монастырям и другим владельцам.

На Татарском базаре шла торговля не только овощами, которые выращивали татары, но и скотом (лошадьми, крупным рогатым скотом, верблюдами) и другими товарами (кожами, сапогами и т. п.).

Отдельным видом торговли, которую вели астраханские юртовские татары и близкородственные им ногайцы и джетисанцы, была доставка на российский рынок (к Москве) на продажу табунов лошадей. Для этого в Астрахани формировалась Ордабазарная станица, в составе которой участники конской продажи перегоняли лошадей под защитой стрелецкого караула. Количество участников такой Ордабазарной станицы могло достигать нескольких сотен человек, что свидетельствует о том, что в

этот вид предпринимательской деятельности было вовлечено достаточно много тюркских жителей Нижнего Поволжья.

Скот астраханские юртовские татары выращивали сами, а также добывали его (преимущественно лошадей) в ходе набегов на соседние народы (ногайцев, крымских татар, калмыков).

Помимо этого астраханские юртовские татары занимались изготовлением арб (двух/четырехколесное транспортное средство), строили для себя лодки и более крупные суда, которые использовали для транспортировки рыбной и другой сельскохозяйственной продукции, а также имущества.

Помимо этого татары, проживавшие в юртах под Астраханью, имели возможность осуществлять разные промыслы, которые были запрещены русскому населению. В частности, татары изготавливали чихирь (домашнее вино), который продавали местным стрельцам и посадскому населению в обход казны, продавали нелегально табак.

Астраханские юртовские татары вели торговлю не только в Астрахани. Они отправлялись со своими товарами в города Центральной Азии, ездили на Макарьевскую ярмарку и в другие дальние места. Одни из них нанимались в работники к русским и восточным купцам, выполняя функции приказчиков. Другие вели самостоятельную торговлю, нередко объединяясь в торговые кампании с представителями восточного купечества Астрахани.

Таким образом, можно видеть, что предпринимательская деятельность составляла важную часть хозяйственной жизни астраханских юртовских татар. По своему характеру она была довольно разнообразной, и если бы татары были обычными скотоводами, то не имели бы возможности массово заниматься огородничеством, рыбным промыслом и отъезжей караванной торговлей.

А. Н. Торопов

Зимовка «железного каравана» Верх-Исетского горнозаводского округа в письмах заводовладельца 1812 г.

Верх-Исетский горнозаводской округ возник в результате раздела огромного заводского хозяйства, созданного на Урале одним из крупнейших российских предпринимателей XVIII в. Саввой Яковлевичем Яковлевым (Собакиным). После смерти предпринимателя (1784 г.) в результате многолетних споров купленные и построенные им заводы были поделены между его сыновьями, после чего началось формирование нескольких крупных горнозаводских округов. Почти всю первую половину XIX в. владельцем Верх-Исетского округа был внук Саввы Яковлева — Алексей Иванович, также внесший большой вклад в развитие уральской металлургической промышленности.

Если во второй половине XVIII в. металлургическая продукция заводского хозяйства Яковлевых большей частью продавалась за границу, и Яковлевы были в числе лидеров в этом деле, имели огромные прибыли, то на рубеже XVIII–XIX вв. ситуация меняется. Спрос на уральское железо за границей падает, Верх-Исетский горнозаводской округ начинает перестраиваться на производство продукции для внутреннего рынка, меняется организация сбыта продукции. Изучение этой организации необходимо для лучшего понимания истории российской промышленности, истории Урала.

В Государственном историческом музее в фонде 434 «Уральские историко-бытовые экспедиции» среди других самых разных, несвязанных между собой материалов в одном из дел нами были обнаружены интереснейшие документы по указанной теме. Вероятно, участники одной из уральских историко-бытовых экспедиций, проводившихся в советское время, включили эти материалы в свою коллекцию, не обратив особого внимание на их важность, поскольку в советское время деятельность заводовладельцев Яковлевых на Урале не вызывала большого внимания. Эти ценнейшие для нашей темы источники — сшитые друг с другом письма уральского заводовладельца Алексея Ивановича Яковлева своим работникам: «прикащику Семену Попову и расходчику Ивану Третьякову», которые заведовали «зимующим на реке Волге караваном». В этих источниках содержится много деталей о зимовке указанного «железного каравана» с продукцией заводов Верх-Исетского горнозаводского округа. Возможно, эти письма были

сохранены потомками одного из этих адресатов и переданы впоследствии участникам уральской историко-бытовой экспедиции.

В подборку вошли десять писем «Гвардии корнета Алексея Ивановича Яковлева», которые были, очевидно, составлены под диктовку, но каждое подписано лично заводовладельцем. Они были направлены с февраля по июнь знаменитого 1812 г., но, разумеется, еще до событий Отечественной войны. Этот караван находился в селе возле города Клин, в который Алексей Яковлев и направлял свои письма. Название села в документах написано неразборчиво, однако с помощью поиска в интернете удалось выяснить, что в Конаковском районе Тверской области на впадении реки Шоши в Волгу находится сейчас деревня Шоша, которая раньше являлась селом. Это, очевидно, — точное место нахождения каравана.

В первом письме от 26 февраля 1812 г. Алексей Яковлев вначале обращается к своим служителям: «Семен Попов и Иван Третьяков! От 19-го февраля о чем следовало я к вам писал, а после того донесение ваше от 18-го того ж февраля мною получено; Слава богу что при доверенном вам железе состояло благополучно».

После чего речь идет уже о сбыте металлургической продукции: «Сколько отпущено вами в минувшую седмицу московским купцам Галкиным листоваго железа, из приложенной рапортиции я вижу <…> Очень бы хорошо, когда кто из тверичан листоваго железа у нас взял, в чем какой успех произойдет время покажет».

Заботился заводовладелец и о надежном хранении железа каравана: «<…> Когда вы имеете сомнение что на местах, где теперь железо лежит, может быть весною каковое либо от воды оному повреждение, то без дальних объяснениев предоставляю вам переместить и укласть железо где вы то учинить заблаго разсудите, ибо сохранение и целость онаго состоит на ответственности вашей, каковой я надеюсь вы себя подвергнуть не захотите; к прискорбию моему и листовое шинное видно не токмо завеснует, но и летом может несколько времени на наших руках останется, ибо я свой доброй товар никак не расположен за бесценок отдавать <…>» и т. д.

Из писем можно узнать много подробностей о процессе продажи железа. Например, в письме от 13 мая 1812 г. заводовладелец пишет: «<…> Сколько отпущено вами в прошедшей седмице по ордерам московским купцам Галкиным листоваго и проданного мною тверскому Назарову ординарно полоснаго железа, из приложенных рапортициев я вижу. На сих днях был здесь вышеупомянутый купец Назаров и уверял меня, что в принятии от вас осталого количества железа и заплате за оное денег, по отъезд свой из Твери он решительно распорядился, что как на самом деле произойдет впредь из донесениев ваших увижу. Когда вы отправленным с аршинным железом две барки деньгами на рас-

ходы до Санктпетербурга: (как из приложенной вашей сметы видно) 3700 руб снабдили, то так и ладно; в каком же благополучии те барки будут ход свой иметь, надеюсь от Полякова надлежащие уведомления получать <…>».

Из письма от 15 апреля 1812 г. можно получить информацию о случаях воровства. Алексей Яковлев делает суровый выговор своим служителям: «<…> С большим огорчением из объяснения вашего вижу я об открывшихся в воровствах в железе Альпина и Караморина, что вы, однако ж, не прежде узнали, как когда по перевоске в железе оказался недостаток, из чего должен заключать, что вы за служителями имеете слабое смотрение, по каковому случаю за нужное нахожу вам подтвердить, чтоб вы за подчиненномы вашими имели покрепче наблюдение, памятуя что за целость капитала моего ответственность лежит на вас. Что касается до распределения служителей куда кого отправить, предоставляю на ваше благоразсмотрение <…>».

Их этих источников можно получить много важнейшей информации. Так, в письме от 6 мая 1812 г. имеются данные о влиянии весны на караван и строгие напоминания заводовладельцем Попову и Третьякову об их ответственности: «<…> Слава богу что при вверенном вами железе и в сохранение от вешняго льду порожних барок произошло благополучно. Из последняго донесения вашего вижу я, что до отправления сюда две барки шинным железом нагружены и к ходу были уже готовы, которые полагаю теперь из Шоши при назначенном вами служителе Матвее Полякове и отправили; но до какого места вы его снабдили деньгами, и куда мне сколько на дальнейшее отправление и к которому времени следует прислать, вы ничего не пишите, что для меня весьма огорчительно, ибо кажется пора бы вам привыкнуть, ращитывать сколько времени откуда почта сюда ходит и сколько наоборот надобно чтоб писмо или деньги получить, а то вы часто думаете, что сегодня напишите и завтра и ответ получите. Есть ли от таковой вашей безпечности последует в ходу барок остановка или промедление, то будете ответствовать <…>».

Таким образом, рассмотренные нами документы, выявленные в Отделе письменных источников Государственного исторического музея, содержат много важной и очень интересной информации о том, как непосредственно осуществлялся сбыт металлургической продукции с уральских заводов. Также с их помощью можно получить дополнительное представление о том, что Алексей Иванович Яковлев не просто владел Верх-Исетским горнозаводским округом, но и сам занимался его управлением, вникал в детали работы, в данном случае внимательно следил за своим «железным караваном».

К. А. Уланов

Проблемы сбыта продукции казенных заводов Урала в Москве и Санкт-Петербурге в первой половине XVIII в. *

Система доставки продукции уральских казенных заводов в Москву и Санкт-Петербург в первой половине XVIII в. была ориентирована не только на физическое перемещение значительных объемов металла, но и на обеспечение его последующей реализации. Конечные пункты движения караванов выполняли различные функции. Москва выступала прежде всего одним из важнейших центров внутреннего потребления, тогда как доставка железа в Санкт-Петербург в значительной степени была связана с его последующей передачей иностранным, прежде всего английским, купцам. При этом достижение караваном столицы само по себе не означало завершения караванной операции: на заключительном этапе возникал комплекс проблем, связанных с разгрузкой, учетом, хранением, передачей и продажей продукции.

Маршруты московской и петербургской частей каравана различались уже после достижения Нижнего Новгорода. Основная часть судов с различными сортами железа направлялась в Санкт-Петербург и обычно достигала столицы лишь весной или летом следующего года. Другая часть коломенок уходила по Оке в Москву и прибывала туда в конце лета — начале осени, то есть могла завершить путь в течение одной навигации. Наряду с ними существовали так называемые «однолетние суда», перевозившие продукцию специального назначения: сталь для оружейных заводов, медь для монетного производства и артиллерии, мрамор, кованые изделия и другие срочные заказы центральных учреждений и императорского двора.

Основной проблемой являлся точный учет привезенного металла. Еще на этапе приема продукции на чусовских пристанях могли возникать расхождения в весовых ведомостях, которые увеличивались вследствие перегрузок, аварий и крушений в дороге. Для сокращения

* Доклад подготовлен при поддержке гранта РНФ № 24-18-00080 «Антропология горнозаводского центра: социальная стратификация раннего Екатеринбурга в 1723–1781 гг.».

подобных расхождений вместе с караваном стали отправлять весы и гири, предназначенные специально для повторного взвешивания железа в Москве и Санкт-Петербурге. Однако и эта мера не устранила проблему полностью. Например, при приемке железа из каравана И. Бухвалова в 1733 г. обнаружился недовес в 269 пудов. Управитель объяснял его гибелью четырех судов на Боровицких порогах и потерей части поднятого из воды металла. Одновременно выяснилось, что часть груза была первоначально принята на пристани без взвешивания. Подобные случаи осложняли окончательные расчеты и становились причиной служебных расследований.

Прибывшие в Москву и Петербург коломенки не возвращались на Урал, а продавались с торгов местным купцам. Организацией продажи занималась Берг-коллегия, при этом не всегда удавалось выручить желаемую сумму. В 1742 г. Берг-коллегия оценила суда вместе с оснащением в 312 руб. 13 коп., однако купцу Илье Титову они были проданы лишь за 198 руб. 5 коп. Еще более показателен пример 1743 г.: три судна, приведенные в Москву под управлением В. Глазова, при оценке в 160 руб. 60 коп. удалось реализовать всего за 82 руб.

Еще более отчетливо проблемы заключительного этапа караванной операции проявлялись в Санкт-Петербурге. После прибытия караванный управитель должен был явиться в Берг-коллегию и передать доставленные припасы указанным получателям. Однако передача уральского железа английским купцам нередко растягивалась на многие месяцы. В результате суда, уже прошедшие многомесячный путь через Чусовую, Каму, Волгу, Тверцу, Вышневолоцкую систему, Мсту, Волхов и Неву, фактически превращались в плавучие склады. В Петербурге происходило скопление коломенок с железом, которое продолжало оставаться на борту в ненадлежащих условиях. С наступлением зимы суда повреждались, а недостаточная охрана создавала условия для хищений.

Затягивание продажи имело более широкие экономические последствия. Доставка уральской продукции сама по себе представляла чрезвычайно длительный цикл: среднее время пути до Санкт-Петербурга составляло около 404 дней, причем 214 дней приходилось на зимовку в Твери. Если после этого железо месяцами оставалось непринятым покупателями, период между изготовлением продукции на Урале и получением выручки еще более увеличивался. Удаленность горнозаводского района от основных рынков, сложность перевозки и продолжительность транспортного цикла непосредственно способствовали замедлению оборота капитала, росту транспортных издержек и удорожанию продукции.

Таким образом, эффективность казенных караванов определялась не только способностью доставить металл из Уральского региона в центральные районы страны, но и возможностью организовать его своевременный прием и реализацию. Именно на завершающем этапе транспортировка непосредственно соединялась с торговой операцией, а задержки сбыта существенно снижали экономический эффект сложной и дорогостоящей системы речных коммуникаций.

Д. З. Фельдман

К вопросу о положении курляндского еврейского купечества в России в конце XVIII в.

В екатерининскую эпоху в практику государственного управления России были введены сенаторские ревизии, осуществляемые Сенатом посредством посылки в губернии своих представителей, имевших опыт работы в административной, правовой и экономической областях. Таким образом реализовывалась одна из форм контроля высшей имперской власти за состоянием дел в провинции. В качестве сенатора граф А. Р. Воронцов также осуществлял инспекции ряда российских губерний, в том числе тех, где проживало еврейское население. Маршрут одной из его сенаторских ревизий пролег в Лифляндскую губернию.

В начале 1784 г. Воронцов, занимавший тогда должность президента Коммерц-коллегии, был направлен Екатериной II в Остзейский (Прибалтийский) край для «ревизии». Во время нахождения графа в Риге (Лифляндия) к нему обратились шестеро еврейских купцов из Митавы (Курляндия), пожелавшие записаться в российское купечество, и Воронцов отнесся к их просьбе положительно. Отсутствовавшие в тот момент в городе курляндские евреи Исаак Вульф, Исаак Мойзес, Бер Менассе и Юдель Исаак позднее также изъявили желание стать российскими купцами, что и стало поводом к появлению 28 июля 1784 г. их ходатайства на имя тайного советника Воронцова.

Как известно, территория Курляндского герцогства, а также Литвы и Западной Белоруссии, вошла в состав Российского государства в 1795 г., но право гражданства здесь будет распространено на местных евреев, которые проживали в крае к этому времени уже более двухсот лет, только при Павле I, в 1799 г. До этого момента евреи не получали права участвовать в сословно-городском общественном самоуправлении. Таким образом, на момент подачи прошения курляндские жители — и евреи в том числе — для россиян были пока еще иностранцами.

Анализируя причины появления данного документа, можно констатировать, что стремление еврейских предпринимателей из Митавы записаться в члены российского торгового сословия было довольно резонным. Евреи увидели в России обширный и еще недостаточно освоенный торговый рынок, суливший серьезные выгоды и перспективы.

Именно это и подтолкнуло иностранных еврейских купцов обратиться к видному русскому вельможе со своей просьбой, тем более, что это дозволялось законами. (Лишь 1 января 1807 г. вышел манифест императора Александра I «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий», согласно которому иностранцам запрещалось состоять в купеческих гильдиях, после чего они либо принимали российское подданство, либо исключались из гильдий.) Нельзя сбрасывать со счетов и определенные трудности, возникшие во взаимоотношениях евреев с курляндским дворянством, о чем было упомянуто в прошении.

Кстати, несмотря на относительную свободу деятельности, наличие определенных льгот и привилегий, евреи в «дороссийский» период не имели никакого признанного статуса и фактически были выделены в различных странах (например, в Польше и Литве, Курляндии) в особую общественную группу. Впервые в истории в 1780-х годах российские евреи — мещане и купцы — были сословно уравнены с христианским мещанством и купечеством, что по идее должно было привести к уничтожению их обособленности. В русле этой политики лежали такие законодательные акты, как именной указ Екатерины II белорусскому генерал-губернатору графу З. Г. Чернышеву от 7 января 1780 г. «О дозволении евреям, обитающим в Могилевской и Полоцкой губерниях, записываться в купечество»; именной указ Правительствующему Сенату от 3 мая 1783 г. «О податях с купечества, мещан, крестьян и других обывателей…», с распоряжением обложить евреев податями «по состоянию, в какое они запишутся, без различия закона и народа»; именной указ, объявленный белорусским генерал-губернатором генерал-аншефом П. Б. Пассеком генерал-прокурору князю А. А. Вяземскому 26 февраля 1785 г. и предложенный генерал-прокурором Сенату 10 марта, о соблюдении всех «выгод и прав без различия закона» записавшимся в сословия евреям, уже вошедшим «в состояние равное с другими»; а также указы 1782–1783 гг., определяющие льготы и привилегии российского мещанства и купечества в целом. Все это также не могло не привлекать заграничных евреев к участию в российской экономике.

Указанное обращение курляндцев имело вполне конкретный результат. В ответ на прошение четырех митавских евреев Екатерина II издала 4 февраля 1785 г. именной указ лифляндскому и эстляндскому генерал-губернатору графу Ю. Ю. Броуну «О позволении еврейским купцам записываться в купечество посада Шлока». В этом местечке, присоединенном к Рижской губернии от Курляндского герцогства

(ныне Слока, район г. Юрмалы), и было разрешено проживать курляндским евреям до присоединения в 1795 г. Курляндии и Семигалии к Российской империи. Таким образом, прошение митавских евреев к сенатору А. Р. Воронцову напрямую повлияло на процесс нормативно-правового регулирования еврейского предпринимательства в России в конце XVIII в.

С. И. Цеменкова

Владельцы лавок Гостиного двора и торговая недвижимость в Екатеринбурге в конце XVIII в. *

В фонде «Екатеринбургская городская дума» Государственного архива Свердловской области сохранилось дело, созданное в 1791 г., — «Сказки купцов и мещан, у которых отобраны лавки» (ф. 8, оп. 1, д. 23). Оно состоит из 94 записей-сказок, каждое из которых зафиксировало владельцев, их социальную принадлежность, местоположение лавок, способы приобретения и пр. Обстоятельства создания этого источника пока неизвестны. Тем не менее, он позволяет реконструировать социальный облик части торгового населения города в конце XVIII в., а также проследить механизмы функционирования рынка недвижимости в Екатеринбурге.

Анализ социального состава владельцев показывает, что торговые лавки Екатеринбурга принадлежали представителям разных сословий. Наиболее многочисленную группу составляли купцы (54 чел.), среди которых встречаются имена Михайлы Черапанова, Петра Астраханцова, Алексея Фелькнера и др. Им принадлежало более 120 лавок, амбаров и балаганов. Представительной была группа посадских (35 чел.), например, Михайла Затекин, Никита Киприанов, Андрей Скорняков и др. За ними было записано порядка 48 лавок. Были лавки у двух цеховых (ремесленников) (3 лавки), и трех крестьян (5 лавок). Примечательно, что в источнике зафиксировано некоторое число женщин-владелиц (7 чел.) — преимущественно вдов купцов и посадских (Маланья Рюмина, Авдотья Харчевникова, Анна Дубровина).

Способы приобретения торговых помещений, зафиксированные в документе, позволяют выделить несколько основных каналов формирования собственности. Первый и наиболее распространенный — «своей постройки». Многие владельцы указывали, что возвели лавку «на порожнем месте» по разрешению городничего или Канцелярии Главного заводов правления. Второй канал — купля-продажа, причем сделки нередко заключались между представителями разных сосло-

* Тезисы подготовлены при поддержке гранта РНФ, проект № 24-18-00080 «Антропология горнозаводского центра: социальная стратификация раннего Екатеринбурга в 1723–1781 гг.»).

вий: купцы покупали лавки у крестьян (Иван Бронников у крестьянина Михаила Стерлигова, Василий Калашников у него же), посадские — у купцов, крестьяне — у посадских. Третьим важным механизмом было наследство и приданое (Василий Калегин получил лавку за женой, Федор Черепанов — в наследство от матери, Авдотья Рябкова — от мужа). Наконец, встречаются и такие способы, как переход собственности «из долга» (Иван Коробков получил лавку от должника-крестьянина) или по закладной. Примечательно, что значительное число владельцев не имело крепостных актов на свои помещения, ссылаясь на давность владения или устное разрешение властей.

Исключительный интерес представляют подписи, позволяющие судить об уровне грамотности владельцев. Примерно две трети из 94 сказок подписаны самими владельцами, треть — заверена посторонними лицами (родственниками, сыновьями) либо оставлена без подписи. При этом грамотность четко коррелирует с социальным статусом: купцы подписывались в подавляющем большинстве случаев. Среди посадских грамотных заметно меньше, а если они и расписывались, то их подпись свидетельствует о минимальных навыках письма.

Содержание источника позволяет провести анализ распределения торговых помещений по рядам Гостиного двора и выявляет отчетливую сословно-пространственную дифференциацию. Ядром городской торговли являлся основной комплекс Гостиного двора, где сосредоточились наиболее престижные каменные и деревянные лавки. Эта локация была преимущественно купеческой: из 42 выявленных купцов-владельцев 26 имели помещения именно в Гостином дворе. Посадские здесь также присутствовали (12 чел.), однако их лавки чаще оказывались деревянными либо располагались на периферии — «снаружи», на полуденной или западной стороне.

Иная картина наблюдалась в специализированных рядах. Мучной ряд оказался зоной доминирования посадских (10 из 17 владельцев) и крестьян, купцы здесь составляли меньшинство. Сыромятный ряд, связанный с кожевенным производством, был вотчиной цеховых и посадских — ремесленников, для которых торговля служила продолжением их профессиональной деятельности. Мелочный, рыбный и калачный ряды также преимущественно были заняты посадскими, тогда как купцы появлялись в них лишь эпизодически, чаще имея здесь дополнительные, а не основные точки.

Балаганы хмелевого ряда занимали особое положение: это была зона второстепенной недвижимости, где фиксировались представители всех сословий, но преимущественно купцы (8 чел.), использовавшие их как дополнительные торговые площади. Женщины-владелицы, на-

против, концентрировались в менее престижных рядах (мучной, хмелевой) или на периферии Гостиного двора.

Таким образом, материалы «Сказок о лавках» 1791 г. представляют собой ценный источник для микроисторического анализа социальной структуры и экономических практик в Екатеринбурге, позволяя реконструировать некоторые детали торговой жизни города в конце XVIII в.

Е. Ю. Янушкевич

Из истории русско-персидских торговых отношений в 30-е годы XIX в.

Русско-персидская торговля в царствование Николая I (1825–1855 гг.) являлась важной составляющей внешнеэкономической политики Российской империи. Правительство последовательно и целенаправленно создавало условия для развития торгового диалога. Среди мер государственной поддержки следует отметить организацию сбора коммерческой информации о персидском рынке. Достоверное знание о структуре спроса, ценах и конкурентной среде могло повысить эффективность торговых операций. В докладе на основе материалов Российского государственного исторического архива (РГИА) впервые рассматривается сбор коммерческой информации о персидском рынке в 1835–1837 гг. — аспект, который до сих пор не становился самостоятельным предметом изучения в рамках исследований по истории русско-персидской торговли.

История появления коммерческой информации, доставляемой из Персии в Россию, связана с именем российского фабриканта В. И. Немчинова. Так, в 1835 г. он, пытаясь наладить сбыт писчей бумаги и стекла в Персии, обратился к члену Мануфактур-совета Н. И. Розанову с просьбой предоставить сведения о ценах и видах товаров, пользующихся спросом на персидском рынке. Последний смог передать лишь неполные имевшиеся данные. Поэтому Розанов ходатайствовал перед директором Департамента мануфактур и внутренней торговли Я. А. Дружининым об организации сбора образцов изделий и коммерческой информации через российское консульство в Тавризе. Также Розанов указывал, что эти сведения могли быть полезны и другому фабриканту Я. В. Прохорову, который был заинтересован в сбыте металлических изделий и вывозе из Персии шелка. В Министерстве финансов сочли инициативу полезной для российской промышленности. Министр финансов Е. Ф. Канкрин запросил у Министерства иностранных дел содействия и предложил выделить на эти цели сумму в размере 3 тыс. руб. ассигнациями. По инициативе вице-канцлера К. В. Нессельроде сбор сведений о персидском рынке помимо тавризского консула Д. Ф. Кодинца был поручен полномочному министру

в Тегеране И. О. Симоничу. К 1837 г. отчеты и образцы поступили в Московское отделение Мануфактурного совета.

Собранные сведения представляли собой систематизированный свод данных. Отчет содержал перевод персидских мер и валют в российские, что позволяло купцам корректно пересчитывать цены и объемы. Подробно описывались товары, пользовавшиеся спросом: железные, стальные, медные и стеклянные изделия, писчая бумага, фарфоровые товары, а также бумажные, шерстяные и шелковые ткани. По каждой позиции указывались цены в персидской валюте и география производства. Отдельно отмечалось, что английские товары дороже и нередко уступают в качестве персидским, поэтому для успешного сбыта русские изделия должны быть изготовлены с учетом вкусов и предпочтений персиян. Кроме того, в отчете приводился расчет возможного ежегодного сбыта по каждой группе товаров, что позволяло промышленникам оценить емкость рынка.

Наряду с дипломатическими соглашениями, таможенным протекционизмом, созданием консульской сети и военным прикрытием торговых путей, Российское государство в 30-е годы XIX в. целенаправленно формировало информационную базу для своих предпринимателей. Полученные в 1837 г. сведения отличались высокой степенью детализации: от перевода валют и мер до локализации производственных центров и оценки конкурентоспособности. В рассматриваемом деле также фиксируются конкретные имена фабрикантов, проявивших инициативу по расширению торговли с Персией. На основании выше изложенного, следует сделать вывод о том, что в этот раз правительство оперативно среагировало на запросы деловых кругов. Обращение к этому эпизоду позволяет по-новому взглянуть на механизмы взаимодействия государства и частного российского капитала при освоении персидского рынка. Проведенный анализ демонстрирует еще одну ступень в развитии коммерческих отношений между Россией и Персией в 30-е годы XIX века.

Сведения об авторах

Абдрахманов Константин Алексеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета (Оренбург).

Аксенова Мария Дмитриевна, старший преподаватель Школы исторических наук факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва).

Алмазов Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения и специальных исторических дисциплин Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва).

Базарова Татьяна Анатольевна, кандидат исторических наук, и. о. зав. Отделом источниковедения Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Санкт-Петербург)

Балковая Валентина Григорьевна, доктор юридических наук, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Дальневосточного юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (Владивосток).

Беляева Вероника Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород).

Бородина Елена Васильевна, доктор исторических наук, доцент кафедры истории России Уральского федерального университета (Екатеринбург).

Васильева Надежда Дмитриевна, старший преподаватель кафедры отечественной и всеобщей истории Псковского государственного университета (Псков).

Верещагина Ирина Викторовна, художественный редактор Издательского комплекса Забайкальского государственного университета (Чита).

Голикова Светлана Викторовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра политической и социокультурной истории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург).

Гущина Дина Вадимовна, кандидат исторических наук, старший преподаватель факультета гуманитарных наук Школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва).

Дашкевич Людмила Александровна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра методологии и историографии Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург).

Демироглу Хасан, PhD, доцент Тракийского университета (Эдирне, Турция).

Дубровина Карина Владиславовна, лаборант-исследователь Лаборатории эдиционной археографии Уральского федерального университета (Екатеринбург).

Ефимов Андрей Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, и. о. зав. Научно-историческим архивом Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Санкт-Петербург).

Жиброва Татьяна Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории Воронежского государственного университета (Воронеж).

Захаров Виктор Николаевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института российской истории Российской академии наук (Москва).

Киселев Михаил Александрович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории эдиционной археографии Уральского федерального университета (Екатеринбург).

Колегов Святослав Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения Уральского федерального университета (Екатеринбург).

Комлева Евгения Владиславовна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории второй половины XVI — начала XX в. Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск).

Копырина Сардана Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления Уральского федерального университета (Екатеринбург).

Кореева Наталья Анатольевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Казанский научный центр Российской академии наук» (Казань).

Корнилов Артем Юрьевич, независимый исследователь (Владимир).

Коршунова Надежда Владимировна, доктор исторических наук, заведующая кафедрой истории и права Южно-Уральского гуманитарно-педагогического университета (Челябинск).

Космовская Анна Алексеевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Пермского государственного института культуры (Пермь).

Лазарев Яков Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории эдиционной археографии Уральского федерального университета (Екатеринбург).

Лисейцев Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, заместитель директора, руководитель Центра истории русского феодализма Института российской истории Российской академии наук (Москва).

Ломако Петр Евгеньевич, аспирант кафедры истории и философии Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (Москва).

Манин Даниил Олегович, кандидат исторических наук, н.с. НИИ русской культуры Уральского федерального университета (Екатеринбург).

Манькова Ирина Леонидовна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра методологии и историографии Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург).

Махадов Ахмедия Камилович, преподаватель кафедры общеобразовательных и профессиональных дисциплин Дагестанского государственного университета (Махачкала).

Минаева Татьяна Станиславовна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова (Архангельск).

Молчанова Елена Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент Высшей школы педагогики и истории Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск).

Мустафин Артур Рашидович, кандидат исторических наук, доцент социальной и экономической истории России Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва).

Накишова Марина Тазабаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории цифровых технологий в историко-культурных исследованиях Уральского федерального университета (Екатеринбург).

Осипова Яна Вячеславовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран Челябинского государственного университета (Челябинск).

Павлина Татьяна Викторовна, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории и философии Московского финансово-юридического университета (Москва).

Раздорский Алексей Игоревич, доктор исторических наук, руководитель Федерального центра регионалистики Российской национальной библиотеки, ведущий научный сотрудник Отдела источниковедения Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Санкт-Петербург).

Редин Дмитрий Алексеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, зав. Лабораторией эдиционной археографии Уральского федерального университета (Екатеринбург).

Роднов Михаил Игоревич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (Уфа).

Санжиева Татьяна Ефремовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Бурятии Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова (Улан-Удэ).

Сафронова Алевтина Михайловна, доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления Уральского федерального университета (Екатеринбург).

Сиренов Алексей Владимирович, доктор исторических наук, директор Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, член-корреспондент Российской академии наук (Санкт-Петербург).

Торопицын Илья Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Астраханского государственного университета им. В. Н. Татищева; старший научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Астрахань/Казань).

Торопов Андрей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления Уральского федерального университета (Екатеринбург).

Уланов Кирилл Андреевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления Уральского федерального университета (Екатеринбург).

Фельдман Дмитрий Захарович, кандидат исторических наук, главный специалист Российского государственного архива древних актов (Москва).

Цеменкова Светлана Ивановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления Уральского федерального университета (Екатеринбург).

Янушкевич Елизавета Юрьевна, младший научный сотрудник отдела Ближнего и Среднего Востока Института восточных рукописей Российской академии наук (Санкт-Петербург).